

Алексей Аркадьевич Брежнев

**КИТАЙ:
тернистый путь к добрососедству**

Воспоминания и размышления

УДК 327(47+57:510)(091)

ББК 63.3(2)635-64+63.3(5 Кит)6-64 Б87

Брежнев Алексей Аркадьевич

Б87 Китай: тернистый путь к добрососедству.

Воспоминания и размышления. — М.: Междунар.

отношения, 1998. — 240 с, ил.

ISBN 5-7133-0947-9

Автор — Чрезвычайный и Полномочный Посланник I класса, кандидат исторических наук. Находясь долгие годы на дипломатической службе в Китае, был очевидцем и в известной мере участником многих драматических событий, развернувшихся во второй половине XX века в области советско-китайских отношений. Он рассматривает этот конфликт как проявление системного кризиса, с которым столкнулись социалистические страны. По мнению автора, геополитическое положение и национальные интересы обеих стран определяют их добрососедство и отношения стратегического партнерства.

Моим коллегам дипломатам-китаистам посвящается

**ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ**

Образование 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики и установление, как тогда говорили, братских отношений между нашими странами порождали не просто радость, но и эйфорию среди значительной части советского общества, среди китайцев и у многих наших зарубежных друзей. Заключенный вслед за тем советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи (14 февраля 1950 г.), казалось, стал непреодолимым фактором мира и стабильности на Дальнем Востоке и на международной арене в целом. Думалось тогда, что он был способен ускорить социально-экономическое развитие наших стран, укрепить позиции мирового социализма, приблизить его победу в соревновании с капитализмом.

Старт был блестящим. Его результаты не замедлили сказаться и на повышении веса СССР и Китая в международных делах, и на жизни народов наших государств.

К сожалению, огромный мирный созидательный потенциал, заложенный в нашей дружбе с Китаем, остался нереализованным. Уже в 50-е годы в отношениях между СССР и Китаем стали появляться трещины, постепенно перераставшие в ожесточенную вражду, особенно на верхних этажах власти. В 1967 году возникла реальная угроза разрыва отношений, а двумя годами позже дело дошло до вооруженных столкновений на границе, в ходе которых с обеих сторон были убитые и раненые. Что же касается материального ущерба, то достаточно привести такую цифру: конфронтация с Китаем, по самым скромным подсчетам, обошлась только советской стороне в 200 млрд. (доперестроечных!) рублей. Это в 3,3 раза больше суммы, которую СССР затратил на войну в Афганистане (оценка китайской стороной своих потерь мне не известна, но в любом случае они также весьма значительны, особенно с учетом упущенных возможностей). А что уж говорить об ущербе моральном и политическом!

Лишь спустя три десятилетия после начала конфликта дорогостоящая размолвка отступила под воздействием глубинных интересов наших народов. Всесторонне оценив обстановку, Россия и Китай не только покончили с взаимной враждой, но и установили отношения равноправного доверительного партнерства. Несущей конструкцией этих отношений служат начавшиеся с 1989 года регулярные встречи глав государств и правительств, руководителей внешнеполитических и иных ведомств, парламентариев и других представителей наших стран. Высокая интенсивность таких контактов – следствие и показатель того важного места, которое наши государства отводят друг другу в своей внешней политике.

Теперь, когда крупные неприятности и трудности позади, невольно задумываешься над тем, каковы были причины и обстоятельства, породившие кризисное состояние

советско-китайских отношений в прошедшие годы. Речь идет не о традиционном вопросе «кто виноват?», неизбежном в обличительной публицистике, к жанру которой настоящие записки не относятся. Сведение дела к поиску виноватых может лишь завести в тупик, оставив без ответа главный вопрос – об уроках, которые следует извлечь на будущее. Не снимая с кого бы то ни было исторической ответственности за происшедшее, хочу заметить, что даже самые могущественные причастные к делу лица (И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Мао Цзэдун и др.), не говоря уже об их окружении, аппаратных работниках и т.д., были ограничены в своем мышлении и поведении господствовавшими в те годы представлениями, им было недоступно то широкое видение мира, которое открылось перед человечеством в конце XX века. Следовательно, ответ надо искать глубже, в исторической толще событий, которые пережили наши страны и весь мир в этот период.

В феврале 1989 года, обсуждая с министром иностранных дел СССР проблему нормализации советско-китайских отношений, китайский лидер Дэн Сяопин заявил, что готовившаяся тогда советско-китайская встреча на высшем уровне «должна закрыть прошлое и открыть будущее». При этом по ходу беседы он заметил: для решения стоящих перед сторонами задач «надо знать прошлое. Но это не означает, что надо ворошить его». И это, мне кажется, справедливо во всех случаях – и в отношениях между людьми, и в отношениях между государствами: обращение к прошлому должно быть конструктивным, направленным не на разжигание страстей и взаимной неприязни, а на выяснение того, что надо и что не надо делать, чтобы отношения между нашими странами и народами носили стабильно добрососедский характер.

Мне довелось работать на дипломатическом поприще по Китаю около трех десятилетий, из которых около двух десятков лет – в самом Китае. Я имел, таким образом, возможность наблюдать и в известной степени был причастен к той драме, которая развернулась в советско-китайских отношениях в конце 50-х и завершилась в 80-е годы. По своим истокам и содержанию это были исключительно сложные события, и потребуются еще время, чтобы дать им полноценную оценку. Не претендуя ни на всеохватывающее систематизированное изложение произошедшего, ни на бесспорность выводов, хочу поделиться с читателем своим пониманием событий, очевидцем которых я был.

Многие из приведенных здесь фактов находили то или иное отражение в научной, публицистической и мемуарной литературе, хотя некоторым из них не уделялось достаточного внимания, а кое-что вообще стало забываться. К сожалению, я не вел личных дневниковых записей. Поэтому события описываются здесь такими, какими их сохранила память, разумеется, с теми поправками, уточнениями и комментариями, которые позволяют делать истекшие с тех пор годы (это, в частности, относится и к точной датировке некоторых из них).

Главное, что заставило меня сесть за стол и начать работать над этими записками, – это желание попытаться совместно с читателем обдумать пережитое и оценить его в ретроспективе. Время для этого наступило: видение событий прошлого освобождается от искажений, порождаемых их эмоциональным восприятием и доктринерством. Вместе с тем оно обогащается новыми сведениями и опытом.

Разумеется, при оценке действий той или иной стороны, того или иного деятеля в развитии советско-китайских отношений необходимо в должной мере учитывать те исторические условия, в которых все это происходило и которые определяли рамки и характер поведения их участников.

Напомним главные из этих обстоятельств.

Первое – это глубокий раскол мира на две антагонистические группировки, одна из которых провозгласила намерение добиться победы коммунизма в глобальном масштабе, другая – уничтожить коммунизм на Земле и обеспечить сохранение существующих порядков. Схватка носила бескомпромиссный характер, и вплоть до второй половины 80-х годов казалось, что она не может иметь иного исхода, кроме полной победы одного и, соответственно, полного поражения другого ее участника. Обладание обеими сторонами ядерным и другими видами оружия массового уничтожения лишь подчеркивало драматизм ситуации, хотя и имело в то же время определенный сдерживающий эффект. Обе группировки, лидерами которых являлись СССР и США,

стремились нанести максимальный ущерб противнику, оказывать на него давление и сеять раздор в его рядах в надежде отколоть или, по крайней мере, нейтрализовать часть его союзников. Вторым, не менее существенным, обстоятельством был системный кризис, который переживали социалистические страны. Выяснение его причин выходит за рамки нашей темы. Здесь можно лишь отметить тот исторический факт, что эти страны начали свое послевоенное экономическое развитие с худших стартовых условий, чем передовые промышленно развитые государства, составлявшие костяк противоположного лагеря. Исторически сложившееся экономическое отставание от западных стран дополнялось послевоенной разрухой. В отличие от США, Советский Союз не имел возможности предложить своим союзникам что-либо подобное «плану Маршалла», хотя и делал все возможное в оказании помощи другим социалистическим странам, включая Китай. Собственная экономическая безопасность нашей страны оказалась подорванной.

Авторитет СССР на международной арене поддерживался главным образом его военной мощью. Советский «реальный социализм» был не в состоянии превзойти ведущие капиталистические страны и по уровню предоставляемых своим гражданам прав и свобод, что он, казалось, должен был бы сделать по определению. В сущности, он оставался тоталитарным режимом. XX съезд начал подтачивать его основы, всколыхнул общество. Но его линия на демократизацию партии, на придание социализму «человеческого лица» наталкивалась и на непонимание, и на сопротивление как внутри СССР, так и в ряде его социалистических союзников, в том числе и прежде всего в Китае. В Советском Союзе, особенно в годы «застоя», эти процессы стали даже активно притормаживаться сверху. Все это наложило серьезный отпечаток на внешнюю политику СССР, а тем самым и на характер международных отношений в целом. С одной стороны, это нередко подталкивало к принятию всякого рода рискованных решений, не имевших оправдания с точки зрения национальных интересов страны, а с другой – сокращало возможности СССР для маневрирования, в том числе для обоснованных уступок и компромиссов, неизбежных при поисках взаимоприемлемых решений. Перечень предпосылок и обстоятельств, порождавших трудности в советско-китайских отношениях, можно продолжить. Но и сказанного достаточно, чтобы увидеть, что этот конфликт был неотъемлемым элементом сложного исторического процесса, протекавшего в послевоенном мире, поэтому было бы упрощением сводить его причины к дипломатической некомпетентности, низкой культуре, своеволию и взаимной личной неприязни тех и т.п. или иных лиц.

ГЛАВА I

ССОРА

Как же все-таки случилось, что в советско-китайских отношениях, в которых в начале 50-х годов господствовали «нерушимая дружба», «монолитное единство» и т.д. и т.п., вдруг во второй половине того же десятилетия возникли ссоры и ожесточенная вражда? Ответ на этот вопрос будут еще долго искать и историки, и правительственные чиновники, занятые выработкой политики своих стран в области российско-китайских отношений, и представители общественности. Понимая необъятность и многогранность проблемы, а также пределы своих возможностей, ограничусь тем, что приведу здесь некоторые известные мне факты и свои размышления о них.

ОБ АВТОРЕ

Но прежде чем приступить к изложению материала, позволю себе сказать несколько слов об авторе, который прошел в целом тот же путь, что и многие коллеги-сверстники. Мое детство и юность совпали со второй мировой войной и тяжелыми первыми послевоенными годами. Неопишуемые страдания народа, надвигавшиеся темные тучи холодной войны, с одной стороны, и опьяняющая радость победы над фашизмом, лучезарное будущее, которое сулила стране официальная пропаганда, – с другой, порождали множество вопросов и провоцировали интерес к общественным проблемам. Выдав себя за студента-

первокурсника одного из вузов г. Куйбышева (Самары), я сумел попасть в местный двухгодичный Университет марксизма-ленинизма. Обман спустя некоторое время раскрылся, но учтя, что называется, «благие намерения», мне дали возможность доучиться. При этом, видимо, зачлось и то, что я был секретарем комсомольской организации школы, членом горкома ВЛКСМ.

В университете произошло мое первое знакомство с философией, политэкономией и другими общественными науками. Особое впечатление на меня произвел курс истории международных отношений и внешней политики СССР, который читал популярный тогда в Куйбышеве лектор-международник. К тому же в это время вышла в свет сразу ставшая весьма популярной трехтомная «История дипломатии», которой я буквально зачитывался. Короче говоря, по окончании средней школы у меня не было вопроса, куда пойти учиться. Я отправился в Москву и, будучи «золотым медалистом», без особого труда поступил на историко-международный факультет Московского государственного института международных отношений.

Хотя реальная жизнь во многом отличалась от юношеских мечтаний, преподнося самые неожиданные и не всегда приятные сюрпризы, я в своем выборе не разочаровался. Профессия дипломата пришлась мне по душе, особенно в той ее части, которая касалась информационно-аналитической работы и поддержания контактов с иностранными партнерами. Неоднократно у меня возникали ситуации, когда я мог перейти в другие организации или на работу по другим странам, но всякий раз, хотя и не без колебаний, я оставался верным первоначально избранному пути. Лишь ближе к концу трудовой деятельности, пройдя в посольстве все ступени служебной лестницы – от стажера до посланника, я согласился (причем под давлением обстоятельств) перейти на работу в международную организацию.

В отличие от выбора профессии, который был предопределен мною заранее, специализация по Китаю произошла не по моей инициативе. Институт я окончил с «красным дипломом» в качестве историка-международника, специалиста по США. Подумывая о поступлении в аспирантуру, но потом решил, что прежде, чем заняться наукой, необходимо поднабраться опыта практической работы. Когда дело дошло до распределения выпускников, я высказал пожелание пойти на службу в Министерство иностранных дел. В Управлении кадров МИД СССР пожелание мое учли, но... предложили поехать в Пекин.

Такой вариант был для меня полной неожиданностью. Это не соответствовало ни моей специализации, ни языковой подготовке (тогда я неплохо владел английским, гораздо хуже – французским, а о китайском не имел ни малейшего представления. Мне, однако, сказали, что мое пребывание в Пекине начнется с изучения китайского языка). Обдумав предложение, я нашел его заманчивым: Китай, великая дружественная страна, с которой в то время бурно развивались всесторонние отношения, был идеальным местом, где начинающий дипломат мог попробовать свои силы и набраться опыта. Я дал согласие.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С КИТАЕМ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Направление в Китай не было случайностью.

Стремительное расширение советско-китайских связей после 1949 года остро ставило вопрос о дипломатических кадрах, которых катастрофически не хватало. МГИМО в то время еще не имел Восточного отделения, а Институт востоковедения, готовя прекрасных страноведов, не давал им необходимой дипломатической подготовки. Чтобы решить эту проблему, в 1951 году при советском посольстве в Пекине была открыта Школа стажеров, в которую набирали хорошо зарекомендовавших себя в учебе выпускников МГИМО и ВДШ, а также небольшое число сотрудников, уже поработавших в советских учреждениях в Китае. Директором школы был советник посольства Т.Ф. Скворцов-Токаринин.

Как в МИД СССР, так и в посольстве нам настойчиво внушали, что наша главная задача – подготовить себя к работе, направленной на укрепление советско-китайской дружбы.

Стажеры ударными темпами изучали китайский язык, слушали лекции в Народном университете Китая, изредка выполняли отдельные поручения старших работников посольства: делали срочные переводы, участвовали в организации крупных приемов и т.п.

Всего было три набора стажеров – в 1951, 1952, 1953 годах. Последнему, в котором оказался и автор этих строк, в известном смысле повезло. После того как мы овладели первичными знаниями китайского языка в школе стажеров в посольстве, нас полностью перевели на положение студентов Народного университета Китая. Мы поселились в студенческом общежитии университета вместе с китайцами (семьи наши оставались в посольстве, мы могли видеться с ними по воскресеньям). Как позднее мне говорил известный партийный и государственный деятель Китая У Сюцюань, идея поселения стажеров в студенческом общежитии была выдвинута им, поскольку он считал, что таким образом не только ускорялось изучение языка, но и появлялась возможность для стажеров лучше понять китайцев и Китай.

Народный университет Китая был в то время не рядовым учебным заведением. В него набирали абитуриентов в большинстве своем из числа лиц, уже зарекомендовавших себя с положительной стороны перед новой властью, – бывших участников революционного движения, военнослужащих, кадровых работников, общественных деятелей низового звена и т.д. По существу, университет был призван стать кузницей кадров, которым предстояло определять лицо будущего Китая.

У Сюцюань был прав: повседневное общение с такими людьми не могло не приносить огромной пользы тем, кому предстояло участвовать в выработке и осуществлении советской политики в отношении Китая. Оно давало возможность лучше понимать ход мыслей китайцев, психологию и национальные особенности их поведения. Заодно помогало и отсеивать шедшие с Запада всякого рода измышления шовинистического толка о китайцах.

Вообще говоря, каждая нация (а китайцы, если принять во внимание их язык, образ мышления, их историю и культуру, – это, пожалуй, даже нечто большее, чем нация: скорее это своего рода особая цивилизация) имеет свои особенности, которые в одних условиях могут играть положительную, в других – отрицательную роль. И реагировать на них надо не эмоционально, а разумно, рассудительно, принимая эти черты во внимание как объективно существующую реальность. Их просто надо знать и учитывать.

Для понимания того, о чем именно идет речь, приведу один небольшой пример. Меня, как и, насколько я мог видеть, многих других советских людей, приехавших в Китай в 50-е годы, коробило обращение, которое зачастую использовалось китайцами применительно к советским людям: «старший брат» (лаодагэ), причем оно употреблялось даже в тех случаях, когда беседовавший с ним «младший брат» (то бишь китаец) был намного старше и образованнее его. Вслед за этим обращением к «старшему брату», посещавшему то или иное китайское учреждение или предприятие, часто следовали просьбы «покритиковать» и «поучить», хотя нередко было заведомо известно, что просящий «поучить» его мог быть высококлассным специалистом в данной области, а его гость едва в ней разбирался.

Что это было? Лицемерие? Самоуничужение, призванное сбить с толку «старшего брата»? В осторожной форме я как-то поинтересовался мнением своих китайских «тунсюе» (соучеников – китайский термин, подчеркивающий общность тех, кто обучается или обучался в одном и том же учебном заведении). И получил на него ответ: термин «лаодагэ» и просьбы «поучить» надо воспринимать как специфическую и принятую в Китае форму выражения уважения к вашей стране и ее представителям. Это разъяснение можно было считать вполне рациональным. Тем не менее, честно скажу: воспринимать такое обращение мне лично было трудно, поскольку оно шло вразрез с моими представлениями о равенстве и равноправии.

Вернемся, однако, к стажерским делам. В университете нас определили на 3-й курс Дипломатического факультета, который, кстати; вскоре отделился и стал самостоятельным высшим учебным заведением – аналогом нашего МГИМО. Жили мы в кирпичных бараках по пять человек в комнате – два советских стажера и три китайских студента. Вместе со мной поселился Н.С. Крюков (мой старый институтский товарищ, с которым позднее нам довелось продолжительное время вместе работать в посольстве). Все мы постепенно сблизились, стали хорошими товарищами, жили Дружно. До сих пор мы с женой тепло вспоминаем южанина Ся Чжунчэна, в прошлом комсорга роты, его жену Хэ Вэнья и сына Ю Су, с которыми мы дружили семьями. Мне хорошо запомнился также бывший военный с Северо-Востока Ду Ляньчжу, шанхайский интеллигент, участник аграрной реформы Сунь Фушэн.

Находясь в Китае в 60-е и 70-е годы, я не раз вспоминал время учебы в Народном университете и своих «тунсюе». Однако попыток найти их и встретиться с ними не предпринимал, понимая, что в политическом климате того времени это могло обернуться для них бедой.

Не скрою, в университете я внимательно следил и старался понять, как в действительности, в реальной жизни, а не на собраниях и в печати, китайские граждане относятся к нашей стране. Заметим, что студенчество в этом отношении представляет особый интерес: оно менее скрытно и оказывает большое воздействие на формирование общественного мнения грядущего поколения.

У меня в то время сложилось твердое впечатление, что курс на добрососедство и тесное взаимовыгодное сотрудничество с СССР находит понимание и сознательную поддержку у подавляющего большинства тех китайцев, с кем нам доводилось общаться. Вспоминая об этом сейчас, хочется лишь надеяться, что дружеские чувства к нашей стране не были вытравлены «культурной революцией» и разнузданной антисоветской пропагандой, сложными перипетиями советско-китайских отношений последних десятилетий. О том, что это не пустые благие пожелания, могут свидетельствовать высказывания отдельных китайских государственных служащих, которые мне приходилось слышать уже после «культурной революции». Например, о том, что советско-китайские распри происходили главным образом в самых верхах и не захватывали широкие слои населения. «Дрались шишки, – сказал мне один из китайских собеседников, причем довольно высокого ранга. – Простые люди к этой ссоре отношения не имели».

Впрочем, можно было почувствовать, что часть китайских собеседников высказывалась за дружбу с СССР не в силу убежденности, а прежде всего потому, что в то время это соответствовало официальной политике Пекина и мнению большинства. Были и такие, в рассуждениях которых слышались нотки недоверия ко всему иностранному, чувство национальной ущемленности и обиды на другие страны, обогнавшие в своем развитии Китай и осуществлявшие по отношению к нему колониальную экспансию. Причем далеко не все знали о том, какова в действительности была в этом роль России, необоснованно отождествляли ее с ролью западных колониальных держав. Но как бы то ни было, сталкиваться с прямым проявлением враждебности и недружелюбия со стороны китайских граждан по отношению к нашей стране в те времена не приходилось. Главный же вывод, который я сделал из продолжавшегося в течение года тесного повседневного общения с китайскими студентами и преподавателями, состоял в том, что русский с китайцем при любых обстоятельствах должны проявлять уважение друг к другу, строго следовать принципам взаимности и равенства, не допуская по отношению друг к другу ни высокомерия и чванства, ни самоунижения и заискивания. Эту банальную на первый взгляд истину можно повторять применительно и к другим странам и нациям. Однако в случае с Китаем и китайцами, если принять во внимание особенности исторического формирования их взглядов и психологии, она в известном смысле имеет ключевое значение для строительства с ними как личных взаимоотношений, так и отношений на государственном уровне. Много материала для понимания китайской действительности давали регулярные, два раза в год, поездки стажеров в различные районы Китая, где мы встречались и имели содержательные беседы с представителями местных органов власти, активистами Общества китайско-советской дружбы, осматривали промышленные и сельскохозяйственные предприятия, посещали учебные заведения, знакомились с историческими памятниками, достижениями культуры. Стройки, в том числе осуществлявшиеся при содействии СССР, были тогда неотъемлемой частью китайского пейзажа. Это производило впечатление. Помню, у меня не раз возникала мысль: «А интересно было бы побывать в этой стране лет через пятнадцать! Какая это будет индустриальная глыбища!» Но «грядущие годы таятся во мгле...». Тогда я и не подозревал, что проживу так много лет в Китае и что широкий экономический подъем в этой стране наметится лишь ближе к концу XX века, а до того Китаю придется пережить многое, в том числе ссору с другом, голод и экономическую разруху.

ПОСОЛЬСТВО

В 1955 году я был отозван на работу в посольство. На первых порах мне пришлось – около полугодя – вести протокольную работу. Теоретически я знал ее неплохо, практическое же ее освоение в начале дипломатической службы было нелегким, но весьма полезным, в чем я убедился много позднее, особенно когда приходилось сталкиваться с различными протокольными коллизиями. На мой взгляд, если бы это было возможно, через протокольную службу или стажировку следовало бы проходить всем сотрудникам МИД и загранучреждений, ибо без знания протокольных правил и умения их строго соблюдать хорошим профессиональным дипломатом не станешь. Особенно ценным для меня было приобретение навыков общения с протокольными службами китайских учреждений и представителями иностранных посольств. При всем при том специализироваться на этом виде дипломатической деятельности я не стал: это был явно не мой профиль, работа протоколиста была мне не по душе, хотя руководство посольства положительно оценивало мой труд на этом поприще. Когда я стал просить посла освободить меня от этих обязанностей, он вначале удивился: для начинающего сотрудника руководить протокольной службой такого большого посольства было, выражаясь современным языком, весьма престижно (тогда это называлось «оказанием доверия»). Однако, поскольку я проявлял настойчивость, посол, в конце концов, удовлетворил мою просьбу. На замену мне был назначен другой бывший стажер А.Ф. Борунков. Выбор оказался исключительно удачным. Можно сказать, что Борунков был прирожденным протоколистом. Он посвятил этой работе многие и многие годы и стал известным специалистом нашего министерства по вопросам протокола. Борунков не только блестяще освоил избранную специализацию на практике, но и опубликовал ряд работ, которые с интересом и пользой для себя читают дипломатические работники и на которых учатся молодые поколения протоколистов.

Ну а я для дальнейшего прохождения службы в посольстве был направлен в группу по изучению внешней политики КНР. Хотя поначалу для меня все было ново, я сразу почувствовал себя в своей тарелке. В мои обязанности входило, в частности, изучение таких важных направлений китайской политики, как отношения с Японией и Индией. Большую помощь мне оказали руководитель группы советник К.А. Крутиков и другие старшие сотрудники, в том числе бывший тогда 1-м секретарем посольства Ф.В. Мочульский.

В целом дипломатический состав и в те годы, и позднее производил хорошее впечатление. В большинстве своем он состоял из подлинных энтузиастов, трудившихся самоотверженно, не жалевших ни сил, ни времени. Кстати, в 50-е годы в Советском Союзе были отменены ночные бдения сотрудников государственных учреждений. Посольство, однако, с этим не считалось: работали столько, сколько требовалось. Заметно рос уровень профессиональной подготовки дипломатов. Постепенно стало правилом, что, за редким исключением, дипломаты в ранге от атташе до советника владели китайским языком, хорошо знали страну. Со временем это стало относиться и к послам (И.С. Щербаков, И.А. Рогачев), не говоря уже о советниках-посланниках.

С удовлетворением замечу: многие из тех, кого наше поколение привыкло считать «молодыми» за прошедшие годы выросли в маститых дипломатов-китаистов. В отличие от нас, они ехали в Китай – и я считаю это их преимуществом – без радужных иллюзий, заведомо зная, что за добрососедство с этой страной предстоит вести длительную и тяжелую борьбу.

Конечно, жизнь, атмосферу в посольстве нельзя представлять безмятежной, за годы бывало всякое. Редко, но случалось, что к нам попадали люди плохо подготовленные, а порой просто случайные. Но, как говорится, не они делали погоду. Коллектив оставался сплоченным, в нем укоренились традиции товарищества, взаимной требовательности и поддержки. В формирование этих традиций внесли, в частности, свой вклад дипломаты, пришедшие на руководящие посты в посольство с крупномасштабной партийной и комсомольской работы, – послы С.В. Червоненко и В.С. Толстиков, советники-посланники А.И. Елизаветин и Ю.И. Раздухов.

Как это ни парадоксально, более строгому и удачному подбору людей способствовали и некоторые негативные обстоятельства. Материальное обеспечение, да и вообще условия жизни сотрудников советских учреждений в социалистических государствах были хуже, чем, например, в странах с твердой валютой.

Поэтому в Китай не стремились так называемые «позвонковые» (т.е. лица, пользовавшиеся протекцией влиятельных вельмож и направляемые на работу в ту или иную страну по телефонному звонку последних).

Ухудшение отношений с Китаем, трудная и подчас связанная с немалым риском работа в период «культурной революции» тем более отбивали охоту у такого рода публики ехать в Китай.

Затронув тему жизни посольства, не могу не сказать несколько слов в адрес общественных организаций, действовавших как внутри самого посольства, так и в рамках всех советских учреждений в Китае. Они старались поддерживать на должном уровне моральное состояние сотрудников и членов их семей, содействовали укреплению трудовой дисциплины, организовывали досуг, участвовали в решении социально-бытовых вопросов, вовремя поправляли молодых сотрудников, которые из-за отсутствия жизненного опыта начинали неправильно вести себя в семье и коллективе, злоупотреблять алкоголем и т.д. У членов коллектива была возможность обратиться к ним за помощью, если кого-либо незаслуженно, но их мнению, обижали. Это позволяло своевременно снимать возникавшие вопросы, предотвращать несправедливость.

В те годы стержневую роль среди этих организаций играли партийный комитет и партийные бюро. Теперь их нет. Однако, как мне представляется, в любом случае должен действовать какой-то механизм, выполняющий вышеназванные функции. Как я понимаю, в нынешних условиях с учетом ст. 14 Положения о Посольстве Российской Федерации таким механизмом должны стать профсоюзы. Но для этого им необходимо предоставлять соответствующие полномочия и постоянно их укреплять опытными, знающими свое дело людьми.

Добрые отношения товарищей по работе позволили мне довольно быстро «встать на ноги». Я познал специфику аналитической работы и научился писать соответствующие моему профилю справочные и информационные материалы, разделы в политписьма, годовой отчет посольства и т.д.

У меня установились хорошие деловые отношения с сотрудниками МВД КНР, которые помогали лучше понимать деятельность Китая на международной арене, что, естественно, находило свое отражение в материалах, направляемых в Дальневосточный отдел МИД СССР.

Со временем на меня стала возлагаться и обязанность сопровождать посла П.Ф. Юдина, не владевшего иностранными языками, на протокольных мероприятиях. (Заранее планируемые обстоятельные беседы с высшими китайскими лидерами тогда обычно переводил Р.Ш. Кудашев, позднее – Ю.М. Галенович, Д.А. Байдильдин и другие сотрудники, пользовавшиеся репутацией профессиональных переводчиков.) Кроме перевода необходимо было составлять записи бесед, если этого требовало их содержание, иногда загодя готовить справки по официальным советским внешнеполитическим документам и т.п. На это уходило много сил и времени, особенно если в один день было несколько встреч. Зато частое общение с послом и его китайскими и другими собеседниками расширяло кругозор, позволяло набираться опыта, видеть больше и мыслить более крупными категориями.

ПОСОЛ П.Ф. ЮДИН

В Китай я приехал, когда послом там был В.В. Кузнецов. Однако мне, как и другим стажерам, соприкоснуться с ним по работе тогда не приходилось.

Первым послом в Китае, с которым мне довелось сотрудничать, был Павел Федорович Юдин – фигура по-своему незаурядная и неоднозначная. Он не был профессиональным дипломатом. Академик, философ, член ЦК КПСС Юдин при жизни И.В. Сталина исполнял роль, как бы сейчас сказали, его внештатного консультанта по вопросам идеологии. Когда у Сталина возникали вопросы философского плана, он лично звонил Юдину домой, чтобы посоветоваться, получить нужное ему разъяснение и т.п. Как рассказывал мне сам посол, одно время под него пытался копать Берия, которому были не по душе близкие отношения философа с вождем. Почуввав неладное, Юдин решил пойти ва-банк и обратился к Сталину, после чего «компетентные органы» официально информировали его, что не имеют к нему никаких претензий. Показателем роли, которую играл Юдин в партии в те годы, может служить тот факт, что на XIX съезде КПСС он был не только избран членом ЦК, но и вошел в состав узкой группы лиц во главе со Сталиным, которой было поручено переработать Программу КПСС для представления ее обновленного проекта очередному съезду партии.

После образования КНР П.Ф. Юдин был направлен И.В. Сталиным в Китай в качестве советника (точного титула я не знаю) по идеологическим вопросам. Надо сказать, что, охотно делясь воспоминаниями о пройденном жизненном пути, Юдин, как правило, очень скупно рассказывал об этом периоде своей деятельности. Насколько я понял, ему была поручена весьма деликатная миссия: при редактировании издаваемых трудов Мао как-то состыковать взгляды первых лиц КПСС и КПК по ряду принципиальных вопросов, в том числе о роли города и деревни в китайской революции. На стороне Сталина были известный постулат марксистско-ленинской теории о пролетариате как гегемоне революции и авторитет Коминтерна. На стороне Мао – глубокое знание китайской действительности и сам факт победы китайской революции. За всем этим скрывалась «большая политика»: Мао Цзэдуну очень хотелось, чтобы Сталин признал его не только лидером крупнейшей компартии мира, но и теоретиком, развивающим марксистско-ленинское учение на базе опыта китайской революции.

Однако, сколько ни старался академик преодолеть имевшиеся разногласия, ему это не удалось, да и вряд ли такое вообще было возможно: идеологические расхождения и политические ставки были тут слишком велики. Позитивным итогом первого пребывания Юдина в Китае можно считать установление у него не только деловых, но и хороших личных отношений с Мао Цзэдуном и другими лидерами нового Китая. Они даже вместе отдыхали на известном китайском курорте Бэй-дайхэ. Мао бывал гостем в доме Юдина. Все это предопределило назначение в 1953 году академика официальным послом в Пекин.

В мемуарной литературе можно встретить весьма критические оценки деятельности Юдина на посту советского посла в Китае. Так, бывший политработник Советской армии, а позднее корреспондент «Известий» в Пекине И.Г. Лобода изображает его человеком, для которого характерны «безумие доверчивости к китайским руководителям», неспособность отступить от марксистской ортодоксальности и «неумение видеть всей глубины ханьского национализма» М.С. Капица, долгое время работавший в Дальневосточном отделе МИД СССР, характеризует Юдина как «хорошего рассказчика анекдотов, но слабого дипломата».

Особо следует упомянуть резкие, хотя и слабо аргументированные высказывания о П.Ф. Юдине в мемуарах Н.С. Хрущева, который уверяет, что он мог бы документально доказать, что «начало нашего конфликта с Мао было заложено самим Юдиным». Острота такого суждения, как видно из текста воспоминаний, объясняется тем, что до руководителя КПСС и Советского правительства дошли сведения о том, что посол возлагал на него ответственность за возникновение советско-китайского конфликта. Н.С. Хрущев, однако, не раскрывает, в чем конкретно, по его мнению, состояли ошибки Юдина, ограничиваясь ссылкой на одну (причем неизвестно, когда направленную) шифровку посла в Центр.

Не буду полемизировать ни с одним из этих авторов, тем более что в высказываниях каждого из них есть доля истины. Изложу свое понимание этого вопроса. В силу скромного служебного положения, которое я тогда занимал, мне доводилось знакомиться лишь с ограниченным кругом документов, и я не видел, в частности, той шифровки, на которую ссылался Н.С. Хрущев. Но мне приходилось немало беседовать с послом о советско-китайских отношениях и на более широкие темы, и у меня сложилось несколько иное представление о его взглядах и роли в споре наших партий и стран.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что П.Ф. Юдин был человеком своего времени, то-бишь сталинской эпохи. Более того, в известном смысле его можно отнести к числу идейных столпов сталинского

тоталитаризма. Было бы наивным ожидать, что, едва прослушав доклад Н.С. Хрущева о культе личности прежнего вождя, он в тот же день отречется от своих прежних взглядов, от своей ортодоксальности и станет искренним проводником и защитником идей, выдвинутых на XX съезде КПСС. Конечно, хорошо зная судьбы инакомыслящих в партии, Юдин не становился в открытую оппозицию, а при случае даже «одобрял» решения съезда.

Стремление посла продемонстрировать, что в свете решений XX съезда он стал «демократом», принимало порой забавный характер. Так, вернувшись со съезда и войдя в здание посольства, он первым делом подошел к дежурному коменданту (людей этой категории он раньше вообще не замечал) и стал торжественно пожимать ему руку. Все это до смешного напоминало популистский поступок графа СЮ. Витте в США, когда он по прибытии в Портсмут для подписания мирного договора с Японией подошел к паровозу и на глазах у огромной толпы газетчиков пожал руку машинисту в знак благодарности за то, что тот его хорошо довез.

Свое же истинное отношение к решениям съезда посол как-то высказал в очень узком кругу после принятия изрядной доли спиртного: «Все равно все вернется к прежнему и станет на свои места». Он был убежден в том, что социализм – единственный путь развития человечества, а этот общественный строй не может быть иным, чем тот, который существовал при Сталине и в идеологическом обеспечении которого непосредственное участие принимал он, академик П.Ф. Юдин.

Так что дело было не в дипломатических способностях Юдина, а в принципиальной оценке ситуации. Его и Н.С. Хрущева развели в разные стороны не Мао Цзэдун и не советско-китайские отношения сами по себе, а XX съезд. Поэтому правильную оценку деятельности посла можно дать, лишь разделив ее на два этапа – до XX съезда и после.

На первом этапе – с 1953 по 1956 год – интересы и цели всех участников событий с советской и китайской стороны в целом совпадали. В обстановке горячих и холодных войн СССР и КНР вынуждены были опираться друг на друга. К тому же взаимная поддержка для укрепления позиций в своих странах и партиях нужна была и лично Н.С. Хрущеву, и лично Мао Цзэдуну.

В 1954 году, когда праздновалась 5-я годовщина образования КНР, в Пекин приезжала представительная советская делегация во главе с Н.С. Хрущевым. В целом визит оказался успешным, в ходе его был решен целый ряд вопросов двусторонних отношений, обсуждены международные проблемы. Правда, из беседы с Мао глава советской делегации вынес впечатление, что «с Китаем у нас конфликт неизбежен». Такой вывод Н.С. Хрущев сделал из реплик Мао, из неискренней, «вежливой до приторности» обстановки приема советской делегации и т.д. «д самое главное, – пишет он, – я почувствовал и еще тогда сказал об этом товарищам, что Мао не сможет примириться с тем, чтобы существовала какая-нибудь другая компартия, а не китайская, которая, даже в какой-то степени, верховодила в мировом коммунистическом движении. Он не потерпит этого».

По возвращении в Москву глава советской делегации изложил свои наблюдения на Президиуме ЦК КПСС и призвал сделать все необходимое, чтобы не допустить ухудшения отношений с Китаем, строить эти отношения так, чтобы не только не вызвать каких-либо подозрений, но и «вообще не вскармливать отрицательных, националистических бацилл, которые носит в своем организме Мао». С таким мнением согласились все присутствовавшие.

В этой ситуации посол был на своем месте. Никаких вопросов к нему, в том числе о его дипломатических способностях, не возникало. Он как бы символизировал идейно-политическую общность двух партий, активно выступал за развитие всестороннего сотрудничества наших стран как в области двусторонних отношений, так и на международной арене. В Москву из посольства шла позитивная информация о внутренней жизни Китая и его внешней политике. В посольстве решительно пресекались проявления критического подхода к деятельности китайцев. На мой взгляд, П.Ф. Юдин в этом отношении переусердствовал, оставив нашу страну во многом неподготовленной к произошедшим позднее негативным переменам в советско-китайских отношениях. Тем не менее, такая линия посла, судя по всему, тогда устраивала Москву.

Однако положение стало меняться в начале второй половины 50-х годов. Корейская война была позади. Военная опасность поубавилась. Экономика СССР и Китая стала подниматься. Советский и китайский лидеры постепенно укрепляли свои позиции, избавляясь от опасных для них деятелей. Хрущев и Мао Цзэдун стали меньше зависеть друг от друга.

Выступление Н.С. Хрущева с критикой культа личности И.В. Сталина поставило П.Ф. Юдина в крайне тяжелое положение: бывший ближайший духовный соратник вождя, а в недалеком прошлом его личный посланец при Мао Цзэдуне, теперь был обязан – как посол и член ЦК КПСС – защищать «антисталинскую» линию XX съезда. Не исключено, что он поначалу еще рассчитывал на то, что ради сохранения добрых

отношений с Китаем новый советский лидер пойдет на смягчение оценок Сталина. Но такого не произошло, и, судя по всему, именно это обстоятельство побудило академика считать Хрущева главным виновником конфликта с Китаем. Строго говоря, ему надо было уходить в отставку, но тогда у нас это не было принято. В 1959 году Юдин был отозван. Спустя некоторое время я случайно встретил его около здания МИД. Едва поздоровавшись, он воскликнул: «Ну что? С Китаем дело швах!» Затем он стал говорить о том, что в сложившейся обстановке конфликт стал неизбежным. Было видно, что Юдин глубоко и искренне переживает ссору с Китаем. Точки над «i» он не ставил, но смысл его высказываний был ясен: после XX съезда КПСС ждать другого не приходилось. Впрочем, провал «большого скачка» и коммун, события, произошедшие в сфере советско-китайских отношений, делали рассуждения экс-посла не очень убедительными. В дальнейшем в Москве мне довелось встретиться с ним еще несколько раз, а затем, к сожалению, участвовать в его похоронах. По возвращении из Пекина Юдин был избран членом Президиума Академии наук СССР. Его привлекали к работе над проектом новой Программы КПСС. Ему было поручено информировать о содержании этого документа китайского посла в Москве. По просьбе Юдина руководство МИД поручило мне сопровождать своего бывшего шефа при выполнении им этого задания. Излагая содержание проекта, П.Ф. Юдин делал особый упор на тех положениях, которые были созвучны тезисам китайской пропаганды, особенно в части, касающейся империализма. Насколько помню, китайский посол поблагодарил за информацию, но от каких-либо комментариев воздержался.

ДОСАДНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Возвращаясь к событиям середины 50-х годов, хочу заметить, что строгости, которые посол П.Ф. Юдин проявлял тогда по отношению к советским командированным гражданам и за которые на него обижались некоторые его критики, не были необоснованными. В Китае в качестве сотрудников советских учреждений, членов различных делегаций приезжали тысячи людей – от рядовых граждан до министров и членов Политбюро. Разумеется, никакие системы отбора не могли предотвратить от попадания в их число отдельных лиц с ограниченным кругозором и даже зараженных вирусом великодержавия.

Чтобы не быть голословным, приведу один случай, который мне особенно врезался в память, касающийся, кстати, весьма высокопоставленного советского партработника.

Произошло это на приеме у чехословацкой государственной делегации весной 1957 года. На него была приглашена и аналогичная наша делегация, находившаяся в эти дни в Китае, а также посол Юдин, которого я сопровождал.

Среди главных китайских гостей был премьер Чжоу Эньлай, который после официальных речей вышел из-за стола президиума и, как это он в те годы часто делал, пошел по залу лично приветствовать гостей. Встретив знакомого советника чехословацкого посольства, говорившего по-китайски, Чжоу Эньлай пригласил его присесть, и они начали беседовать. И тут заместитель главы советской делегации (насколько помню, это был член ЦК КПСС, первый секретарь одного из крайкомов партии) в приказном тоне говорит мне: «Иди и скажи премьеру, чтобы он не болтался по залу, а сел на свое место в президиуме». Когда же я в вежливой форме объяснил, почему нельзя этого делать, он вышел из себя и стал требовать, чтобы я выполнил его приказ, угрожая мне в противном случае всяческими карами. Естественно, я отказался. Разгоравшийся скандал привлек внимание посла, который, разобравшись в сути конфликта, уgomонил зарвавшегося вельможу. Я был потрясен поведением этого партийного деятеля.

Инцидент производил тем более тягостное впечатление, что дело было вскоре после XX съезда КПСС и опубликования нашумевшей тогда Декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г. о строительстве между социалистическими странами подлинно равноправных отношений.

По дороге домой посол одобрил мое поведение и заметил, что люди, подобные заместителю главы делегации, сами не понимают, какой вред они наносят партии и нашему государству, когда ведут себя подобным образом: своими выходками они могут оттолкнуть от нас даже наиболее благожелательно настроенных к нам людей.

Рассказывая об этом, я отнюдь не хочу бросить тень на всех советских людей, приезжавших в Китай в составе делегаций или на работу в советские и китайские учреждения. В большинстве своем, независимо от ранга, это были люди скромные, с должной ответственностью подходившие к своей миссии. В качестве примера хочу вспомнить добрым словом С.Ф. Антонова, который в конце 50-х годов, в период хрущевских перестроек, был назначен советником-посланником в наше посольство в Пекине, а ранее занимал пост министра мясной и молочной промышленности в правительстве СССР. С самого начала С.Ф. Антонов понял, что дипломатия требует не меньше знаний и опыта, чем любая другая профессия. Оказавшись не по своей

воле в новой роли, он не обижался, а, наоборот, благодарил, если кто-либо из дипломатов, независимо от возраста и звания, что-то подсказывал, в чем-то его поправлял. «Ну, а что мне делать, – как-то сказал он мне в сердцах, – если меня бросили, как котенка в море учиться плавать?» И надо сказать, он довольно быстро стал приобретать качества профессионального дипломата.

Это было тем более важно, что в связи с ухудшением состояния здоровья П.Ф. Юдина С.Ф. Антонову все больше приходилось брать на себя его функции, причем как раз в тот период, когда стали нарастать признаки ухудшения советско-китайских отношений.

Не берусь судить, как возникавшие разногласия преломлялись в головах более старших и опытных профессиональных советских дипломатов. Для меня же знакомство с появившимися расхождениями началось с того, что время от времени приходилось сталкиваться с тем, что было трудно объяснимым и выглядело то ли досадным недоразумением, то ли неизбежными «отходами производства» при строительстве большого дома дружбы и добрососедства наших стран.

В мае 1957 года я сопровождал в поездке по Китаю делегацию российских речников во главе с министром речного флота РСФСР З.А. Шашковым. Наибольшее впечатление на всех произвел участок пути по Янцзы на пароходе из провинции Сычуань до г. Ухань, особенно первая половина этого путешествия – по местам, где полноводная река пробивается сквозь крутые горы. Красота пейзажа здесь сравнима, пожалуй, с такими известными местами, как живописная пойма р. Ли Цзян в провинции Гуйлинь или высокогорный район Цзинганшань на стыке провинций Цзянси и Хунань.

Делегации повсюду оказывали радушный прием. Однако в местных и ведомственных газетах, которые я просматривал по пути следования, упорно повторялось: «не надо копировать иностранный опыт». Сам по себе правильный тезис, тогда еще только начинавший входить в оборот в центральной прессе, имел недружелюбный нашей стране привкус. Я доложил об этом З.А. Шашкову. Делегация стала проявлять больше осторожности в высказываниях мнений и советов, не давая поводов для обвинений в «навязывании своего опыта» и «поучениях».

Тема «изучения иностранного опыта» заслуживает того, чтобы на ней остановиться несколько подробнее. Дело в том, что в то время официальная китайская пропаганда трактовала ее преимущественно как следование советскому пути социалистического строительства. Поэтому с самого начала новые призывы прозвучали как ориентировка не копировать советский опыт.

Строго говоря, в этом не было ничего недружественного по отношению к нашей стране. И мы были против слепого копирования опыта других стран. Более того, именно КПСС на своем XX съезде поставила вопрос о различных формах перехода разных стран к социализму. В отчетном докладе Н.С. Хрущева в качестве положительного явления указывалось на то, что «много своеобразия в деле социалистического развития вносит Китайская Народная Республика». Отмечалось, что КПК и компартии других стран народной демократии учитывают при этом своеобразия и особенности каждой страны. «Это, – говорилось в докладе, – и есть творческий марксизм в действии».

Тем не менее, назойливость, с которой пропагандировался тезис о недопустимости «копирования опыта», настораживала. Не скажу, что тогда мы, сотрудники посольства, особенно принадлежавшие к молодому поколению, были провидцами и сквозь эту пропагандистскую кампанию рассмотрели признаки будущей беды для Китая и советско-китайских отношений. Тем не менее мы почувствовали, что ситуация явно ненормальная и что, как ни крути, камешки летят в наш огород. Об этом неоднократно заходила речь на ежедневных оперативных совещаниях, на которых сотрудники посольства поочередно делали обзоры китайской прессы.

Не меньшее внимание тогда привлекало в китайской печати другое обстоятельство. В начале того же 1957 года Мао Цзэдун провозгласил лозунг: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Он призвал «демократические партии», не стесняясь, высказывать свои мнения, в том числе с критикой КПК и ее политики. Деятели этих партий сначала осторожничали, но потом разошлись и стали подвергать уничтожающей критике всех и вся. Начав с внутривнутриполитических вопросов, участники кампании вскоре перешли к нападкам на союзнические отношения с СССР. Это был первый залп враждебной нашей стране пропаганды в Китае после образования народной республики.

Не желая обострять отношения, советская сторона хранила молчание. Лишь осенью 1957 года, когда кампания уже закончилась и на смену ей пришла «борьба против правых», Н.С. Хрущев при личной встрече с Мао Цзэдуном выразил свое «непонимание» лозунга «ста цветов».

Смысл призывов к отказу от «копирования иностранного опыта» и кампании «пусть расцветают сто цветов» раскрылся годом позже. Тогда выяснилось, что и то и другое было идеологической подготовкой к пересмотру решений VIII съезда КПК 1956 года, проходившего под влиянием XX съезда КПСС и не устраивавшего Мао

Цзэдуна. Его борьба со своими оппонентами внутри партии и желание самому задавать тон в международном коммунистическом движении оказались тесно связанными с проблемой советско-китайских отношений, которым такая увязка не могла не наносить ущерб. Стали появляться признаки ослабления влияния в китайском обществе идей дружбы с Советским Союзом, широко распространявшихся в первые годы существования КНР.

Вот только один пример. На Первом Международном конкурсе им. П.И. Чайковского второе место, после американца Вана Клиберна, занял китайский пианист Лю Шикунь. Но в Китае к нему отнеслись холодно. Только после триумфального выступления пианиста в гостинице «Гоц-зи» перед советскими специалистами (организованного не без участия нашего посольства) на Лю Шикуня стали обращать внимание, давать ему возможность выступать с концертами.

Но самой удивительной была реакция китайской печати. В одной из китайских центральных газет разъяснялось, что в Китае, конечно, довольны успехом Лю Шикуня, но в восторг от него не приходят. Почему? Да потому, что всемирный конкурс проходил не в Пекине или Шанхае, а вообще в другой стране, его участники состязались в игре не на китайском, а на иностранном инструменте...

Конечно, читая этот поразительный опус, можно было делать скидку на принципиальное различие китайского и европейского искусства – музыки, театра, живописи. Признаюсь, мне самому потребовалось около десяти лет, чтобы привыкнуть к китайской музыке, повесить у себя дома китайские картины и получать от этого удовольствие. Так что у людей, воспитанных на китайской культуре, может быть подобное же восприятие европейского искусства.

Но чтобы договориться до такого! В упомянутой публикации слишком уж явно звучал голос не музыковеда, а националистического политика, испытывающего к тому же отнюдь не дружеские чувства к «старшему брату». Впрочем, этот случай затрагивает не только взаимоотношения наших стран, но и гораздо более широкую проблему культурного барьера между Востоком и Западом. Тема эта необъятна, и не будем ее сейчас развивать.

МИНЫ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

По серьезному счету, отрицательные явления, о которых речь шла выше, были мелочами в сравнении с широкомасштабным поступательным развитием советско-китайских отношений в первые девять лет после образования КНР и подписания советско-китайского Договора от 14 февраля 1950 г. (за конечную точку отсчета я беру неудачную встречу в верхах летом 1958 г., после которой кривая уровня взаимоотношений двух стран резко пошла вниз). В это начальное десятилетие идеи советско-китайской дружбы получили закрепление в решениях XX съезда КПСС и VIII съезда КПК, причем в Китае они были отражены даже в Конституции КНР и в Уставе КПК. На базе Договора о союзе, дружбе и взаимопомощи быстро создавалась правовая инфраструктура межгосударственных отношений в виде серии договоров и соглашений, регулирующих связи двух стран в области почтового и посылочного обмена, железнодорожного и воздушного сообщения, торговли и мореплавания, в консульских делах и т.д. Был решен ряд принципиальных вопросов, касающихся укрепления суверенитета Китая: о выводе советских войск из военно-морской базы Порт-Артур, о КЧЖД, о смешанных советско-китайских акционерных обществах и т.п. Осуществлялось сотрудничество и на международной арене. СССР твердо поддерживал КНР в вопросах о представительстве в ООН и других международных организациях, участии Китая в конференции в Сан-Франциско по мирному договору с Японией и др. Китайская сторона выступила в поддержку внешнеполитических акций СССР, заняла благожелательную для СССР позицию в связи с известными событиями в Венгрии и Польше.

И, тем не менее, именно в те годы в советско-китайских отношениях были заложены мины, которые стали рваться в конце 50-х, в 60-е и 70-е годы. Речь идет об использовании той порочной структуры отношений, которая отработывалась Советским Союзом с европейскими «странами народной демократии» и предусматривала: полное идейно-политическое единство правящих партий как основу взаимоотношений с ними, «партийность» – как исходный пункт внешней политики социалистических стран и, наконец, роль КПСС и СССР как авангарда мирового революционного движения и главы социалистического лагеря. Без любой из этих трех составляющих был немислим «новый тип международных отношений», создание которого преподносилось как важнейшее достижение социалистических государств.

Вряд ли сейчас надо доказывать, что полное идеологическое единство или стопроцентное тождество мышления народов разных стран, тем более таких гигантов, как Россия и Китай, уходящих своими корнями

в глубь различных цивилизаций, это фикция, красивая, но неосуществимая мечта, даже если речь вести не о народах, а лишь о правящих партиях.

Конечно, у ряда стран в силу тех или иных благоприятных факторов (совпадение геополитических интересов, наличие исторически сложившихся общих традиций, совпадение решаемых задач и т.п.) может возникать и устойчиво сохраняться идейная, духовная близость, способствующая плодотворному развитию межгосударственных отношений. Однако эта близость не может не иметь пределов, поскольку наряду с общностью у сторон неизбежно сохраняются и различия во взглядах. Попытки же создать «рукотворный монолит» в идеологии с помощью принуждения обречены на провал. Более того, они, как правило, оказываются чреватými тяжелыми последствиями, несут в себе зародыши серьезных политических конфликтов.

При строительстве отношений между странами на (5) базе единства идеологии вполне естественно появляется тенденция мерить партнера и его поступки своим аршином, требовать от него соблюдения своих, а не общих взаимоприемлемых правил. Интересно отметить, что на все это было обращено внимание китайской стороны в 1956 году во время печально известных октябрьско-ноябрьских событий в Венгрии. В опубликованном 1 ноября 1956 г. Заявлении правительства КНР, в частности, отмечалось: «Ввиду идеологического единства между социалистическими странами и общности цели их борьбы часто и легко случается, что некоторые работники иногда игнорируют принцип равноправия государств в их взаимных отношениях», то есть совершают «ошибку великодержавного шовинизма», которая «неизбежно наносит серьезный ущерб солидарности и общему делу социалистических стран».

Тезис об идеологическом единстве социалистических государств не оставлял места для идейного плюрализма и политических компромиссов в их взаимоотношениях, что было заведомо чревато тупиковыми ситуациями и жестким противоборством, а главное – широко открывало двери для вмешательства во внутренние дела «братских» стран.

С проблемой идеологического единства социалистических стран тесно переплетается тезис о «партийности» их внешней политики, примате межпартийных отношений. Если очистить этот тезис от словесной шелухи, то в «сухом осадке» мы увидим требование подчинять внешнюю политику интересам партии, ее лидеров, и прежде всего ее «вождя», использовать внешнюю политику в качестве инструмента укрепления их власти. А что означает это на практике? Во-первых, тем самым внешняя политика уводится от своей первоочередной святой обязанности – защищать национальные интересы страны, народа. Более того, в критических ситуациях партийность внешней политики вынуждает ее жертвовать этими интересами, действовать вопреки им.

Во-вторых, лишенная своего главного якоря – национального интереса и следуя зигзагам внутривнутрипартийной и межпартийной борьбы, внешняя политика утрачивает стабильность и предсказуемость, в любой момент она может оказаться вынужденной менять ориентиры, друзей и врагов.

Наконец, неотъемлемым элементом «нового типа международных отношений» было наличие в «лагере» («содружестве») главы, авангарда или центра и, соответственно, деление на ведущих и ведомых. Когда образовывался социалистический лагерь, не возникало вопроса о том, кто его должен возглавить. Это был Советский Союз, нанесший главный удар по гитлеровской военной машине, сыгравший важную роль в разгроме милитаристской Японии, обладавший войсками, расквартированными в ряде стран, и наибольшими в социалистическом мире материальными ресурсами. Кроме Югославии, никто ему вызов не бросал.

Положение изменилось с приходом в лагерь многомиллионного Китая. Хотя на первых порах Пекин демонстрировал стремление быть на второй роли и подчеркивал отсутствие у него каких-либо замыслов в отношении места главы, тем не менее появление в социалистическом содружестве второго колосса при неотработанном демократическом механизме сотрудничества создавало сложную проблему, которая весьма скоро дала о себе знать.

Это была третья мина, которая в сочетании с двумя предыдущими обладала огромной взрывной силой.

XX СЪЕЗД КПСС И СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Пожалуй, ни один съезд КПСС не оказал такого огромного и долговременного воздействия на ход и характер общественно-политических процессов в СССР и во всем мире, как XX съезд. И вряд ли будет преувеличением сказать, что первый после смерти Сталина общепартийный форум советских коммунистов (февраль 1956 г.) относится к числу крупнейших событий середины уходящего века.

В Пекине XX съезд встретили со смешанными чувствами. Его принципиальные внутривластные и внешнеполитические установки: о борьбе против культа личности и о демократизации советского общества, о повышении материального благосостояния народа, об использовании материального стимулирования в целях развития производства, о возможности предотвращения войны и мирном сосуществовании как генеральной линии внешней политики – либо прямо отвечали, либо, по крайней мере, не противоречили национальным интересам Китая. Особое значение, повторю, имело выдвинутое на съезде положение о разнообразии форм социалистического строительства, которое открывало возможность для КПСС и КПК избежать столкновения на идеологической почве.

Однако единодушия в руководстве КПК по отношению к этим новациям не было. Наибольшие разногласия вызвал вопрос о критике культа личности Сталина. Это, в частности, нашло отражение в тексте послания Мао Цзэдуна съезду, в котором одобрение «ленинского принципа коллективного руководства» соседствовало с комплиментами в адрес Сталина. Позднее, в 60-е годы, я слышал от дипломатов социалистических стран, что такой странный симбиоз явился компромиссом, достигнутым в последний момент между Мао Цзэдуном и Чжу Дэ, возглавлявшим китайскую делегацию и зачитавшим послание Председателя ЦК КПК на съезде КПСС.

Осенью того же 1956 года положительное отношение к принципу коллективного руководства высказывали заместитель Председателя ЦК КПК Лю Шаоци, генеральный секретарь Дэн Сяопин и некоторые другие лидеры партии, у которых вызывала беспокойство концентрация практически неограниченной власти в руках Мао Цзэдуна. Будучи основными докладчиками на VIII съезде КПК, состоявшемся осенью того же 1956 года, и Лю, и Дэн заявили об одобрении XX съезда КПСС. Особенно остро высказался Дэн Сяопин, представлявший съезду китайских коммунистов проект нового Устава КПК. Прямо проецируя положение доклада Н.С. Хрущева на китайскую компартию, он сказал буквально следующее: «XX съезд КПСС дал убедительное разъяснение важнейшего значения неуклонного соблюдения принципа коллективного руководства и борьбы против культа личности... Совершенно очевидно, что единоличное решение важных вопросов противоречит принципам партийного строительства... и неизбежно приведет к ошибкам».

Кому адресовывались эти слова – ясно и без пояснений. Это сейчас. А тогда на оперативных совещаниях дипсостава такие вещи не обсуждались. Затрагивались ли они за закрытыми дверями кабинета посла – сказать трудно, особенно если учесть отношение самого П.Ф. Юдина к решениям съезда, о чем речь шла выше. Я же обратил внимание на жесткость и категоричность формулировок Дэн Сяопина лишь несколькими годами позже, когда служебная необходимость заставила меня перечитывать материалы VIII съезда КПК.

Наверное, не будет ошибкой сказать (как это и делают некоторые авторы), что именно в вопрос о критике культа личности своими корнями уходят те расхождения между Мао и его ближайшим окружением, которые, развиваясь, вылились позднее в трагедию «культурной революции». Уместно также заметить, что Мао Цзэдун – и тому имеется немало свидетельств – отнюдь не питал особой любви к Сталину, хотя и видел в нем пример для подражания.

В действительности в Китае критика Сталина в закрытом порядке велась задолго до XX съезда КПСС. Впервые мне лично довелось услышать о его «ошибках» не в организациях ВЛКСМ и КПСС, а от преподавателей и студентов Народного университета Китая в 1954/55 учебном году. Эта явно спущенная сверху критика была тщательно продумана и разработана, она, как я понял, входила составной частью в учебный план. Разумеется, ошибочным в ней называлось все, что противоречило «идеям Мао Цзэдуна». Строго говоря, китайский лидер, хотя и пытался заигрывать с поклонниками Сталина, не возражал против критики в его адрес вообще. Он выражал недовольство тем, как это было сделано. Образно говоря, Мао заботился о сохранности не самого памятника, а лишь его пьедестала – верховной роли непогрешимого вождя и непоколебимости его авторитета.

Мао не скрывал своей обиды в связи с тем, что, принимая решение о переоценке такой крупной фигуры, как Сталин, Н.С. Хрущев не посоветовался с руководителями других партий. Это действительно было так. Но вряд ли в то время и в тех реальных обстоятельствах это могло быть по-иному. Известно, что решение о выступлении Н.С. Хрущева с докладом о культе личности Сталина было принято уже во время съезда, когда шло обсуждение отчетного доклада, причем против подобного решения активно возражали такие влиятельные деятели, как Ворошилов, Молотов, Каганович. В этих условиях проведение перед съездом каких-либо консультаций было абсолютно исключено.

Мао однажды сказал, что в деятельности Сталина было, дескать, 70% правильного и только 30% ошибочного. Поэтому критика усопшего советского вождя была, мол, излишне суровой. Особое недовольство Мао вызывало то, что главным направлением этой критики явилось не опровержение каких-либо теоретических постулатов, а разоблачение культа личности, авторитарного правления в партии и

стране, других проявлений тоталитаризма.

Убежден, что одним из важнейших обстоятельств, определивших негативное отношение китайского лидера к съезду, было то, что он увидел в Н.С. Хрущеве сильного соперника, смелую личность, которая, выражаясь словами известной китайской поговорки, не побоялась похлопать тигра по заднему месту, развенчать «гениального вождя и учителя всех народов» и в весьма сложной политической обстановке совершить исторический поворот к демократизации партии и общества.

Как опытный политик, Мао не мог не понимать, что не только подмять Н.С. Хрущева своим авторитетом, но и просто противостоять ему будет крайне трудно. Думаю, что на него не могли не произвести впечатления и кадровые изменения в руководстве европейских социалистических стран после смерти И.В. Сталина, и устранение в 1957 году из руководства КПСС наиболее влиятельных и близких к Сталину политических фигур.

XX съезд КПСС вооружил партию идейно-политической платформой, которая базировалась на марксистско-ленинском учении и в большей степени, чем раньше, учитывала требования времени и чаяния народов, переживших полосу тяжелых войн. Мао Цзэдун оказался перед выбором: либо признать эту платформу, либо разрабатывать свою собственную и избрать путь открытого соперничества и противоборства.

Оптимальным для того времени могло бы стать решение, найденное VIII съездом КПК. Осенью 1956 года, взяв на вооружение многие идеи XX съезда КПСС, форум китайских коммунистов органически увязал их с китайской действительностью, наполнил содержанием, отвечавшим, как тогда представлялось, интересам и китайского общества, и КПК (предтеча дэнсяопиновской формулы «социализм с китайской спецификой»? Возможно). Однако, такой компромисс не устраивал Мао Цзэдуна, шел вразрез с его далеко идущими замыслами. К тому же он привык править в условиях войны и бурных политических кампаний. Ставка на мирную кропотливую работу его не устраивала.

НЕУДАЧНАЯ ВСТРЕЧА НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ 1958 ГОДА. СТРЕЛЬБА В ТАЙВАНЬСКОМ ПРОЛИВЕ

В Пекине с известной настороженностью присматривались к укреплению дружественных уз Советского Союза с Индией, усилению дипломатической активности СССР в Юго-Восточной Азии, особенно к тому, как проходили официальные визиты Н.С. Хрущева в страны этого региона, где Китай традиционно пользовался большим влиянием. В действительности шаги Советского Союза не выходили за рамки обычного развития отношений с дружественными ему государствами и не представляли угрозы кому бы то ни было, не ущемляли и интересов Китая. Однако с нашей стороны достаточных дипломатических мер, необходимых для того, чтобы успокоить Пекин, видимо, принято не было.

Особое беспокойство и – позволю себе употребить здесь это слово – зависть вызвало в Пекине провозглашенное Советским Союзом намерение искать пути к нормализации отношений с США, отказавшись от решения спорных вопросов военными средствами и руководствуясь принципами мирного сосуществования и экономического соревнования.

В августе–сентябре 1958 года произошло резкое обострение ситуации в Тайваньском проливе. Китайская артиллерия стала обстреливать с материка два прибрежных острова – Цзиньмэнь и Мацзу, оставшихся в руках чанкайшистов. Китайские деятели различного ранга в беседах с иностранцами назойливо разъясняли, что вопрос о том, как поступать с островами – брать их силой или нет, – целиком и полностью относится к компетенции КНР и только Пекин вправе решать их судьбу. Этот же мотив стал звучать и в официальной китайской печати.

В принципе такая постановка вопроса была правомерной. Однако вся шумиха с самого начала носила искусственный характер: у Пекина не было тогда ни необходимости, ни намерения забирать себе эти острова.

Тем не менее, Вашингтон стал проявлять нервозность, давить на Пекин, угрожая даже применением атомного оружия. Что это было? Отражение беспокойства тем, что континентальные китайцы на глазах у всего мира отберут у союзника США – тайваньского режима – два острова и тем самым подорвут авторитет США в глазах всей Азии и всего мира? Или желание с помощью ответной шумихи припугнуть КНР, продемонстрировать готовность защищать своих друзей, а заодно поставить в трудное положение Москву, испытать на прочность ее союз с Пекином и в то же время проверить серьезность заявлений советского руководства о намерении вести линию на мирное сосуществование и ослабление международной напряженности? Думаю, что в поведении американцев присутствовало и то, и другое, и третье.

Пикантность создавшейся ситуации придавал тот факт, что все это происходило непосредственно вслед за визитом в Пекин Н.С. Хрущева, состоявшимся 31 июля – 3 августа 1958 г. Визит носил уродливо таинственный характер: о прибытии советского лидера в печати ничего не сообщалось вплоть до дня отбытия делегации. Что дала такая конспирация – непонятно, хотя ее минусы очевидны.

Пока шли переговоры между первыми лицами, помощник министра иностранных дел КНР (позднее – министр) Цяо Гуаньхуа и заведующий Дальневосточным отделом МИД СССР М.В. Зи-мянин (позднее – главный редактор «Правды», секретарь ЦК КПСС) составляли текст коммюнике, которое постранично переводилось в соседней комнате, где среди прочих находился и участвовал в переводе автор этих строк. Ключевой в этом документе могла выглядеть фраза о том, что сторонами «достигнута полная договоренность относительно мероприятий, которые должны быть предприняты для борьбы против агрессии и для сохранения мира».

Однако действительность не была столь радужной. Завеса секретности и бравадные интонации коммюнике прикрывали не обилие, а скорее недостаток согласия и серьезных договоренностей.

Китайская сторона ставила вопрос об оказании ей помощи в создании мощного подводного флота (что тогда вряд ли было по силам Советскому Союзу), а советская – выражала лишь готовность построить совместно какое-то количество кораблей, с чем не согласились китайцы. КНР не сочла возможным удовлетворить просьбу Москвы разрешить ей построить на китайской территории радиостанцию для связи с подводными лодками дальнего радиуса действия, а также выделить базу, куда могли бы заходить такие лодки для дозаправки и отдыха экипажа.

Столь же безрезультативно для нас закончилось обсуждение международной политики. Н.С. Хрущев пытался убедить Мао Цзэдуна в преимуществах курса на мирное сосуществование, а Мао рассказывал ему, что не следует бояться войны. Это была не поза и не игра. Китайский лидер рассчитывал использовать усилившуюся международную напряженность для решения как внутренних, так и международных проблем, не в последнюю очередь – для предотвращения позитивных сдвигов в советско-американских отношениях. Спустя несколько дней после отъезда советской делегации на родину Мао Цзэдун распорядился об обстреле Цзиньмэнь и Мацзу. Это был явно запланированный шаг. Китайский лидер не поделился своими планами с гостившим у него руководителем союзного государства. Зато еще в те дни, когда шли советско-китайские переговоры, он уже предвкушал эффект на международной арене от этого шага. «Хрущев, – делился он со своим личным врачом, – сам не знает, что говорит. Он желает улучшить отношения с США? Прекрасно! Мы поздравим его салютом из наших орудий. Наши снаряды так долго не находили применения, что стали почти бесполезными. Почему бы не использовать их по случаю такого великого праздника, как братание Советов с Америкой?» При этом Мао сформулировал одну из своих стержневых идей: «Если исчезнет внешняя опасность, то в стране могут начаться внутренние распри». Яснее не скажешь!

Мне не приходилось читать протоколы советско-китайских переговоров 1958 года. Но то, что о них стало известно, убеждает, что, по крайней мере, с нашей стороны, переговоры были подготовлены плохо.

Настроения и ход мыслей китайских партнеров явно не учитывались. Складывается впечатление, что тогда в Москве еще не осознавали глубину расхождений. Действительно, трудно было поверить, что провозглашение Мао Цзэдуном лозунгов типа «атомная бомба – это бумажный тигр», выражение им готовности пожертвовать половиной населения Китая и даже всего мира ради разгрома империализма и т.п. – все это изложение реальной политики, а не цирковые репризы, преследующие цель позабавить публику. Когда началась стрельба по двум прибрежным китайским островам, в Москве стали ломать голову над тем, что за этим скрывается и как разрядить обстановку. Чтобы прояснить этот вопрос и убедить китайское руководство вести себя разумнее, в Пекин вылетел А.А. Громыко. К сожалению, советский министр иностранных дел был редким гостем в столице нашего самого важного союзника. Глядя на него, не жаловали Пекин частыми посещениями и его заместители. Это было серьезным упущением руководства МИД СССР, которое сосредоточивало свое внимание на западном направлении, по существу отдавая китайские дела на откуп чиновникам аппарата ЦК КПСС.

После возвращения А.А. Громыко в Москву Председатель Совета Министров СССР направил послание Президенту США с призывом не накалять атмосферу, встать на путь уважения суверенных прав великого китайского народа и основывать свою политику в отношении Китая на принципах мирного сосуществования. В послании напоминалось о наличии у СССР союзного договора с Китаем и подчеркивалось, что «нападение на Китайскую Народную Республику – это нападение на Советский Союз». Такой поворот событий отрезвляюще подействовал и на США, и на Китай, побуждая их свернуть рискованные игры в Тайваньском проливе, которым к тому же и Вашингтон, и Пекин пытались придать недружественный Советскому Союзу характер. Постепенно уровень военной напряженности там начал снижаться. Эти события и особенно легковесные рассуждения Мао Цзэдуна об атомном оружии, видимо,

подтолкнули советское руководство пересмотреть вопрос о передаче атомного оружия Китаю. Произошло это в начале лета 1959 года, когда в адрес ЦК КПК было направлено письмо ЦК КПСС с призывом отказаться от создания ядерного оружия.

В МИД эта новость считалась величайшим секретом. Однако вне стен министерства трудно было найти людей, которым она была бы неизвестна. Аргументация отказа, если быть кратким, сводилась к следующему: Китаю нет необходимости создавать собственное атомное оружие, поскольку, во-первых, это очень дорого, а во-вторых, он защищен советским «ядерным зонтиком». К тому же появление у КНР атомной бомбы может затруднить переговоры о запрещении ядерного оружия.

Вроде бы все здесь логично. В то же время трудно полностью согласиться с обоснованностью принятого решения. Прежде всего, односторонний отказ от ранее принятого обязательства – это, как его ни объясняй, произвол, прямое нарушение основополагающего принципа международного права *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться). Такие действия, тем более в отношении союзного государства, компрометируют в первую очередь ту страну, которая к ним прибегает. Они показывают, насколько она далека от стандартов правового государства и ненадежна как партнер. Здесь мы сталкиваемся с еще одним вариантом синдрома «партийности внешней политики».

Да, Мао Цзэдун был одернут и за свою безответственную болтовню о возможности использования атомного оружия, и за начатую им подрывную работу против политической платформы XX съезда КПСС. Но выиграли или проиграли от этого шага реальные внешнеполитические интересы нашей страны? Я думаю, что проигрыш был намного больше выигрыша. К 1959 году значительная часть оборудования была уже привезена из СССР и смонтирована. Отказ Советского Союза продолжать оказание этой помощи лишь на какой-то небольшой срок замедлил создание Китаем своего атомного оружия и реального военного значения уже не имел. Зато этот шаг противопоставил нам миллионы китайских военных (а в Китае армия – это еще и кузница партийных кадров), помог Мао Цзэдуну в трудный для него период сплотить значительную часть руководства и народа страны на враждебной нам националистической основе, ибо в глазах китайцев советское руководство обмануло и оскорбило нацию, а не одного Мао Цзэдуна.

Давать или не давать Китаю атомную бомбу – об этом надо было думать раньше, до заключения соглашений 1956 года о строительстве в Китае соответствующих заводов, а не три года спустя после этого. Что же касается международных переговоров о запрещении ядерного оружия, то отсутствие у Китая атомной бомбы, возможно, несколько облегчило заключение Договора 1963 года о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, но не более того. Достаточно напомнить, что в 1968 году, когда Китай уже обладал атомной бомбой, был заключен не менее значимый Договор о нераспространении ядерного оружия.

Возвращаясь к стрельбе в Тайваньском проливе 1958 года, хочу сказать, что в ней кроме авантюризма нашло отражение все более усиливавшееся желание Пекина напомнить международному сообществу о существовании Китая как великой державы, о которой нельзя забывать при решении мировых проблем.

Не случайно именно в этот период среди китайской элиты вошло в моду шутить по поводу огромного числа китайцев, проживающих на Земле. При встречах с иностранными дипломатами маршал Чэнь И, сменивший в 1958 году Чжоу Эньлая на посту министра иностранных дел, заразительно смеясь говорил о том, что «если все китайцы одновременно топнут, то наша планета задрожит и может соскочить со своей оси». Была у него и такая любимая шутка: «Если рты всех китайцев сложить вместе, то получится такой большой рот, что он будет в состоянии заглотнуть земной шарик».

Не видя тогда в этом беды, мы от души посмеивались. Улыбались, слушая подобные шутки нового министра иностранных дел, и представители европейских государств, отделенных от Китая Советским Союзом и Индией. Однако дипломатам малых, особенно соседних с Китаем, государств от этих шуточек Чэнь И было явно не по себе.

«БОЛЬШОЙ СКАЧОК» И ОТЗЫВ СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Всякий раз, вспоминая случившееся в конце 50-х годов, я пытаюсь определить, где же «протекал» тот самый Рубикон, перейдя который обе наши страны практически на долгие десятилетия отрезали себе обратный путь к нормальным, добрососедским отношениям. Размышляя на эту тему, я пришел к выводу, что точкой отсчета в этом смысле логично считать провозглашение Мао Цзэдуну в 1958 году политики «трех красных знамен»: новая генеральная линия партии (строить социализм по принципу «больше, быстрее, лучше и экономнее»), «большой скачок» и строительство «народных коммун».

Выдвижение «трех красных знамен» было не просто неудачной попыткой с помощью дальнейшего закручивания гаек ускорить экономическое развитие страны, но и глубоким концептуальным пересмотром

решений VIII съезда КПК. Дело в том, что воплощение в жизнь политики «трех красных знамен» базировалось на использовании внеэкономических методов принуждения к труду, а это, в свою очередь, требовало создания такой внешнеполитической обстановки, которая оправдывала бы применение крайних моральных и физических мер воздействия на трудящихся. Отсюда – необходимость искусственного поддержания напряженности в международных отношениях, создание ситуации «осажденной крепости», что противопоставляло внешнеполитическую линию Пекина международной политике КПСС, сделав их несовместимыми.

Поражала полная экономическая неграмотность авторов «трех красных знамен», которая далеко превосходила волонтаристское экспериментирование Н.С. Хрущева.

К числу главных мер, направленных на обеспечение «большого скачка» в промышленности, относилось, например, развитие так называемой «малой металлургии» – повсеместное строительство, особенно на селе, дворовых «доменных печей» для выплавки металла как из руды, так и из металлолома, а нередко и из вполне еще пригодных металлических предметов. Когда мне и моим товарищам случалось посещать такие «металлургические предприятия», мы никак не могли получить вразумительного ответа на вопросы о том, откуда берется такое большое количество сырья и угля и как используется получаемая продукция. Не надо было быть знатоком в металлургии, чтобы увидеть: выплавлялось лишь что-то отдаленно похожее на металл, хотя, как можно было предположить, водили нас на образцовые «производства». Внушительной «малая металлургия» выглядела только ночью из окна поезда: все кругом, насколько хватало глаз, полыхало. Что же касается «народных коммун», то там происходило и объединение собственности, и создание общего котла. Не составляло большого труда понять, что один из главных замыслов политики «трех красных знамен» состоял именно в том, чтобы заставить многомиллионное китайское крестьянство производить металл практически без затрат со стороны государства, поскольку «крестьяне-металлурги» ели хлеб в коммунах, где он был «общим». Но такое огромное изъятие людских и материальных ресурсов из и без того бедной китайской деревни было откровенной авантюрой, которая не могла не завершиться экономической разрухой и массовым голодом.

Первое время для нас, советских людей, работавших в посольстве и искренне радовавшихся каждому успеху братского китайского народа, все это казалось непостижимым. Летом 1958 года посольство подготовило в Москву политписьмо, в котором говорилось о новых задачах, выдвигаемых перед страной китайским руководством. Так, за пятилетие (1958–1962 гг.) валовая продукция промышленности должна была возрасти в 6,5, а сельского хозяйства – в 2,5 раза. Приводя эти цифры, авторы письма не стали комментировать их. Когда проект был вынесен для обсуждения на совещании дипломатического состава, группа молодых дипломатов, включая автора этих строк, настаивала, чтобы в политписьме, как минимум, было сказано, что посольство не располагает данными, которые говорили бы о реалистичности вышеприведенных цифр. Наши оппоненты ссылались на то, что эти планы исходят от «самого» Мао и нам поэтому не следует комментировать их.

Выслушав спорящие стороны, С.Ф. Антонов объявил о закрытии совещания. Кому-кому, а ему, опытному хозяйственнику общесоюзного масштаба, авантюристичность подобных планов была очевидна. Однако и критиковать «самого» тогда еще не было принято. К тому же поверенный в делах должен был учитывать мнение отсутствовавшего посла, который, следуя избранной им линии, не хотел ставить под сомнение начинания Мао Цзэдуна, чтобы избежать еще одной конфликтной ситуации (Москва подправила посла позднее). Я так и не знаю, какова же была судьба этого документа.

Хватаясь за соломинку, П.Ф. Юдин пытался сгладить углы даже с помощью уточнения перевода термина «большой скачок». Как-то на оперативном совещании дипломатического состава он принялся иронизировать по поводу переводчиков, которые, дескать, не видят разницы между балетом, где уместны и большие и малые скачки, и промышленностью, которая отнюдь не должна скакать. Расчет был очевиден: посол надеялся, что ему предложат другой термин, который не будет вызывать аллергии в Москве. Однако ему убедительно разъяснили, что переводчики тут ни при чем, что невозможно подобрать другой, более подходящий термин, не отступая от смысла оригинала.

Намного позднее, когда нововведение Мао Цзэдуна уже стало воплощаться в жизнь, в сложное положение поставил П.Ф. Юдина член Политбюро ЦК КПК министр обороны КНР, маршал Пэн Дэхуай. Повстречав посла перед каким-то очередным приемом в гостинице «Пекин», он пригласил его в комнату отдыха и завел разговор о «большом скачке», давая понять, что хотел бы услышать мнение собеседника. Не скрою, мне, переводившему эту беседу, самому было интересно, как поведет себя посол, – ведь в СССР к тому времени уже сложилось отрицательное отношение к «большому скачку». Юдин нашел, как мне кажется, оптимальный вариант: уходя от оценки «скачка» как такового, он коснулся лишь одной его стороны, где при желании можно было найти намек на позитив.

Посол принялся рассуждать о том, что благодаря созданию «малой металлургии» миллионы людей в Китае, в том числе в китайской деревне, где находится основная масса трудовых ресурсов страны, ознакомься с азами техники и промышленности. Обогалят свой опыт и сельские кадровые работники, многим из которых в будущем предстоит организовывать в стране промышленное производство. Юдин даже вспомнил, что еще в начале 30-х годов, будучи руководителем ОГИЗ, он много занимался изданием популярной литературы, плакатов и листовок, знакомящих малообразованное население с основами техники, техникой безопасности труда и т.п.

В таком духе он вел разговор вплоть до того момента, когда пришел сотрудник Протокольного отдела и пригласил беседовавших занять свои места в приемном зале.

У меня в памяти остались печальные глаза маршала, отражавшие широкую гамму чувств: от тревоги за судьбу своей страны до твердой решимости бороться за ее будущее. Следует отдать должное принципиальности и мужеству этого ветерана китайской революции. На пленуме ЦК КПК в Лушани летом 1959 года он оказался в числе той крайне ограниченной группы китайских руководящих деятелей, которая, жертвуя собой, подняла голос против произвола Мао Цзэдуна и его губительного для страны курса. Трудно сказать, как бы развевались события, если бы маршала и его сподвижников поддержало большинство членов ЦК КПК. Но этого не произошло, и Пэн Дэхуай вместе с другими оказался в опале...

Вспоминая беседу маршала с послом в гостинице «Пекин» уже после того, как стали известны итоги лушаньского пленума, я неоднократно задавал себе вопрос: а зачем Пэн Дэхуаю потребовалась эта беседа? Ведь он заранее знал, что Юдин как посол в любом случае не стал бы критиковать какие бы то ни было действия Председателя ЦК КПК, подпадавшие под рубрику «внутренние дела Китая». Тем более маршал не мог рассчитывать заполучить его в свои союзники. Статьи, сам он в беседе с советским послом каких-либо прямых оценок «трем красным знаменам» тоже не высказывал. Лишь по характеру его вопросов и тону, каким они задавались, можно было понять его отрицательное отношение к «скачку».

Вернее всего, Пэн Дэхуай, готовясь к объяснению с Мао Цзэдуном, хотел себя проверить: не упускает ли он в своем негативном отношении к «скачку» какие-либо важные и полезные для Китая его стороны. Он имел все основания считать, что если бы у «скачка» такие стороны были, то Юдин не преминул бы о них сказать. (Нельзя забывать, что советский посол слыл у китайцев марксистским теоретиком сталинской закалки.)

Беседа подтвердила худшие предположения маршала: кроме просветительской роли посол не отметил ничего позитивного в «малой металлургии».

Важной составляющей «большого скачка» была борьба против «слепой веры» в советские технические нормы и правила. Речь шла о получении от имевшихся производственных мощностей такой отдачи, на которую они не были рассчитаны (сверхнормативная загрузка доменных печей, работа на станках в форсированном режиме, нарушение сроков профилактического ремонта и т.п.). Естественно, что это вело к преждевременному износу и порче оборудования, снижению качества продукции.

Там, где работали советские специалисты, они попытались протестовать, однако их протесты игнорировались. Многие из них усматривали в происходящем происки «классовых врагов», о которых им постоянно твердили сами китайцы. Специалисты стали обращаться за помощью в китайские и советские учреждения.

Далеко не всегда им удавалось достучаться в двери нужного начальника. Тем более они не могли получить желаемого ответа. Некоторые, не разбираясь в тонкостях разделения труда в посольстве, зачастую изливали душу любому попадавшемуся им дипломату. Иногда такие исповеди приходилось выслушивать и мне.

Самое большее, что в той обстановке могли сделать я и мои товарищи, не имевшие отношения к работе специалистов, – это пересказать разговор руководителю своей группы. Никаких записей мы, конечно, не делали: нам и в голову не приходило, что это может когда-либо потребоваться. А между тем такие записи могли бы весьма пригодиться тем сотрудникам в Дальневосточном отделе, которым летом 1960 года было поручено готовить проект ноты китайской стороне об отзыве из КНР советских специалистов.

Идея отзыва сама по себе не была новой. Советская сторона уже ставила перед китайцами этот вопрос.

Теперь он стал более актуальным в связи с тем, что в условиях «большого скачка» советские советники и специалисты оказались в сложном положении. Но нужно ли было делать из этого политическое шоу?

Связывать их отъезд на родину с тем, что в Китае они подвергаются идеологической обработке, что за ними ведется слежка и т.п.? Конечно, нет.

В Дальневосточном отделе намерение отозвать советников и специалистов было встречено холодно. Там понимали, что в Китае это однозначно будет расценено как политическое давление. Бумаги на этот счет попытались положить под сукно. Один из заместителей заведующего отделом запер проект ноты со всеми относящимися к нему документами в свой сейф, надеясь, что пройдет время, страсти остынут и что-то может измениться. Но последовал начальственный окрик, и сейф пришлось отпереть...

Против отзыва специалистов решительно высказался новый советский посол С.В. Червоненко, прибывший в Пекин в конце 1959 года. На случай, если решение все же не будет пересмотрено, он предложил компромиссный вариант: провести отзыв специалистов с соблюдением общепризнанных норм международного права, то есть не разрывать действующие контракты, заключенные советскими людьми с китайскими организациями, а откомандировывать специалистов без замены по мере истечения срока действия их контрактов. К сожалению, эти возражения и предложения не были приняты. А жаль, ведь такой вариант давал возможность решить вопрос с минимальными потерями для советско-китайских отношений. Не были учтены и возражения посла против отмены поставок в КНР некоторых ранее обещанных товаров. После отказа китайцам в атомной бомбе это был второй крупнейший просчет Н.С. Хрущева в отношении Китая. Советский лидер явно намеревался оказать давление на Пекин в условиях, когда Мао Цзэдун своими непродуманными действиями сам загнал себя в угол. Однако избранный Хрущевым метод оказался неудачным и, более того, сыграл на руку недружественным нам силам в Пекине, поскольку не учитывал силу национальных чувств китайцев. Мао не преминул воспользоваться этим, чтобы обеспечить себе поддержку кадров и армии, которая ему была так необходима в обстановке краха политики «трех красных знамен» и обострения отношений с КПСС и Советским Союзом. Короче говоря, обе стороны зашли слишком далеко, а логика их поведения сделала конфронтацию неизбежной.

ПЕРЕСТРЕЛКА В ГИМАЛАЯХ

В то время, когда наши советники и специалисты упаковывали чемоданы, готовясь к возвращению домой, я находился уже на родине и работал (с начала лета 1959 г.) в Дальневосточном отделе МИД СССР. Как и в посольстве, меня включили в состав внешнеполитической группы. Дел было много, так как в это время шла интенсивная подготовка к поездке советской делегации во главе с Н.С. Хрущевым в Пекин на празднование 10-й годовщины образования КНР. Составлялась куча справок, в основном впрок, на случай, если у руководителя или членов делегации возникнут какие-либо вопросы.

Мне и А.В. Сергиеву было поручено писать внешнеполитический раздел основной справки по Китаю – единственной, которая имела какой-то шанс быть затребованной главой делегации. Руководство отдела предъявляло к ней повышенную требовательность, и мы гордились этим заданием. Правда, когда делегация возвратилась в Москву, пришлось разочароваться: нам сказали, что ни нашу, ни другие справки глава делегации читать не захотел, они так и пролежали в чемодане, в котором их везли из Москвы. Это подтверждало слухи, что конкретных переговоров, по существу, не было, общая дискуссия носила весьма прохладный характер и положительных результатов не дала.

В разгар работы над материалами к визиту советской делегации в Пекин произошло событие, которое еще более осложнило наши отношения с Китаем. В конце августа пришло сообщение о перестрелке на китайско-индийской границе.

В Дальневосточный отдел со всех сторон посыпались запросы и вопросы, а никакой достоверной информации у нас не было. Поскольку китайско-индийские отношения числились за мной, я бросился собирать по крохам все, что могло иметь хоть какое-то отношение к случившемуся, и одновременно стал раскладывать пасьянс из уже известных фактов по принципу: «Кому это выгодно? Кому это невыгодно?» Сколько я ни крутил, ни перекладывал с места на место действующих лиц, у меня получалось, что к числу понесших большой политический ущерб относился СССР, чей руководитель готовился лететь в Вашингтон и Пекин, надеясь добиться улучшения отношений с ними.

Конечно, объективно конфликт сильнее всего ударил по доброму имени его непосредственных участников. Еще недавно Китай и Индия – две крупнейшие азиатские державы – провозгласили «пять принципов» мирного сосуществования, за что им аплодировали на всех континентах. А теперь все менялось. Аура мир несущих у них сразу полекла. Это, впрочем, мало беспокоило Мао Цзэдуна, который все чаще излагал свое отрицательное отношение к мирному сосуществованию. Зная об этом, а также об ухудшении отношений Китая и Индии, на которую Пекин пытался возложить ответственность за восстание в Тибете и бегство Далай-ламы, логично было думать, что инициатором перестрелки была китайская сторона. В пользу такого предположения говорил и опыт стрельбы в Тайваньском проливе. В 1958 году Пекин стремился поставить Хрущева перед выбором: либо США, либо Китай. А теперь, в 1959 году, этот выбор расширился: либо Индия и США, либо Китай.

Однако неоспоримых доказательств этому не было. Поэтому со своими «домыслами» из дверей ДВО я не

выходил, понимая тяжелые последствия, которые могла бы повлечь ошибка в оценке создавшейся ситуации. Вскоре после начала конфликта заместитель заведующего ДВО К. А. Крутиков был приглашен к Ю.В. Андропову, бывшему тогда заведующим Отделом ЦК КПСС. К.А. Крутиков взял меня с собой в качестве эксперта по китайско-индийским отношениям. Мне пришлось докладывать. Воздерживаясь от догадок и предположений, я подробно изложил все, что мне было достоверно известно как о самом происшествии, так и о связанных с ним обстоятельствах (характер местности, состав населения, история «линии Мак-Маго-на» и т.п.). У меня осталось впечатление, что именно такую информацию хотел получить Ю.В. Андропов. Он очень внимательно слушал, задавал уточняющие вопросы, а в заключение рекомендовал продолжать углубленное изучение проблемы, которая может оставаться актуальной еще продолжительное время.

После этого разговора я с утроенной энергией стал искать специалистов и литературу, содержащую интересовавшие меня сведения. К сожалению, хотя я и обошел несколько научных институтов, обогатить свои познания в той степени, в какой хотелось бы, мне не удалось: то ли у нас в то время не было хороших знатоков этой проблемы, то ли я просто не смог их найти.

Наиболее запоминающаяся встреча у меня состоялась с Ю.Н. Рерихом (сыном известного ученого, путешественника и художника Н.К. Рериха). Незадолго перед этим Юрий Николаевич возвратился из Индии в СССР и стал работать в Институте востоковедения АН СССР. Он подробно рассказал мне о западном участке границы, выразив удивление, что там возникли проблемы. «У местных жителей и путешественников, – говорил он мне, – никогда не возникало неясностей и сомнений на этот счет: к востоку от Ладакха был Китай, а к западу – Индия». При этом собеседник многословно описывал тамошние красоты, которые, по его словам, сами просились на кисть художника. Чувствовалось, что он был влюблен в Гималаи, в Индию, где прожил более 30 лет. К сожалению, на следующий год его не стало.

10 сентября в советской печати было опубликовано официальное Заявление ТАСС по поводу инцидента на китайско-индийской границе. В этом документе подчеркивалось, что СССР находится в дружественных отношениях как с КНР, так и с Индией. Давалось понять, что наша страна будет продолжать линию на ослабление напряженности с США. А в заключение выражалась уверенность, что правительства Китая и Индии урегулируют возникшее недоразумение с учетом взаимных интересов, в духе традиционной дружбы. По своему существу Заявление ТАСС далеко выходило за рамки документа, определявшего позицию СССР в локальном инциденте в Гималайских горах. Опуская другие аспекты, остановлюсь на том, который затрагивал китайско-советские отношения. В самом деле, согласись СССР поддержать КНР, и он автоматически попадал бы в фарватер китайской политики, нацеленной на то, чтобы торпедировать линию на мирное сосуществование на международной арене и побудить КПСС отказаться от начатых перемен внутри нашей страны. Для китайских аналитиков Заявление ТАСС было еще одним доказательством решимости КПСС неотступно следовать решениям своего XX съезда.

Парадоксально, но факт: именно в 50-е годы, считавшиеся «золотым веком» в советско-китайских отношениях, вызревала эта ссора, которая вылилась в «схватку двух коммунистических гигантов», если прибегнуть к терминологии западной печати того времени.

ГЛАВА II

СХВАТКА ГИГАНТОВ

Мое пребывание в СССР между двумя первыми командировками оказалось коротким – чуть больше двух лет. За это время мне удалось познакомиться с особенностями работы в центральном аппарате МИД. Конечно, служба в Москве позволяет более широко смотреть на мир и лучше видеть место страны, которой ты занимаешься, в общей системе международных отношений. Зато в посольстве у дипломата больше возможностей для непосредственных наблюдений за жизнью страны пребывания, для инициативы. Чаше приходится самостоятельно принимать решения (разумеется, в отведенных тебе должностью пределах и не выходя за рамки имеющихся указаний).

Хотя в Москве я пробыл недолго, мне, помимо прочего, довелось прочитать курс лекций по истории внешней политики КНР в Московском государственном институте международных отношений. Тогда еще не существовало стабильного учебника по этому предмету. Подготовка к каждой лекции требовала огромного труда. Приходилось перелопачивать груды документов, первоисточников, справочников, научной литературы. Так что я одновременно учил и учился сам, что мне помогло в дальнейшем. С некоторыми из

моих бывших студентов мне позже довелось работать (В.И. Трифонов, К.К. Иванов и др.). Были среди них и студенты социалистических стран Европы, но их судьба сложилась труднее...

Я уже упоминал, что в конце 1959 года в Пекин прибыл новый советский посол С.В. Червоненко. С этого назначения началась его длительная и отнюдь не простая дипломатическая карьера. На первых порах ему, естественно, не хватало профессионализма, зато он был энергичен, обладал завидным упорством и настойчивостью в достижении поставленных целей, большим опытом работы с людьми (до этого он был секретарем ЦК Компартии Украины). Получив новое назначение, он, как водится, стал формировать команду из людей, знавших Китай и желавших работать в Пекине. В 1960 году должность советника-посланника занял Н.Г. Судариков, бывший в свое время у китайцев советником по юридическим вопросам, а с 1956 года являвшийся советником посольства в Пекине. Шел подбор дипломатов среднего и младшего звена. Однажды меня пригласили в Управление кадров и представили С.В. Червоненко, который предложил мне вновь поехать на работу в Пекин в качестве 2-го секретаря. Я согласился и осенью 1961 года с женой и дочкой прибыл в китайскую столицу.

В посольстве я вновь был включен в состав внешнеполитической группы, возглавлявшейся теперь уже Ф.В. Мочульским, с которым мы дружно работали в первый мой приезд. В этой же группе трудились Б.А. Сорокин, В.А. Царенко и другие мои старые знакомые. К тому же теперь мы располагались в новом служебном здании, построенном на месте, где раньше находилась Российская духовная миссия, открытая еще при Петре I. В отличие от старого здания в бывшем дипломатическом квартале на улице Дунцзяоминасян, в новом были удобные и достаточно просторные рабочие кабинеты. Да и жили теперь мы в относительно комфортабельных квартирах.

ДРУГОЙ ПЕКИН

Казалось, все должно было бы располагать на благодушный лад. Но вскоре я почувствовал, что мы приехали уже не в тот Пекин, который оставляли в 1959 году. Тогда жители города, как и вся страна, готовились к празднованию 10-летия Народной Республики. Царили энтузиазм, искренняя вера в посулы вождя, который обещал каждому «десять тысяч лет счастья после трех лет упорного труда». Помню, как осенью 1958 года к нам домой приходил с женой мой университетский товарищ Ся Чжунчэн. Оба они с восторгом говорили о прекрасном будущем, которое ждет их страну. Сам Ся по ночам безвозмездно трудился на строительстве здания Всекитайского Собрания Народных Представителей, возводившегося к юбилею методом народной стройки...

Теперь все это было где-то далеко позади. В осенней мгле по городу бродили сумрачные голодные люди. Ни для кого не было секретом, кто несет ответственность за постигшую страну катастрофу. Игнорирование экономических закономерностей жестоко за себя мстило. Убийственную характеристику учению своего вождя, сами того не сознавая, в «культурную революцию» дали хунвэйбины, обвинившие директора Института экономики АН КНР Сун Ефана в том, что он «пытался подменить идеи Мао Цзэдуна какими-то объективными (sic!) экономическими законами».

По прибытии в Пекин, осмотревшись, я не просто понял, но и почувствовал, словно кожей ощутил, что советско-китайские отношения зашли в острый и затяжной конфликт, причины которого, как мне тогда представлялось, – и для такого мнения были веские основания – коренились во внутривластном положении Китая.

В начале 60-х годов Мао Цзэдун переживал, пожалуй, самый тяжелый период со времени «Великого похода». Чтобы сохранить власть, он вынужден был маневрировать. Еще в 1959 году Мао уступил пост Председателя КНР Лю Шаоци. Затем ему пришлось фактически признать провал своих «трех красных знамен» и согласиться на «урегулирование», то есть на фактический пересмотр провозглашенной им политики. Не было слышно, чтобы кто-либо критиковал Мао Цзэдуна, называя его имя, но завуалированной критики было немало. Ходили даже слухи, что на одном из расширенных совещаний, созванных ЦК КПК в 1962 году, он сам выступил с чем-то похожим на самокритику.

Мао Цзэдун, видимо, понимал, что дальше отступать ему некуда, и готовил контрнаступление.

При ограниченности имевшихся в его распоряжении средств особое значение имела советская карта, которую он разыгрывал активно и весьма расчетливо. Споры и искусственное нагнетание напряженности в отношениях с КПСС и Советским Союзом давали ему возможность отвлекать внимание от внутренних провалов, записывать в число «контрреволюционеров» и «пособников советского ревизионизма» любого недовольного или просто критически мыслящего китайца, а заодно исподволь формировать свою идейно-

политическую платформу, пригодную как для внутреннего потребления, так и для идеологического обоснования поворота во внешней политике.

Разыгрывание советской карты привлекало Пекин и тем, что оно не было сопряжено с угрозой для безопасности Китая. Использование Советским Союзом военных средств для решения идеологических споров полностью исключалось. В условиях обострения отношений Китая с СССР трудно было ожидать – без особых на то причин – и военного давления на КНР со стороны США. Более того, увеличение расхождений с СССР открывало перспективу позитивных перемен в китайско-американских отношениях, без которых Китаю трудно было рассчитывать на обеспечение себе роли великой державы в мировом сообществе.

ВСТРЕЧА МАО ЦЗЭДУНА С СОВЕТСКИМ ПОСЛОМ 23 ФЕВРАЛЯ 1963 Г. «БОЛЬШАЯ ПОЛЕМИКА»

Объективно КПСС не была заинтересована в разрастании полемики с КПК. Наоборот, полемика ставила ее в сложное положение. Отвечать на пропагандистские насюки китайской стороны означало идти на расширение ненужной Москве ссоры. Молчание же могло дезориентировать нашу партию и зарубежных друзей, которые восприняли бы это как признак слабости позиций КПСС. Отсюда – неоднократные предложения советской стороны о прекращении полемики. Однако все такие попытки заканчивались с нулевым результатом.

В 1963 году советско-китайские споры поднялись на новый виток, перейдя в стадию, на которой платформе XX съезда КПСС уже прямо и открыто была противопоставлена платформа ЦК КПК. Поскольку это был, пожалуй, решающий момент в развертывании идеологической баталии, которую сами китайцы стали именовать «большой полемикой», стоит подробнее остановиться на том, как это происходило.

С.В. Червоненко любезно согласился помочь мне восстановить в памяти события того времени и разрешил опубликовать, в частности, свой рассказ о встрече с Мао Цзэдуном 23 февраля 1963 г., за что, разумеется, я ему весьма благодарен.

За три-четыре дня до встречи Мао с советским послом «Жэньминь жибао» начала перепечатывать материалы «Правды» и других зарубежных коммунистических изданий с критикой позиций китайского руководства. Под эти материалы, включавшие и выступления Н.С. Хрущева, газета ежедневно отводила от двух до трех полос китайского (более экономного) текста. Это уже само по себе свидетельствовало о серьезности вынашиваемого Пекином замысла.

21 февраля ЦК КПСС направил ЦК КПК письмо, в котором вновь предлагалось, чтобы в интересах обеих сторон и других партий КПСС и КПК прекратили публичную полемику. Такой поворот явно не устраивал Мао Цзэдуна. Начавшиеся публикации в китайской печати зарубежных материалов с критикой руководства КПК не прекратились. Китайская сторона создавала ситуацию, при которой она имела бы право на ответ. Более того, Мао предпринял встречный ход. Поздно вечером 23 февраля он пригласил советского посла на беседу. Вспоминая о ней, посол заметил, что за время работы в Китае он неоднократно встречался с Председателем ЦК КПК по инициативе той или другой стороны. Как правило, эти встречи происходили тогда, когда надо было обсудить вопрос особой важности. Если из Москвы приходило указание встретиться с Мао, но предмет разговора этого не заслуживал, то С.В. Червоненко просил приема у кого-либо из вторых лиц в китайском руководстве. На этот раз приглашение поступило от самого Мао Цзэдуна, и поэтому подобного вопроса не возникало.

В 23 часа посол прибыл в Чжуннаньхай. Его провели в личные покои Мао Цзэдуна. С.В. Червоненко увидел следующую картину: на кровати лежал Мао, как если бы он был болен, в головах у него сидел Лю Шаоци, в ногах – Чжоу Эньлай. Посла и других лиц, присутствовавших на беседе, посадили напротив кровати посередине.

Мао Цзэдун сказал, что хотел бы обсудить с послом вопрос о состоянии советско-китайских отношений. Они, китайцы, уверял он, уделяют большое внимание отношениям как: между нашими странами, так и между партиями. На некоторых направлениях имеется определенное продвижение, но на других достигнуть взаимопонимания не удастся.

Китайские руководители, продолжал Мао, часто обмениваются между собой мнениями о внутренней и внешней политике КПСС и Советского Союза. Ваша внутренняя политика, говорил Председатель ЦК КПК, является вашим внутренним делом, но нас беспокоят международные дела. В мире многие народы, которые еще не встали на социалистический путь, испытывают значительные трудности в развитии своей экономики.

В то же время империалистические государства эксплуатируют страны «третьего мира». Они не только наживаются, создают благоприятные условия для собственного экономического развития, но и наращивают свою военную мощь, что не может не беспокоить социалистические страны. Китайские руководители считают, что Советский Союз, который располагает немалыми возможностями, мог бы уделить больше внимания поддержке народов в их национально-освободительной борьбе.

Затем Мао заговорил об охлаждении отношений между КНР и СССР. По его словам, возникли вопросы, которые не должны были бы возникать: отношение к китайско-индийскому конфликту, невыполнение советской стороной достигнутых соглашений о поставках оборудования, некоторые публичные выступления советских руководителей и печати. В то же время в своей политике СССР уделяет много внимания западным странам (последнее звучало как упрек в утрате классового подхода).

Посол старался убедить китайских собеседников, что дело обстоит иначе. Он подчеркивал, что КПСС воспитывает советский народ в духе дружбы с китайским народом. Товарищ Мао Цзэдун, говорил С.В. Червоненко, мог бы сам в этом убедиться, посетив нашу страну (его уже неоднократно приглашало советское руководство). «Вы, – продолжал посол, – давно не были в СССР, сейчас могли бы сами определить те места, которые хотели бы посетить. Тогда у Вас будет возможность собственными глазами увидеть, как советский народ относится к китайскому народу».

Касаясь отношений между КПСС и КПК, С.В. Червоненко сказал, что не надо допускать, чтобы вопросы накапливались. Их необходимо своевременно решать между Политбюро Центральных Комитетов обеих партий.

Беседа длилась около трех часов. Лю Шаоци и Чжоу Эньлай больше молчали и лишь иногда репликами поддерживали высказывания Мао. В конце беседы посол, как принято, пообещал доложить ее содержание руководству КПСС

Едва Червоненко вернулся, как в посольство позвонил сотрудник аппарата ЦК КПК Янь Мин-фу, который передал ему просьбу Мао Цзэдуна дать согласие на публикацию сообщения о состоявшейся встрече.

Председателю ЦК КПК зачем-то это потребовалось.

Посол позвонил в Москву М.А. Сулову, проинформировал о беседе и попросил совета, как ему следует ответить на просьбу Мао Цзэдуна. Сулов сказал, чтобы посол постарался переговорить на эту тему с Н.С. Хрущевым. В Пекине было уже 3 часа ночи, а в Москве – поздний вечер. Червоненко застал Первого секретаря ЦК КПСС на даче. Хрущев спросил, что думает посол о публикации. Тот ответил, что не видит оснований возражать против нее. Советский руководитель попросил посла передать привет Мао Цзэдуну и сказал, чтобы посол дал согласие на публикацию.

На следующий день китайские центральные газеты на первых полосах под заголовками, набранными крупными иероглифами, сообщали, что Председатель ЦК КПК Мао Цзэдун принял советского посла и имел с ним «сердечную беседу» и что на беседе присутствовали Лю Шаоци и Чжоу Эньлай, а также член ЦК КПК У Сюцюань.

Я спросил у посла: зачем, по его мнению, Мао Цзэдуну потребовался маскарад с разыгрыванием из себя больного человека? Ведь, по свидетельству его личного врача, в тот вечер Мао был совершенно здоров, но перед встречей с советским послом стал репетировать роль больного старца, готовившегося к «встрече с К. Марксом» (врач Ли Чжисуй в своих мемуарах пишет, что Мао якобы хотел проверить, как советское руководство отнеслось бы к его уходу из жизни).

По словам С.В. Червоненко, Мао отнюдь не произвел на него впечатление тяжело больного старца. Временами, когда Председатель увлекался, он вообще выглядел вполне здоровым человеком. Посол считал, что китайскому лидеру, видимо, немного нездоровится и врачи на всякий случай порекомендовали ему постельный режим, создав тем самым некоторые неудобства протокольного характера.

В политическом плане встреча запомнилась послу тем, что она предшествовала публикации в китайской печати серии статей, формально посвященных критике «ревизионизма» компартий ряда третьих стран (Франции, Италии и др.). Это было как бы предупреждением всему коммунистическому движению: кто встанет на сторону КПСС, тот будет подвергнут острой критике со стороны КПК (такой прием по-китайски называется «бить зайца и показывать это обезьяне»). Тем самым готовилась почва для главного действия – выступления КПК со своей особой платформой, противостоящей XX съезду КПСС и решениям московских совещаний коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 годов. Эта платформа, известная под названием «Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения» (сокращенно ее называли «25 пунктов»), была оформлена в виде письма ЦК КПК в адрес ЦК КПСС от 14 июня 1963 г. По ходу нашей беседы с С.В. Червоненко он вспомнил и о другой встрече с Мао Цзэдуну, на которой обсуждался вновь обострившийся конфликт между КНР и Индией. Тогда Мао по своей инициативе вдруг стал давать характеристики членам китайского руководства. Особо запомнилось послу, что, говоря о Дэн

Сяопине, Мао сказал: «Это – будущее Китая».

Лю Шаоци у изголовья Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлай у его ног, хвалебные высказывания о Дэн Сяопине – все это выглядело, а в определенной степени и было демонстрацией «единства» китайского руководства в критический момент противостояния КПК и КПСС. Однако последующие события показали, что смысл происшедшего этим не ограничивался. Как расчетливый политик, Мао Цзэдун создавал дымовую завесу, под прикрытием которой готовилась расправа над теми, кого Председатель ЦК КПК считал своими противниками. В этом кроется одна из причин того, что даже такие опытные политические деятели, как Лю Шаоци и Дэн Сяопин, проглядели подготовку массированного удара, нанесенного по ним в «культурную революцию». Ни тот ни другой вовремя не разгадали, что важнейшая политическая функция демонстративно-враждебного отношения к КПСС и СССР состояла в том, чтобы служить орудием борьбы Мао Цзэдуна за устранение потенциальных противников и упрочение своей власти.

Параллельно со всем этим «большая полемика» должна была решать важные, с точки зрения Мао и его сторонников, задачи, касающиеся Советского Союза. Во-первых, скомпрометировать КПСС и продемонстрировать ее несостоятельность как лидера левых сил в мире. Во-вторых, оказывать политическое давление на советскую сторону и ставить ее в оборонительное положение. И последнее по месту, но не по значению: поощрять неосталинистские тенденции внутри СССР и срывать курс на разрядку на линии Восток–Запад.

Закономерен в этой связи вопрос: а какую роль играл китайский фактор во внутривнутриполитической жизни СССР? Мне, наблюдавшему за развитием советско-китайских отношений преимущественно из Пекина, трудно дать достаточно полный ответ на этот вопрос.

Из того, что приходилось слышать в то время, а позднее читать в мемуарной литературе (особую ценность в этом отношении представляет книга А.М. Агентова-Александрова «От Коллонтай до Горбачева»), было видно, что в советских верхах не было единства в оценке китайских дел и предпринимались попытки использования китайской карты во внутривнутриполитической борьбе. Ухудшение отношений с Китаем фигурировало, в частности, среди претензий к Н.С. Хрущеву. Ссылками на китайцев порой подкреплялись и призывы вернуться к жесткой линии внутри страны и на международной арене.

Однако в целом во внутривнутриполитической жизни СССР китайский вопрос никогда не играл той гипертрофированной роли, которую Мао Цзэдун отводил в китайской внутренней политике вражде с КПСС. К тому же влияние Пекина на наши дела ослабляли сами китайские лидеры и китайская печать своими назойливыми заявлениями, неприемлемыми для советской общественности, по вопросам войны и мира, мирного сосуществования, атомного оружия, материального стимулирования, а также относительно советско-китайской границы.

Стратегия, которую разрабатывал Мао Цзэдун с середины 50-х годов, сосредоточивалась на нем самом, на укреплении его собственной власти и на собственном возвышении. Будучи оторванной от нужд народа, реальных потребностей экономики, культуры, социальной жизни, она не имела перспектив. Зато в тактическом плане он зачастую переигрывал как внутренних, так и внешних своих противников. Наблюдая за развитием «большой полемики» и в известном смысле участвуя в ней, мы в посольстве не могли не обращать внимания на тщательную отработку акций, предпринимавшихся КПК, их спланированность и продуманность. Было видно, что полемические публикации китайцев готовились высококвалифицированными специалистами, которые мобилизовывали большой фактический материал, проявляли знание классиков марксизма-ленинизма и умело использовали их работы для обоснования «идей Мао Цзэдуна».

Москва же часто действовала по принципу пожарной команды: принимались меры борьбы с огнем, когда уже польхало. После очередного «хода» Пекина у нас начинали думать, какой «дать отпор», как «разоблачить» и т.п. Конечно, мне не все было известно, но, судя по тому, что я знал и – главное – что наблюдал, у нас не было хорошо обоснованного, перспективного плана, который четко, на несколько ходов вперед, определял бы реально достижимые цели политики и тактические шаги в отношении КПК и КНР, в том числе и конструктивного плана. Отсюда – мы нередко утрачивали инициативу, а порой даже шли на поводу у китайцев, сознательно и расчетливо втягивавших нас в ненужные нам споры и ссоры. Вероятно, в немалой степени это определялось импульсивностью характера Н.С. Хрущева, а также и обострившимся соперничеством в советском руководстве. Складывалось даже впечатление, будто кто-то сознательно подзуживал его, чтобы потом обвинить в некорректном поведении в отношении китайцев.

Публикация китайских «25 пунктов» опрокинула последние надежды на достижение компромиссных решений по существу спорных проблем (мирное сосуществование в идеологической сфере исключено, твердили ортодоксы). Теперь исчезала и возможность договоренности хотя бы о временном приглушении полемики, которое позволило бы Москве и Пекину немного поостыть, осмотреться и спокойно оценить

ситуацию в свете собственных национальных интересов.

За «25 пунктами» последовали восемь совместных статей «Жэньминь жибао» и «Хунци», подробнейшим образом в духе этих «пунктов» излагавших позиции КПК по актуальным проблемам мирового развития. Публикация каждой из статей подавалась в Китае как событие всемирно-исторического значения. Накануне каждую статью в обрамлении бравурной музыки в 8 часов вечера зачитывали по «совместной программе китайского радио», подобно сводкам боевых действий. В китайской печати проскальзывали намеки на то, что автором или, по крайней мере, редактором этих статей был лично Председатель ЦК КПК. Эти статьи задавали тон всей китайской пропаганде.

По поводу развернутой руководством КПК «большой полемики» следует, однако, сказать, что в теоретическом отношении она оказалась пустышкой: ни одной плодотворной идеи она не родила. В основном дело свелось к нападкам Пекина на решения XX–XXII съездов КПСС, обвинениям ее в «ревизионизме», а также к стремлению советской партии доказать свою ортодоксальность и «догматизм» КПК. «Большая полемика» не будила мысль, а, наоборот, скорее сковывала теоретические поиски марксистских идеологов. В этом смысле ее можно назвать одной из предтеч «застоя».

ОКТАБРЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК КПСС 1964 ГОДА И ВИЗИТ КИТАЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В МОСКВУ

В тот октябрьский вечер мы с женой были на званом обеде в одном из посольств. В разгар приема ко мне подходит хозяин вечера и говорит, что меня срочно просят позвонить в наше посольство. Было ясно, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Такие звонки бывают только в экстремальных ситуациях. Дежурный посольства сообщил, что меня срочно хочет видеть посол. Значит, что-то случилось. Но что? Когда я вошел в кабинет С.В. Червоненко, там находился секретарь парткома советник Г.А. Ганшин. Посол молча дал мне прочитать полученную из Москвы шифровку, в которой кратко и без каких-либо пояснений сообщалось об освобождении Н.С. Хрущева от всех постов. Посольству поручалось незамедлительно проинформировать об этом ЦК КПК.

С.В. Червоненко сказал, что он уже поручил сотруднику Протокольного отдела запросить срочную встречу в ЦК КПК и что я должен его сопровождать.

Посол был принят членом ЦК КПК У Сюцюанем, который тогда фактически возглавлял Управление по связям с иностранными партиями. Выслушав сообщение, У Сюцюань, как это и положено в таких случаях, обещал немедленно информировать руководство КПК, воздержавшись от каких-либо собственных комментариев. Однако полностью скрыть свои мысли он не смог. Его, если можно так выразиться, «выдал случай». По окончании беседы (а она длилась всего несколько минут) У Сюцюань вышел из здания проводить посла. Но неожиданно забарахлила автомашина, на которой мы приехали. Нам пришлось подождать минут пять, пока водитель ее исправлял. И вот тут У Сюцюань заметил: «У вас в России говорят, что если бьется посуда, то это к счастью. Может быть, на этот раз к счастью сломалась машина?» Хотя каламбур был не самым удачным, но политический настрой собеседника отразил достаточно четко: у него была надежда, что перемены в Москве приведут к устранению вражды в советско-китайских отношениях.

Впрочем, поведение У Сюцюаня оставило и у С.В. Червоненко, и у меня впечатление, что в ЦК КПК уже было известно об отставке Н.С. Хрущева еще до нашего приезда. Неужели китайское посольство в Москве каким-то образом узнало о происходивших там событиях раньше, чем советское посольство в Пекине получило указание проинформировать об этом китайских руководителей?

Впрочем, это был не единственный вопрос, возникший в те дни. Странный демарш предпринял Мао Цзэдун в конце пребывания в Пекине в первой декаде октября советской делегации во главе с кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, председателем ВЦСПС В.В. Гришиным, которая участвовала в праздновании 15-й годовщины образования КНР. На прощальном обеде, устроенном китайскими властями в честь иностранных делегаций, в зале неожиданно появился Мао Цзэдун, поддерживаемый двумя китайяками. Не снимая габардинового плаща, он поднялся на сцену, к нему стали подходить, поздравлять и чокаяться главы иностранных делегаций.

Сотрудник Протокольного отдела пригласил подняться на сцену и В.В. Гришина, сидевшего за первым столом вместе с высшими китайскими руководителями. Мао Цзэдун взял его руку и долго ее тряс, приговаривая: «Все будет хорошо, наши народы будут вместе». На замечание главы советской делегации, что не надо откладывать улучшение советско-китайских отношений на будущее, Мао не отвечал, будто не слышал его, и продолжал трясти В.В. Гришину руку, повторяя, что все будет хорошо. Эта сцена продолжалась около 10 минут. То же повторилось и с советским послом.

Приехав в посольство, В.В. Гришин рассказал обо всем этом в своем выступлении перед дипломатическим составом. Разгадать такое поведение Председателя ЦК КПК никто не мог, тем более что все это происходило вслед за его скандальным заявлением в беседе с японскими социалистами о «захвате» Советским Союзом Курильских островов, «Внешней Монголии» (МНР), восточноевропейских стран и т.д. Этим заявлением, которое далеко выходило за рамки идеологической полемики и носило откровенно враждебный характер по отношению к нашему государству и нашему народу, он демонстративно выставлял себя недругом СССР и отрезал себе пути к примирению. А тут вдруг затяжные рукопожатия и обещания, что наши народы непременно будут вместе.

Не менее загадочным был и тот факт, что буквально на следующий день после завершения октябрьского пленума ЦК КПСС на полигоне Лобнор был осуществлен взрыв первой китайской атомной бомбы. Что это? Случайное совпадение? Число вопросов росло, а вразумительных ответов не было.

Не имея практически никакой ориентировки, посольство оказалось в исключительно трудном положении. Покинуть Пекин и вылететь в Москву посол не мог. Он договорился с Москвой о том, что пошлет дипломатического сотрудника посольства в Иркутск для получения информации от участника октябрьского пленума ЦК КПСС С.Н. Щетинина.

Такое поручение было дано мне.

Когда я прибыл в Иркутск и уже повстречался со Щетининым, мне неожиданно сообщили, что из Отдела ЦК поступило указание направить меня в Москву. Там со мной беседовал К.В. Русаков, бывший тогда заместителем заведующего Отделом

ЦК. Были встречи и с некоторыми другими работниками. О самом пленуме я узнал мало нового: информация, полученная от С.Н. Щетинина, была достаточно полной. Зато очень важно было услышать от одного из активных участников подготовки октябрьских событий в Москве, что они поднимали документы и убедились в конструктивной позиции С.В. Червоненко по «трудным» вопросам советско-китайских отношений (стали известными его возражения против отзыва специалистов и советников, против отказа в поставках обещанного оборудования и др.). В связи с этим мне поручалось передать послу, что к нему претензий не имеется.

В московских коридорах власти явно витала идея о необходимости предпринять инициативные шаги для улучшения советско-китайских отношений. В прямой и откровенной форме никто об этом не говорил, но такой вывод нетрудно было сделать из вопросов, которые мне задавались, рассуждений и реплик собеседников, из всей логики происходившего. Хотя, как мне показалось, в Москве у многих не было (и это подтвердилось дальнейшим ходом событий) полного понимания действительного положения дел в Китае, его реальных интересов и замыслов высшего китайского руководства. Нередко все застилала наивные идеологические догмы: мол, обе партии – КПСС и КПК – являются коммунистическими и поэтому ничто не может помешать их представителям сесть за один стол, откровенно поговорить, в чем-то уступить друг другу, если надо – извиниться за грубости Н.С. Хрущева и по-товарищески договориться о восстановлении дружбы.

Надо подчеркнуть, что у советской стороны больших проблем тут действительно не было.

Улучшение советско-китайских отношений отвечало бы интересам Советского государства, укрепляло позиции нового руководства и нашло бы широкую поддержку в обществе, причем как среди сторонников линии XX съезда, которые рассчитывали на смягчение противодействия ей со стороны КПК, так и среди тех, кто тосковал по сталинским временам, возвращению которых могло бы, по их расчетам, содействовать сближению КПСС с Мао Цзэдуном и его последователями.

Немаловажное значение имело то обстоятельство, что советские руководители к тому времени сумели освободиться от груза наиболее одиозных ошибок прошлого. Раскритиковав в свое время культ личности, они сбросили с себя тяжелое сталинское наследие репрессий, тоталитаризма и пр., а теперь отмежевались и от «волюнтаристских» ошибок Н.С. Хрущева («застойных» болячек они еще не приобрели). Это давало им такую свободу маневра, о которой китайские руководители не могли и мечтать.

У китайцев дело обстояло сложнее.

Конечно, от восстановления добрососедских, дружеских отношений с СССР в не меньшей степени выиграл бы и Китай. Ведь не надо забывать, что все это происходило в условиях, когда эта страна едва оправилась от экономических потрясений, вызванных экспериментированием с «тремя красными знаменами», а у ее южных границ вслед за «тонкинским инцидентом», произошедшим в августе 1964 года, стремительно расширялась агрессия США против Вьетнама.

Однако у Мао Цзэдуна и его сторонников были причины для иного подхода, которые представлялись им более вескими. Если в СССР очередной виток борьбы за власть уже завершился и ситуация стабилизировалась, то в Китае, наоборот, дело шло к новой, еще более жесткой схватке. На чью чашу весов

будет давить примирение? Мао явно опасался, что в выигрыше окажутся как раз те силы, которые он хотел бы убрать с политической арены.

Пожалуй, единственное, на что был готов в той обстановке китайский руководитель, – это принять капитуляцию от нового советского руководства. Но такая надежда была тщетной. Пока я был в Иркутске и Москве, С.В. Червоненко в ходе встречи с Мао Цзэдуном в соответствии с полученным указанием проинформировал его об обстоятельствах снятия Хрущева, разъяснил Председателю ЦК КПК, что в международных делах курс КПСС меняться не будет. Мао настаивал на том, что отстранение Хрущева будет иметь какое-то значение лишь в том случае, если за ним последует изменение не только внутренней, но и внешней политики Советского Союза. Посол, естественно, отстаивал ту точку зрения, которая содержалась в полученных им указаниях.

Да, формально в устранении Н.С. Хрущева можно было усматривать победу пекинского лидера. Но Мао Цзэдун не мог не понимать, что победа может оказаться пирровой: октябрьский пленум не только убрал могущественного соперника, но и создал прецедент решения вопроса о лидере, допускающем крупные ошибки в своей политике и теряющем доверие партийной элиты. К тому же вместе с Н.С. Хрущевым исчезла и мишень, целясь в которую было сподручно стрелять по «ревизионистским» идеологическим установкам и политическим противникам не только вне, но и внутри Китая.

Объективно дело складывалось таким образом, как будто теперь наступила очередь Пекина производить серьезную корректировку курса, которая не могла быть осуществлена без обновления высшего руководства. И речь здесь идет не о делении лидеров на «плохих» и «хороших». История давно уже доказала, что для решения встающей перед обществом качественно новой задачи, как правило, требуется новый лидер, новый «герой». Трудно, а часто и невозможно найти личность, которая с одинаковым успехом могла бы, например, возглавить победоносную вооруженную борьбу крестьянских масс и строить современную экономику, базирующуюся на последних достижениях научно-технического прогресса. В каждом из этих случаев требуются свои знания, свой специфический опыт и, не побоюсь этого слова, свой талант. Применительно к Китаю эту мысль можно сформулировать так: в одних исторических условиях ему был нужен Мао Цзэдун, в других – Дэн Сяопин.

Но уступать ни Дэн Сяопину, ни Лю Шаоци, ни кому-либо другому и отказываться от своих претензий на лидерство в коммунистическом мире Мао Цзэдун отнюдь не намеревался. Наоборот, он, как уже отмечалось, готовился к контратаке. Этому подчинялась вся его внутренняя и внешняя политика, этим определялось и его отношение к шагам, предпринимавшимся КПСС после снятия Н.С. Хрущева.

В конце ноября - начале декабря мною была подготовлена аналитическая записка, которая показывала, что материалы официальной китайской печати, к сожалению, не дают оснований для ожидания позитивных перемен в подходе высшего руководства КПК к КПСС в свете итогов октябрьского пленума. Посол обратил серьезное внимание на этот документ и направил его для информации высоким адресатам. Конечно, сейчас вывод, сделанный в записке, выглядит само собой разумеющимся, особенно с учетом последовавшей «культурной революции». Тогда же подводная часть айсберга скрывала в себе много неизвестного. Поэтому неудивительно, что даже внутри нашего посольства порой возникали споры, в ходе которых высказывались различные, иногда диаметрально противоположные оценки ситуации.

Все мы, безусловно, были едины в желании видеть улучшение советско-китайских отношений. Разногласия вызывали главным образом два вопроса: реально ли это в нынешней внутривнутриполитической обстановке в Китае? Если да, то будет ли для нас приемлема цена, которую запросит за это китайское руководство? Подавляющее большинство дипломатов давало на них отрицательный ответ, исходя из вышеприведенной оценки позиции Мао Цзэдуна и из убежденности в том, что и после снятия Хрущева ЦК КПСС сохранит приверженность линии XX съезда.

Однако некоторые коллеги были не вполне с этим согласны и даже утверждали, будто посольство излишне сгущает краски в оценке ситуации в Китае. В обоснование такого утверждения делались ссылки на материалы, которые по просьбе московских организаций направлялись в Центр для использования в полемике в виде комментариев к наиболее крупным пропагандистским выступлениям китайской стороны и рекомендаций, как лучше парировать тот или иной используемый в них тезис. Когда дискуссия по этим вопросам развернулась на одном из партийных собраний, выяснилось, что споры в значительной мере объяснялись недостаточным знанием частью сотрудников того, как посольство информирует Москву. В связи с этим было проведено второе собрание, специально посвященное этому вопросу, на котором выступил посол, подробно ознакомивший присутствовавших с совокупностью информационных материалов, подготовленных в посольстве. Это сняло большую часть вопросов, на остальные же (относившиеся к категории прогнозов) ответы дала жизнь (отрицательная реакция китайской стороны на советские шаги).

Первой и, к сожалению, неудачной советской инициативой было приглашение партийно-правительственной делегации КНР в Москву для участия в праздновании 47-й годовщины Великой Октябрьской революции. Чжоу Эньлай информировал посла С.В. Червоненко о принятии приглашения китайской стороной. Он же и возглавил делегацию. В состав делегации входили член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР, маршал Хэ Лун, кандидат в члены Политбюро Кан Шэн, заместители министра иностранных дел КНР Лю Сяо и Цяо Гуаньхуа, заместитель начальника управления ЦК КПК У Сюцюань и китайский посол в Москве Пань Цзыли. Примечательно, что в делегацию не были включены такие строптивые, с точки зрения Мао Цзэдуна, деятели, как Лю Шаоци, Чжу Дэ и Дэн Сяопин.

Мне довелось присутствовать на беседах по этому вопросу. Формально все шло своим чередом.

Настораживали, однако, нервозность и необычно высокомерный тон Чжоу Эньлая, который не предвещал ничего хорошего. Вначале я не мог объяснить причину такого необычного поведения Чжоу. Лишь позднее, поразмыслив, пришел к заключению, что премьер понимал, на какое заведомо обреченное дело его посылают.

С китайской делегацией в Москве встречались практически все высшие руководители КПСС и Советского Союза. Как стало известно позднее, разговор был жесткий. Гости требовали от руководства КПСС невозможного: дезавуировать решения XXII съезда КПСС и отказаться от принятой на нем Программы, то есть полной идейно-политической капитуляции. Китайские газеты потом жаловались, что в ходе бесед в Москве китайской делегации было прямо сказано, что никаких отступлений от внешнеполитической линии, проводившейся при Н.С. Хрущеве, не будет. Другими словами, проявляя готовность далеко пойти навстречу китайской стороне, руководство КПСС, тем не менее, по-прежнему будет выступать за мир и мирное сосуществование, разрядку напряженности, исходить из возможности предотвращения новой мировой войны.

Пребывание китайской делегации в Москве неожиданно закончилось скандалом, который, надо признать, отнюдь не делал чести советской стороне. Его в следующих словах описал А.М. Александров-Агентов, помощник Л.И. Брежнева по внешнеполитическим вопросам:

«...Дальнейшие попытки найти общий язык рухнули после нелепого случая или же под влиянием военной верхушки, разозленной на китайцев. Так или иначе, но во время праздничного банкета в Кремле к китайскому премьеру подошел крепко подвыпивший министр обороны маршал Малиновский и во всеуслышание заявил: «Ну вот, мы свое дело сделали – выбросили... Хрущева. Теперь и вы вышвырните... Мао, и тогда дела у нас пойдут».

Чжоу Эньлай выразил возмущение. Вскоре китайская делегация улетела в Пекин.

В знак благодарности за проявленную преданность Мао Цзэдун лично прибыл встречать Чжоу Эньлая на аэродром. К этому времени там уже находились и мы – группа дипломатов советского посольства и несколько членов семей с цветами для членов делегации. Мы, разумеется, еще понятия не имели о случившемся в Москве и были весьма удивлены появлением Председателя ЦК КПК.

Жена одного из советников посольства преподнесла букет цветов подьехавшему Мао Цзэдуну. Он взял букет, осмотрел его, затем бросил взгляд на того, кто ему подарил, и вдруг сказал по-английски: «Thank you».

Отойдя еще шага на два-три, повернулся назад и добавил: «Very much», после чего пошел к подрулившему самолету. Вот так, знаете, на каком языке мы теперь разговариваем!

На этот раз Мао Цзэдун действительно выглядел больным человеком, казалось даже, что он находится в прострации. Конечно, мы знали о его распорядке дня: днем он отдыхал, ночью – бодрствовал. На аэродром он прибыл в часы, когда обычно спал. Но все же, глядя на него, трудно было представить, что Мао Цзэдун не только проживет после этого еще 12 лет, но и проведет беспрецедентную по масштабам и политической остроте кампанию под названием «культурная революция», взбудоражившую самую многолюдную в мире страну.

ВСТРЕЧА А.Н. КОСЫГИНА С МАО ЦЗЭДУНОМ

Несмотря на неудачу ноябрьских переговоров в Москве, наше руководство не отказалось от попыток использовать устранение от власти Н.С. Хрущева для нормализации советско-китайских отношений. В конце декабря Советское правительство поддержало предложение о созыве всемирного совещания «для обсуждения вопроса о полном запрещении и полном уничтожении ядерного оружия», с которым выступило правительство КНР на следующий день после взрыва первой китайской атомной бомбы. Заявление

правительства КНР на этот счет во многом носило пропагандистский характер и вызывало в различных столицах много скепсиса и вопросов. Поддержка Москвы прибавляла весу китайской акции и продемонстрировала готовность СССР иметь дело с Китаем как равноправным членом атомного клуба. После того, что произошло на ноябрьских переговорах, наиболее логичным шагом была бы встреча кого-либо из советского руководства с Мао Цзэдуном. Хорошим поводом для этого послужила поездка во Вьетнам Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, который сделал специальную остановку в Пекине. Поскольку в памяти еще было свежо воспоминание о ноябрьском инциденте, хозяин Чжуннаньхуа не отказал себе в удовольствии для начала напомнить гостю, что он прибыл в Каноссу, заставив его чуть ли не час дожидаться намеченной встречи у порога своего дома. Едва беседа окончилась, ее основное содержание было передано по японскому радио: китайцы, близкие к Мао люди, беспокоились, как бы их кто не заподозрил в договоренности об улучшении отношений с СССР.

Как рассказывали участвовавшие во встрече товарищи (я на ней не присутствовал), переговоры шли трудно. Центральной темой стало оказание помощи Вьетнаму в отражении американской агрессии. Китайцы были не против продолжения переброски наших военных поставок Вьетнаму по китайским железным дорогам: заменить Советский Союз они тут были не в состоянии, да и американцам полезно было помнить хотя и об ограниченном, но реальном военном сотрудничестве Китая с СССР. На качественное же расширение такого сотрудничества китайские лидеры не соглашались. Их логика, как мне представляется, была такова: Вьетнам, как и весь Индокитай, находится в зоне интересов КНР и, стало быть, Пекин должен сохранять за собой решающее слово. Если же помощь СССР станет определяющей, то он и будет контролировать ситуацию, что для них, китайцев, неприемлемо.

Не принесло положительных результатов и обсуждение других вопросов. Встреча с Мао оказалась полезной в том смысле, что она продемонстрировала последовательность курса СССР на нормализацию отношений с Китаем. Важно было и то, что беседа дала возможность одному из ведущих членов нового советского руководства лично убедиться в том, насколько тяжелой была в тот момент ситуация в советско-китайских отношениях и как много усилий потребуется для их нормализации.

Возвратившись в Москву, 26 февраля Председатель Совмина СССР выступил по Центральному телевидению. Касаясь отношений с Китаем, он, в частности, заявил:

«Мы отдаем себе отчет в том, что есть и такие различия во мнениях, которые связаны с определенными особенностями исторического развития стран, спецификой развития на различных этапах. Нельзя не учитывать этих различий, вытекающих из конкретно-исторической обстановки в каждой стране, национальных особенностей, национальной самобытности».

В конкретных условиях того времени эти слова прозвучали как призыв к китайскому руководству, несмотря на разногласия, не преодоленные в ходе встреч в Пекине, искать пути урегулирования отношений.

Однако заявление А.Н. Косыгина имело и более широкий смысл. В нем, по существу, формулировался один из основополагающих принципов, которыми СССР и Китай, по мнению главы Советского правительства, должны были бы руководствоваться с самого начала: каждый вправе иметь свое мнение, и ни Москве, ни Пекину не следует рассматривать это как проявление недружелюбия, а тем более враждебности к себе.

У таких гигантов, как Россия и Китай, не может быть абсолютно идентичной политики. Однако при любых расхождениях в их собственных интересах следует оставаться добрыми соседями и партнерами, идущими параллельными курсами и пользующимися преимуществами полномасштабного взаимного сотрудничества. И уж совсем бессмысленно и просто непозволительно для них из-за различий во взглядах на те или иные идеологические либо политические проблемы отказываться от добрососедства и сотрудничества, что, как показал опыт последних десятилетий, способно нанести огромный ущерб обеим странам.

Необходимость нормализации советско-китайских отношений подчеркивал С.В. Червоненко во время своего прощального визита к Председателю КНР Лю Шаоци. (Посол получил новое назначение и весной 1965 г. покинул Пекин.) Я вместе с Г.А. Ганшиным сопровождал посла и обратил внимание на то, что Лю не стал переводить разговор в полемическую плоскость. Наоборот, он в общих словах высказался за улучшение отношений между КНР и СССР и, как уже делал раньше, когда хотел продемонстрировать свое расположение к нашей стране, принялся вспоминать о том, что, когда комсомольцем он в 1920 году добирался до Москвы, русские люди, несмотря на голод, в дороге делились хлебом с ним, китайским парнем, и его спутниками. Слушая это, я невольно вспомнил выступление Лю Шаоци на митинге в 1960 году в Лужниках, когда он особо подчеркивал: «Наше сплочение – это наша сила».

Впрочем, спокойный ход беседы был прерван, когда посол заговорил о совместном оказании помощи Вьетнаму. В разговор включился Дэн Сяопин, который стал эмоционально излагать китайскую точку зрения на эту проблему (ниже я привожу не слова Дэна, а мое понимание изложенной им позиции, как она осталась у меня в памяти): пожар войны полыхает у границ Китая, в зоне его ответственности, поэтому Китай и

должен контролировать здесь ситуацию. Чересчур активное подключение СССР может лишь подлить масла в огонь. Если СССР желает помочь Вьетнаму, то лучший путь к этому – оказание нажима на империалистические силы на западном направлении, что ослабило бы их давление на Вьетнам.

Нелишне будет заметить, что за беседой, так сказать, наблюдало «око государево» – Кан Шэн, который все время курил, сам в разговор не вступал, но внимательно слушал, что и как говорили советский посол, а также Лю Шаоци и Дэн Сяопин.

Позиция Пекина по вопросу о единых действиях СССР и КНР представляла в то время для нас особый интерес, ибо новое советское руководство считало совместную помощь Вьетнаму наиболее эффективным рычагом для нормализации советско-китайских отношений. При этом, однако, Москва, на мой взгляд, так до конца и не сумела понять точку зрения китайских руководителей, подчас принимая за чистую монету антиимпериалистические лозунги Мао Цзэдуна.

Конечно, были все основания говорить, что агрессия должна пресекаться там, где она совершается, и что искусственное создание очагов напряженности на западном направлении – это авантюризм, идущий вразрез с задачами укрепления мира и противодействия агрессивной политике. Но ведь надо было учитывать и возможные опасения китайских руководителей (несмотря на всю их антиимпериалистическую риторику), полагавших, и не без оснований, что на резкую активизацию китайско-советского сотрудничества в оказании помощи Вьетнаму американцы могут отреагировать неприемлемой, с точки зрения Пекина, эскалацией военных действий, подвергнув, например, бомбовым ударам объекты на территории Южного Китая. Давление Запада, стремившегося предотвратить возрождение советско-китайского союза, – это была не фраза, а реальность, с которой, хочешь не хочешь, но нельзя было не считаться. Видимо, здесь от нас требовалась тогда более тонкая политика, учитывающая и эти реальные обстоятельства, и основанные на них, пусть и преувеличенные, опасения китайцев.

НАЗНАЧЕНИЕ В ПЕКИН НОВОГО СОВЕТСКОГО ПОСЛА

В ряду мер, принятых советской стороной в поисках путей улучшения отношений с Китаем после октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 года, немаловажное место занимало назначение на пост посла в Китае опытного советского дипломата, заместителя министра иностранных дел С.Г. Лапина, который, как и его предшественник, пользовался доверием высшего советского руководства и в то же время не был связан с прежней политикой в отношении Китая. Он сам в следующих словах рассказал мне о том, как происходило его назначение.

Однажды он был приглашен на Политбюро для обсуждения вопросов, внесенных МИД СССР. Когда обсуждение закончилось, Л.И. Брежнев сказал, что требуется решить еще один внешнеполитический вопрос: о после в Китае. Далее Первый секретарь стал говорить о качествах, которые нужны послу в КНР в тех условиях, чтобы остановить дальнейшее ухудшение и сделать поворот в сторону улучшения советско-китайских отношений. С.Г. Лапин слушал и в душе со всем полностью соглашался: «Такой посол и нужен сейчас в Китае!» Однако, неожиданно для него, Л.И. Брежнев закончил свое выступление словами: «Мы думаем, что вышеназванными качествами обладает товарищ Лапин». Возражений не последовало, и решение было принято.

Работать с С.Г. Лапиным было интересно. Он стремился как можно глубже познать Китай, особенно те его черты и стороны, которые могли бы помочь поискам улучшения наших взаимоотношений с ним, умело использовал дипломатический инструментарий для решения поставленных задач. Особо следует отметить два качества нового посла. Во-первых, это был исключительно дисциплинированный человек, он неизменно стремился сделать все, что было в его силах, чтобы в точности выполнить поручение нового руководства и найти подходы к улучшению советско-китайских отношений. Во-вторых, в отличие от многих других советских профессиональных дипломатов, он широко смотрел на мир и глубже понимал значение Китая для нашей страны, его нынешнюю и будущую роль в мировой политике, считая, что единственным разумным вариантом для наших двух стран может быть установление добрососедских отношений.

Вскоре после прибытия в Пекин С.Г. Лапин был приглашен МИД КНР вместе с главами посольств других стран совершить поездку по Китаю. Такие поездки были введены китайцами в практику еще в 50-е годы. Обычно участвовать в них приглашались послы и поверенные в делах с супругами (если супруга не могла поехать, то предоставлялась возможность принять участие в поездке кому-либо из дипломатических сотрудников). Иногда устраивались поездки и для вторых лиц в посольствах, а то и просто для определенного числа представителей от каждой миссии.

Все расходы брала на себя китайская сторона. Как правило, такие экскурсии были блестяще организованы. Все было тщательно продумано и предусмотрено. Выделялся либо железнодорожный состав, либо несколько

самолетов. Маршруты составлялись таким образом, чтобы у участников поездки оставалось желательное для китайских руководителей впечатление о положении в стране, внутренней политике КПК, тех или иных сторонах китайского опыта. Часто включались такие районы, попасть в которые обычно дипломатам было трудно или вообще невозможно (благодаря дипломатическим поездкам мне удалось посмотреть, например, такие «экзотические» места, как «Каменный лес» около Куньмина, район Сишуан Баньна – на стыке границ Китая, Лаоса и Мьян-мы и др., о которых раньше приходилось только читать в книжках). Для посещения специально подбирались промышленные и сельскохозяйственные предприятия, учреждения культуры, исторические достопримечательности.

В каждой провинции местные руководители устраивали банкеты. На них они зачастую выступали с тостами-лекциями, в которых описывали свои достижения. Дипломатам раздавались письменные памятки о тех местах, которые они посещали. Работники МИД проводили с ними индивидуальные беседы.

Поскольку С.Г. Лапин был новичком в Китае, он решил взять с собой кого-либо из относительных старожилов. После обсуждения этого вопроса с советниками посольства он выбрал меня. Прежде чем отправиться в поездку, я зашел к советнику по экономическим вопросам П.Н. Лысову и взял у него справку о построенных с помощью СССР производственных мощностях предприятий по предполагаемому пути нашего следования. Это пригодилось. Когда мы посещали такие предприятия и их руководители в своих выступлениях рассказывали, что они подняли производство на этом предприятии, «построенном иностранцами», до такого-то уровня, я показывал послу содержащиеся в справке данные. Из них нетрудно было увидеть, что на самом деле зачастую не был даже восстановлен первоначальный уровень производства, который упал в период «большого скачка» из-за порчи оборудования. Картину дополняли советские станки со сбитыми табличками, указывавшими их марку и технические характеристики. Станочный парк и другое оборудование явно нуждались в обновлении.

Поездки были полезными, поскольку они все-таки позволяли знакомиться с реальным положением дел в Китае, несмотря ни на какие пропагандистские ухищрения хозяев.

Несколько раз – вплоть до того времени, как КПК разорвала отношения с КПСС, – мне пришлось сопровождать нового посла при посещении Управления ЦК КПК по международным связям. Во время одного из таких визитов начальник управления долго излагал известные идеологические позиции китайской партии. Я сидел рядом с послом и все тщательно записывал. Вдруг я заметил, что и С.Г. Лапин что-то усердно пишет. Меня это удивило и заинтересовало. Что делает он? Составляет параллельную запись беседы? Зачем? Готовит ответное выступление? Но он отрицательно относился к участию в идеологических баталиях, считая, что в сложившейся обстановке главная обязанность посла – искать точки соприкосновения по линии межгосударственных отношений, а не заниматься спорами, которые ведутся правящими партиями и заводят в никуда. Я не удержался и заглянул в его блокнот. Посол в деталях описывал (себе на память) зал, в котором мы находились, китайские картины, его украшавшие, прочие предметы обстановки. Стало ясно, что он и не думает начинать препирательства, к чему его явно подталкивал собеседник.

Дослушав, С.Г. Лапин обратил внимание собеседника на недопустимость использования оскорбительных выражений типа «советские ревизионисты» в беседах с официальными представителями СССР. Такая практика, сказал он, может лишь стимулировать ссоры. До каких пор китайские должностные лица будут к ней прибегать? Ничтоже сумняшеся, китаец ответил на этот, по существу риторический, вопрос: до тех пор, пока советские руководители не признаются в своем ревизионизме и не откажутся от него. Посол выразил протест, и мы покинули помещение ЦК КПК.

По пути в посольство Сергей Георгиевич не переставал возмущаться недостойным поведением китайского собеседника. Для разрядки я ему рассказал, как в первые годы после образования КНР пожилая китаянка (судя по всему, провинциалка) подошла на улице к нашему дипломату и, пожелав о чем-то спросить его, избрала такую форму обращения: «Господин заморский черт! Не скажете ли мне...» Причем она вовсе не хотела его обидеть, просто употребила выражение, используемое в просторечии для обозначения иностранцев (а что тут обидного? Иностранец, в ее представлении, и сам должен был знать, что он – заморский черт). Посол рассмеялся и уже куда спокойнее заметил: жаль только, что высокопоставленное должностное лицо ЦК КПК в разговоре с иностранным послом опускается ниже уровня провинциальной старушки.

Для меня особенно поучительным было работать с С.Г. Лапиным по составлению оперативных информационных документов для Москвы. Зная, что большая их часть попадет на самый верх, он требовал максимальной отработки текста, ясности мысли, простоты и точности изложения, не допускающего различного толкования, а также отказа от злоупотребления иностранными словами, изничтожения слов-паразитов и т.д. Часто прибегал он к многократной переработке документа: скажем, поручит подготовить проект, потом сам переписывает его заново и просит вновь переписать, причем так, как я считаю нужным, но и

с учетом его поправок. Или, наоборот, сначала напишет проект сам, потом просит его переписать и сделать таким, каким видится он мне. Проект документа по сложным вопросам совершал подобного рода челночную операцию до пяти-шести раз. Сначала я этому удивлялся, но потом оценил и остался ему весьма благодарен за науку, которая мне впоследствии очень пригодилась.

К сожалению, каждый день приносил все новые доказательства того, что наши инициативы по улучшению советско-китайских отношений не только отклонялись, но и вызывали у части китайского руководства явное раздражение, поскольку они раскрывали в глазах и китайской, и мировой общественности, кто стоит за примирение, а кто – за дальнейшее обострение отношений между КНР и СССР. Надежды на улучшение ситуации в ближайшем будущем не оставалось. В конце весны 1966 года С.Г. Лапин уехал в Москву. Формально он некоторое время еще оставался послом, и только в 1967 году было объявлено о его назначении Генеральным директором ТАСС. Посольство в качестве временного поверенного в делах СССР возглавил Ю.И. Раздухов.

НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

Возвращаясь мысленно к этому периоду в истории советско-китайских отношений, невольно вновь и вновь задаешься вопросом: почему же октябрьский пленум ЦК КПСС не принес хотя бы частичной их нормализации? Конечно, не все инициативы советской стороны, мягко говоря, были удачны. Тут достаточно напомнить о вышеописанном «дипломатическом демарше» пьяного министра обороны, указать на неточное понимание в Москве хода мыслей китайских лидеров. Не учитывалась в должной мере исключительная сложность положения внутри их страны. Сказались и свойственные многим советским деятелям того периода переоценка собственных возможностей, пренебрежение знаниями и опытом дипломатического аппарата.

Находясь в Пекине и ожидая встречи с Мао Цзэдуном, А.Н. Косыгин не пожелал встретиться с сотрудниками посольства или хотя бы побеседовать, кроме посла, со старшими дипломатическими работниками. Если бы такая встреча состоялась, то она наверняка могла бы оказаться полезной и для дипломатов, и для главы Советского правительства. Когда Косыгин покидал посольство, мы собрались в вестибюле, чтобы проводить его. Но Председатель Совета Министров не счел нужным сказать нам хотя бы несколько слов. Он молча смотрел на нас недобрый взглядом, будто мы были повинны в конфликте с Китаем или создавали трудности его миссии. Нас это удивило, ибо А.Н. Косыгин уже в то время слыл одним из наиболее умных и достойных людей в составе советского руководства. Ну что же, психологически его можно было понять: не сбылись большие надежды, которые он лелеял.

Видимо, и у китайцев не было правильного представления о том, что происходит на другом (советском) берегу. Мао Цзэдун явно не мог осознать, что XX съезд КПСС отражал объективную потребность развития общества, а не прихоть Хрущева и его сторонников. Поэтому поначалу он, судя по некоторым признакам, всерьез уповал на восстановление тоталитаризма в СССР, приход к власти марионеточных деятелей вчерашнего дня – неосталинистов, которые повели бы дело к капитуляции КПСС и расчистили бы ему путь для восхождения к руководству в социалистическом содружестве и мировом коммунистическом движении (такой вариант автоматически нейтрализовал бы и его внутренних оппонентов).

Вопреки этим ожиданиям, новое руководство КПСС, за сравнительно небольшим исключением (А.Н. Шелепин, С.П. Трапезников и др.), стояло на позиции сохранения внешнеполитической линии XX–XXII съездов партии, в рамках которой оно намеревалось восстановить братские отношения с КНР. О том, что в середине 60-х годов, после всего произошедшего между нашими странами, нужны были новые подходы к строительству советско-китайских отношений, в достаточной мере никто, видимо, не задумывался ни в Пекине, ни в Москве.

Позднее я неоднократно возвращался в мыслях к этому периоду теперь уже нашей с Китаем истории, задавая себе вопрос: что могла и могла ли тогда вообще что-либо сделать советская сторона, чтобы использовать результаты октябрьского пленума для нормализации взаимоотношений с Китаем? Разумеется, при этом я исключал, как исключаю и сейчас, вариант капитуляции той или иной стороны. В конце концов все упиралось в ультимативные требования Мао Цзэдуна и его сторонников, чтобы КПСС отказалась от решений XX съезда. Но для нас, да, может быть, и всего человечества, возвращение к тому, от чего СССР ушел после смерти И.В. Сталина, могло бы иметь тяжелые последствия. Не исключено, что пройдет еще какое-то время и китайские историки скажут: как хорошо, что наш северный сосед не поддавался давлению в начале второй половины XX века, ибо нам, китайцам, со всех точек зрения лучше строить дружественные,

добрососедские отношения с демократической Россией, чем враждовать с российским рейхом, в который могла бы переродиться Советская страна.

Было бы, однако, неправильно сводить все дело к политике, а тем более к политиканству. Ни китайские «25 пунктов», ни октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 года, ни даже такое эпохальное событие, как XX съезд КПСС, не вносили принципиальных изменений в ту систему координат, в которой возник конфликт. Серьезное воздействие на поведение Н.С. Хрущева и Мао Цзэдуна оказывали трудности в решении экономических и социальных проблем в СССР и Китае. Во второй половине 50-х годов (а что касается Хрущева, то и в 1961 г.) оба лидера надавали своим народам много несбыточных обещаний. Хрущев грозил по важнейшим производственным показателям в кратчайший исторический срок догнать и перегнать Соединенные Штаты. На XXII съезде он пообещал даже, что через десять лет в нашей стране исчезнет малообеспеченность, а к 1980 году жизненный уровень советских людей будет выше, чем в любой капиталистической стране. Мао Цзэдун, в свою очередь, обещал перегнать Англию и раздавал китайцам другие несбыточные обещания.

Экономическое чудо, однако, было дано совершить не двум нашим самым большим державам мира, вышедшим победителями из войн, а побежденным государствам – Германии и Японии. Все больше признаков свидетельствовало о том, что в рамках избранной социально-экономической и политической модели общества ни СССР, ни Китаю не удастся решить сформулированную В.И. Лениным задачу обеспечения превосходства социалистической экономики по уровню производительности труда как непременное условие победы нового строя.

В силу необычной многочисленности населения и экономической отсталости страны проблема роста производительности труда была исключительно трудной для КНР, особенно для китайской деревни. Не приводя известные статистические данные на этот счет, сошлюсь на пример коммуны «Гуаньфу», расположенной в зоне каналов в Восточном Китае, где мне случилось побывать в середине 60-х годов, незадолго до начала «культурной революции». Очевидно, что это было не худшее хозяйственное объединение, если его решили показать иностранным дипломатам.

Пожалуй, наиболее примечательной и характерной чертой этой коммуны был транспорт. В ней, насчитывавшей 40 тыс. человек, имелся всего лишь один грузовик. Практически все перевозки осуществлялись на тяжелых лодках, искусно сделанных самими же коммунарами из... цемента (дерево там в большой цене!).

В разговоре с секретарем местной организации КПК я поинтересовался, почему у такой большой коммуны только один грузовик, насколько целесообразно использовать тяжелые лодки, требующие большой мускульной энергии, и есть ли у коммуны другие средства транспорта. Ответ был таков: грузовик стоит дорого и требует дорогих запчастей и горюче-смазочных материалов. В коммуне есть несколько повозок, но для перевозки грузов их стараются использовать меньше, предпочитают пользоваться лодками. Дело в том, что для лодочников другой работы нет, а кормить их все равно надо. Если же увеличить число повозок, то надо дополнительно приобретать скот и тратить на него корм, продолжая кормить и лодочников. Расходы возрастут, а прибыль не увеличится.

Получался своего рода замкнутый круг: решение социальных проблем было невозможно без развития производства, а внедрение необходимой для этого хотя бы простейшей современной техники сразу же обостряло социальные проблемы. У государства, обремененного огромными военными, управленческими и прочими расходами, в том числе на оказание помощи странам «третьего мира», не было средств на существенную модернизацию сельского хозяйства. В значительной мере это относилось и к промышленности.

В связи с этим настойчиво пропагандировался лозунг Мао Цзэдуна «опоры на собственные силы», который в зависимости от ситуации трактовался то как метод развития промышленных и сельскохозяйственных предприятий, то как принцип независимости Китая от внешнего мира в решении им своих внутренних проблем. Кстати, как-то мы обсуждали этот лозунг с С.Г. Лапиным. Он весьма резко отозвался об авторах наших полемических материалов, пытавшихся раскритиковать названный лозунг. «А как может быть иначе? – говорил он. – Каждая страна, а тем более такая огромная, как Китай, должна опираться в своем развитии прежде всего на собственные силы, а иностранную помощь использовать лишь как вспомогательное средство. Если же говорить об этом лозунге применительно к китайским предприятиям, то их действительно надо ориентировать на рентабельную работу. Зачем поощрять иждивенческие настроения? Лозунг нисколько не противоречит, а, наоборот, отвечает интересам нашей политики».

С этим трудно было не согласиться.

С 1963 года в Китае стал усиленно пропагандироваться опыт сельскохозяйственного предприятия «Дачжай» и нефтяных промыслов «Дацин» как образцов предприятий, осуществляющих лозунг «опоры на

собственные силы». Мао Цзэдун призвал учиться у них все сельскохозяйственные и промышленные предприятия страны.

В 1967 году в «Дачжай» была организована поездка дипкорпуса, но я в нее не попал (ездил Ю.И. Раздухов, а я оставался его замещать в Пекине). Мне удалось посетить «Дачжай» только в середине 70-х годов (со мной ездили СМ. Иовчук, ученый-специалист по экономике Китая, и П.Б. Жигулев). «Дачжай» произвел на нас впечатление эклектической смеси провозглашаемых лозунгов и прагматических решений.

Начать с того, что широко рекламируемый принцип «опоры на собственные силы» действовал там весьма своеобразно: помощь со стороны государства невозможно было скрыть, да ее и не очень-то скрывали. К хозяйству была проведена шоссейная дорога, протянута линия электропередачи (во сколько они обошлись – никто не вспомнил). В «Дачжае» работали арендованные у государства бульдозеры, причем, как мне сказал бригадир бульдозеристов, их исправно в централизованном порядке снабжали горючим, маслами и запчастями. Имелась и другая техника, в том числе канатная дорога на электрической тяге для доставки грузов по горам.

Поскольку тут было много свободных участков горной местности, которые можно было использовать под террасовые поля, безработицы там не знали. Доходы крестьян были несколько выше, чем в других хозяйствах. Жили они в вырытых в горах пещерах, побеленных изнутри, довольно светлых и теплых. Подспудно действовал официально не одобряемый принцип материальной заинтересованности. В местном магазине я с удивлением обнаружил большое число транзисторных приемников и поинтересовался, почему их не было видно ни в одной пещере, где жили крестьяне. Мне объяснили, что крестьяне покупают их как ценности, которые хранят в сундуках. Слушают же они централизованные радиопередачи по громкоговорителям, установленным по всему селу.

В «Дачжае» поведение людей жестко контролировалось. Когда вечером мы решили прогуляться по поселку, из-за первого же угла выскочил дружинник с винтовкой: «Стой, кто идет?» (правда, увидев рядом с нами начальника местного отдела госбезопасности, он тут же ретировался). Каждый жилой комплекс пещер распланирован таким образом, что дежурный, сидя у ворот, мог не только контролировать приходящих и уходящих, но и видеть, кто из соседей к кому заходит в гости. Почувствовав, что все это произвело на нас очень благоприятное впечатление, наши сопровождающие стали рассказывать, что ранее здесь была распространена преступность, а сейчас она сведена на нет. «Девушка, оказавшаяся ночью в горах, может быть уверена, что с ней ничего не случится», – раза два или три повторил мне один из наших китайских попутчиков.

Такой же «маяк» был и в промышленности – нефтяные промыслы «Дацин». Но мне, к сожалению, не довелось там побывать. По рассказам тех, кто туда ездил, люди там работают так же много и упорно, как в «Дачжае», но по всему было видно, что и государство сделало там крупные капиталовложения.

Если мысленно окинуть взором период с середины 50-х годов до начала «культурной революции», то нетрудно увидеть, что в Китае, как и в СССР, велись активные поиски более быстрого, более эффективного пути развития народного хозяйства. Эти поиски приходили в столкновение с идеологическими догматами и сопровождались в те годы обострявшейся борьбой за власть. Программа, принятая на VIII съезде в 1956 году, была отвергнута. Противопоставленная ей политика «трех красных знамен» провалилась. За ней последовала полоса «урегулирования» (то есть вывода экономики из кризиса), главными авторами которой считались Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин и которая была поддержана Лю Шаоци и рядом других ведущих китайских деятелей.

По мере завершения «урегулирования» перед Китаем вновь вставал вопрос: куда идти дальше? Сначала Мао откладывал решение этого вопроса. Он явно исходил из предпосылки, что главным виновником недавней катастрофы был не он как автор «трех красных знамен», а те, кто плохо понимал и плохо претворял его идеи в жизнь. Задачей задач для него было изгнание «консерваторов» из руководства, перетряхивание партии и формирование нового руководящего ядра из числа более молодых и энергичных, а главное – беззаветно преданных и беспрекословно подчиняющихся ему «подлинных революционеров», которые поведут страну по указанному им пути и на практике докажут правоту его идей. Откладывать дальше проведение этой операции тоже было нельзя, необходимо было предупредить китайский вариант октябрьского пленума.

НАЧАЛО «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Со второй половины 1965 года стали наблюдаться признаки обострения подкованной борьбы в китайском руководстве. К их числу относится появление на улицах китайской столицы колонн демонстрантов, которые носили – бок о бок (кто бы еще недавно мог подумать!) – два одинаковых по размеру портрета Мао Цзэдуна и Лю Шаоци. Более того, появились сведения о том, что на митингах в провинциях кое-где стали

провозглашать здравицы в честь «двух Председателей – Мао и Лю».

Формально все было правильно: один – Председатель ЦК КПК, второй – Председатель КНР. Но прежде никто не посмел бы поставить кого-либо на одну доску с Мао Цзэдуном. Нельзя, конечно, полностью исключать, что вся эта игра с портретами и здравицами была затеяна Кан Шэ-ном в провокационных целях. Но тогда возникает вопрос: почему Лю Шаоци не пресек ее? Сотрудники группы, занимавшейся в посольстве изучением внутреннего положения КНР, отмечали факты, когда исполнение некоторых «важных указаний» Председателя Мао сознательно затягивалось под разными предложениями.

Зимой 1965/66 года в дипкорпусе прошел слух, что в китайских верхах идет обсуждение пьесы «Отставка Хай Жюя», в которой вельможный сановник Хай Жуй остро критикует императора за пренебрежение интересами народа и в результате оказывается в отставке, причем автор явно проводит параллель с изгнанием из руководства Пэн Дэжуя.

К слову: представители китайской творческой интеллигенции тогда еще продолжали появляться на приемах в нашем посольстве, по-прежнему были доброжелательны по отношению к советским дипломатам, хотя стали вести себя более скованно и осторожно. Помню, например, свой краткий разговор с крупным китайским писателем, большим патриотом Китая и другом нашей страны, много у нас переводившимся Лао Шэ, который пришел к нам на прием по случаю 48-й годовщины Октябрьской революции. Мы с ним были немного знакомы еще с моей первой командировки в Китай в 50-е годы. Я подошел к нему поздороваться и спросил, над чем он сейчас работает. Вопрос, можно сказать, в данных обстоятельствах почти «протокольный», традиционный. Одни литераторы на него отвечают с удовольствием, другие – отделеваются общими фразами. Но на этот раз ответ оказался неожиданным и необычным: «А у меня высокое кровяное давление». Я подумал, что, может быть, писатель меня не понял, и повторил свой вопрос. Но в ответ услышал то же самое. Только на этот раз Лао Шэ загадочно и грустно улыбнулся. Это было его последнее посещение нашего посольства. На следующий год его не стало: он оказался одной из первых жертв «культурной революции».

Весной 1966 года я как-то случайно разговорился с преподавателем пекинской средней школы, который уже немало лет потрудился на ниве народного образования. Разговор мне показался странным, и я его запомнил.

– В наших школах, – говорил он, – творится что-то невообразимое. Впечатление такое, что кто-то задался целью полностью разрушить систему среднего образования, похоронить школьную дисциплину и лишить учителей малейшей возможности влиять на учеников. Например, вдруг в середине учебного дня учителя снимают с урока и велят ему ехать в другую школу вести урок там, где он не был, не знает ни учеников, ни их родителей, ни других преподавателей. Оказавшись таким образом один на один с незнакомыми юнцами, преподаватель зачастую просто не может справиться с классом, не то что вести урок.

Тогда все это было для меня в новинку, казалось каким-то абсурдом. Признаюсь, в душе я испытывал сомнения в достоверности того, что рассказывал собеседник, хотя виду, конечно, не подал.

– Мало того, – продолжал школьный учитель, – ученикам стали разрешать приносить в школу ножи, оскорблять преподавателей. А если учитель попытается успокоить разбушевавшихся юнцов, его сразу же объявляют «консерватором», с чем преподаватель обычно предпочитает быстрее согласиться, чтобы из него не стали выбивать «признания в контрреволюционной деятельности».

– Кому и зачем это нужно? Кого и для чего мы готовим? Строителей нового Китая или хулиганов? – растерянно спрашивал меня учитель, хотя, конечно, знал, что ответа на свои вопросы от меня не услышит. Ему, видимо, просто надо было выговориться, облегчить душу.

После того как на улицы китайской столицы вышла и стала там бесчинствовать молодежь в зеленых гимнастерках и куртках, которую Мао окрестил «хунвэйбинами» («красногвардейцами»), стало ясно, что школьный учитель не фантазировал: из старшеклассников целенаправленно готовились будущие боевики, которых можно посылать на любое грязное дело.

Вскоре и я – дело было неподалеку от нашего посольства – стал очевидцем дикой сцены: несколько школьников запрягли учителя в тачку, нагрузили ее камнями и, подстегивая хлыстами, заставляли свою жертву бегать.

Никто – ни прохожие китайцы, с ужасом наблюдавшие подобные забавы «красногвардейцев», ни тем более иностранцы, вообще не имевшие права вмешиваться во внутренние дела страны пребывания, – ничего поделать не мог. Для всех было ясно, что за всем этим стоят власть предрержащие.

Словно в насмешку над названием кампании – «культурная (!) революция» – один из главных ударов наносился по интеллигенции, в том числе по людям авторитетным, хорошо известным, высококвалифицированным специалистам. Наша семья пользовалась, например, услугами зубного врача-протезиста, корейца по национальности. Он получил образование в США, долгое время имел частную практику и считался одним из лучших стоматологов в китайской столице (во всяком случае, когда,

вернувшись в Москву, моя жена приходила в зубную поликлинику, нередко около кресла, в котором она сидела, собирались врачи, чтобы полюбоваться виртуозностью работы своего пекинского коллеги). Приехав в Пекин в начале 70-х годов, она вновь направилась было на протезирование к этому врачу. Но его не оказалось. Вскоре она услышала вот такую печальную историю.

Однажды в медицинском институте, рядом с которым жил и работал протезист, «революционные массы» набросились на своего профессора, обвиняя его в каких-то «контрреволюционных преступлениях». Спасаясь, профессор решил укрыться у протезиста, который был его другом. Однако преследователи нашли его и там, принявшись заодно мучить и избивать хозяина дома. Бедный кореец не вытерпел и принял яд... Впрочем, гонения и расправы над интеллигенцией при всей их значимости не были основным содержанием «культурной революции». Подлинным ее объектом были те, кого Мао Цзэдун считал своими главными противниками, придумав для них ярлык «облеченные властью и идущие по капиталистическому пути» (сокращенно: «каппутисты», по-китайски: «цзоуцзыпай»). Чтобы ни у кого не было сомнения, в кого следует пускать стрелы, на XI пленуме ЦК КПК (август 1966 г.), принявшем решение о развертывании «культурной революции», Мао Цзэдун вывесил свою ставшую знаменитой «дацзыбао» – газету больших иероглифов – «Огонь по штабам!». «Штабами» оказались парткомы всех уровней.

На деле речь шла о костяке кадрового состава партии и государства, прежде всего – о пользовавшихся огромным влиянием в партии и стране ветеранах китайской революции. Хотя Мао Цзэдуну в предшествующие годы и удалось, играя на националистических струнах, в какой-то мере опутать и их паутиной вражды к Советскому Союзу и частично даже «приручить», они, тем не менее, оставались силой, справиться с которой было нелегко. Поэтому китайский лидер прибег к старому, как мир, приему: разьединять противников и устранять их поодиночке или небольшими группами.

Главный удар Мао Цзэдун сосредоточил на наиболее мощном и опасном противнике – Лю Шаоци. Он был объявлен «самым крупным лицом, обладающим властью в партии и идущим по капиталистическому пути». Слухи об этом, появившиеся после XI пленума ЦК КПК, вскоре подтвердил и большой плакат, наклеенный на трибунах площади Тяньаньмэнь, в котором содержалось торжественное обещание «разбить собачью голову» главе китайского государства. Затем в посольство стали просачиваться «подробности»: Лю – под домашним арестом, подвергается моральным и физическим истязаниям, пишет письма Мао Цзэдуну, занимается «самокритикой». Позднее стало известно, что, подвергшись истязаниям, будучи тяжело больным и не получая медицинской помощи, он умер в тюрьме города Кайфэн. Его жена Ван Гуанмэй, дети, другие родственники также были репрессированы.

Черный список рос как снежный ком. В него, в частности, попали генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяопин, министр иностранных дел, курировавший все правительственные учреждения, которые занимались связями с внешним миром, бывший маршал Чэнь И, первый секретарь столичного горкома партии Пэн Чжэнь и многие другие ведущие китайские деятели. А дальше шли жертвы в министерствах, провинциях и т.д.

По существу это был государственный и партийный переворот, открыто поправший и Конституцию КНР, и Устав КПК.

Не нам, россиянам, пережившим всякое за полвека, предшествовавшего «культурной революции», было удивляться происходившему. И все же не укладывалось в голове, как могло случиться, что дряхлеющий политический деятель, отягощенный грузом тяжелых ошибок, которые привели, в том числе, к голодной смерти множество людей, смог расправиться с огромным числом уважаемых и влиятельных в стране ветеранов революции, многие из которых входили в состав высшего руководства в Центре и на местах? Почему никто его не смог остановить? Почему еще на более ранней стадии почти никто не поддержал Пэн Дэхуая?

Конечно, Мао умело сыграл на глубоком патриотизме китайцев, на их непоколебимом убеждении в необходимости беречь единство государства и единство нации, не допускать возврата к раздробленности, несущей много бед народу. Отсюда – глубоко укоренившееся в китайском обществе отвращение к таким поведению и поступкам, которые могут хоть отдаленно таить в себе опасность раскола.

Но этим, однако, дело далеко не исчерпывается. Многое объяснялось неразвитостью демократических начал в китайской компартии, сложившимися (не без влияния массовых репрессий, в том числе яньаньского периода) представлениями о партийной дисциплине как беспрекословном и бездумном подчинении вождю, забвением собственных решений о коллективном руководстве. Сказывались – и не в последнюю очередь – широко укоренившиеся в общественном сознании китайцев такие каноны конфуцианской морали, как «сяо» (почитание родителей) и «чжун» (преданность), а также многовековые монархические традиции, зараженность китайского общества великоханьским национализмом. Безусловно, развертыванию «культурной революции» благоприятствовали напряженность в советско-китайских отношениях и

интенсивная обработка партии и страны в духе вражды к СССР, проведенная под флагом идеологической полемики с КПСС (примечательно, что, призывая выискивать в КПК врагов, Председатель ее ЦК страшал: «Люди, подобные Хрущеву, находятся бок о бок с нами»).

С другой стороны, надо, конечно, отдать должное политическому искусству самого Мао Цзэдуна, который тщательно просчитал и рассчитал пути развертывания кампании. Он хитроумно выбрал ее главный лозунг: нет, это не каншэновская чистка, против которой могли бы восстать члены ЦК, это всего лишь «культурная революция», необходимость которой признавал В.И. Ленин. То же можно сказать и о направленности кампании: ее объектом являлись не ветераны партии, которых он, Мао Цзэдун, дескать, любит, а «каппутисты», чиновники, угнетающие народ. Их конкретные имена вождь назовет позднее, а пока важно лишь дружно признать в принципе недопустимость контрреволюции.

Спохватившись, Лю Шаоци, Дэн Сяопин и их сторонники попытались с помощью направления на места «рабочих групп» взять движение под свой контроль, но было уже поздно: Мао создал организационную структуру в виде центральной и местных групп по делам «культурной революции». В Пекине ее возглавили доверенные люди – Чэнь, Бода, Цзян Цин и Кан Шэн. Наготове уже были и хунвэйбиновские отряды, к которым вскоре добавились и отряды «цзаофаней» («бунтарей»), включавшие кроме учащих также молодых рабочих и служащих. Их руками при поддержке армии осуществлялся «захват власти», создавались новые органы – «ревкомы», деятельность которых находилась вне контроля старых партийных и государственных кадров.

Еще до начала «культурной революции» Председатель ЦК КПК побеспокоился о том, чтобы отсечь ветеранов революции от армии, не дать им возможности на нее опереться. Под благовидным предлогом в Китае была осуществлена отмена воинских званий, в результате чего все бывшие маршалы, кроме Линь Бяо, и старшие генералы, занимавшие различные посты в партийных и государственных органах, не входивших в структуру Министерства обороны КНР, вмиг оказались гражданскими лицами, утратив формальную возможность обращаться в случае необходимости к армии.

Если говорить о верхушке, то решающее значение, на мой взгляд, имела поддержка Мао Цзэдуна такой харизматической личностью, как Чжоу Эньлай, который пользовался огромной популярностью в народе, особенно среди интеллигенции и кадровых работников. Наблюдая за происходящими в Пекине событиями, я не сомневался, что, если бы Лю, располагавший огромным влиянием в партии, и Чжоу объединились, на их сторону встали бы многие другие влиятельные ветераны китайской революции, они могли бы получить значительную поддержку в армии и Мао ничего не смог бы с ними поделать. Объективно у этих двух лидеров, как я себе представлял (да и сейчас так думаю), взгляды на вопросы внутренней и внешней политики были ближе, чем у каждого из них с Мао Цзэдуном.

Отношения Лю и Чжоу с давних пор были непростыми, чему, по-видимому, немало содействовал и сам Мао Цзэдун. Более независимый по своему характеру Лю Шаоци, судя по его запоздалой реакции на развертывание кампании, переоценил свои силы и, как уже отмечалось, проглядел готовившийся против него удар.

А Чжоу Эньлай, как и подобает идеальному премьер-министру при императорском дворе в Китае, неизменно оставался верен Мао Цзэдуну, с которым сотрудничал многие годы. Он и в мыслях не допускал возможности предательства, своего участия в каком-либо сговоре против вождя, хотя и мог расходиться с ним во взглядах. Когда Мао ему не мешал, он находил и принимал разумные, прагматические решения как по внешнеполитическим, так и по хозяйственным и другим проблемам. В иных же случаях Чжоу, не перечая, делал то, что от него требовал вождь. Он лишь старался минимизировать, насколько мог, отрицательные последствия таких действий. Таково, видимо, было его политическое и жизненное кредо, которое, кстати, и дало ему возможность не просто выжить, но и сохранить высокую активность на всем протяжении своей длительной политической карьеры.

На меня произвело большое впечатление то, что Чжоу Эньлай не отступил от своих принципов политического выживания и тогда, когда не без участия Цзян Цин была арестована и погибла в тюрьме его приемная дочь – известная театральная деятельница Китая Сунь Вэйши. Это напоминало поведение М.И. Калинина и В.М. Молотова, которые продолжали служить Сталину и после того, как он репрессировал их жен.

В ходе «культурной революции» Чжоу Эньлай стремился спасти от полного развала экономику, как-то обуздать разрастающиеся в стране хаос и насилие. Он, в частности, призывал не преследовать кадровых работников, шедших за Лю Шаоци, поскольку они, дескать, не знали, что Лю действует вопреки указаниям Мао Цзэдуна. Такая позиция укрепляла авторитет Чжоу Эньлая, давала ему возможность опереться на сторонников Лю Шаоци, оставшихся без покровителя. В начале 1967 года Чжоу подвергся острым нападкам во многих хунвэйбиновских изданиях, однако другая часть средств массовой информации «революционных

масс» активно выступила в его защиту. В Пекине стало распространяться множество листовок в поддержку премьера, наступление против него было отбито (впрочем, нельзя исключать, что это была лишь инсценировка нападения на премьера, призванная припугнуть и сделать его более послушным Мао). С падением Лю Шаоци, устранением Дэн Сяопина и многих других ветеранов китайской революции на какой-то отрезок времени создалось положение, когда из числа старых руководителей реальной властью (кроме, разумеется, самого Мао Цзэдуна) располагала очень узкая группа лиц, включавшая Линь Бяо, Чжоу Эньлая, а также Кан Шэна.

Пожалуй, в истории КПК не было более зловещей фигуры, чем Кан Шэн. В партию он вступил еще в 20-х годах. Организовывал восстания в Шанхае, арестовывался гоминьдановскими властями. Затем учился в Москве, работал в Коминтерне, был с Мао Цзэдуном в Яньане, где, пользуясь полным доверием вождя, возглавлял партийную разведку и проявил себя как заплечных дел мастер. После освобождения страны, считаясь с враждебным отношением к нему партийных кадров, Мао предпочел отправить его в Шаньдун в качестве первого секретаря провинциального парткома. Однако в начале 60-х годов, оказавшись в трудном положении, Председатель ЦК КПК перевел его на работу в ЦК КПК. Кан Шэн, будучи куратором спецслужб, стал центральной фигурой в подготовке «культурной революции».

Трудно сказать, какие замыслы были у него относительно своей будущей роли в «послереволюционном» Китае. Был хитер, скрытен и своих амбиций не выдавал. Предпочитал действовать из-за кулис. Зато не только поддерживал, но и старался сделать широко известным обществу стремление к власти своей землячки и давней протеже Цзян Цин, которая в яньаньский период не без его помощи стала женой Мао Цзэдуна, когда его предыдущая жена находилась на лечении в СССР. Как утверждают многие авторы, Политбюро ЦК, поставленное перед свершившимся фактом, согласилось признать законной новую спутницу Председателя, однако оговорило условие, что Цзян Цин не должна заниматься политической деятельностью.

И действительно, в течение длительного времени Цзян Цин была как бы в политическом небытии. Лишь в 1964 году она появилась перед широкой публикой на Всекитайском смотре пекинской оперы. Потом о ней вновь было мало слышно. Однако с началом «культурной революции» она как-то сразу всплыла, повела себя как заправский публичный политик и весьма быстро вошла в число наиболее известных деятелей Китая.

Цзян Цин стала одним из руководителей «Группы по делам культурной революции», созданной в 1966 году и обладавшей властью, сопоставимой лишь с властью Политбюро ЦК КПК.

Мне случалось довольно часто читать в хунвэйбиновской печати речи Цзян Цин, а также видеть ее несколько раз на массовых мероприятиях и наблюдать по телевизору ее встречи с хунвэйбинами. Следует признать, что в политике ей в значительной мере удавалось реализовать свои артистические данные, увлечь за собой молодежь. Было видно, что к своим выступлениям она тщательно готовилась, продумывала интонации, жесты, детали туалета.

Запомнилось, в частности, одно из выступлений Цзян Цин перед молодежью на пекинском стадионе в 1967 году, которое транслировалось по телевидению (что позволяло рассмотреть и выражение ее лица, и жесты). Цзян Цин, как, впрочем, и другие китайские руководители, в то время носила военную форму, но... шинель на ней была кокетливо распахнута. Говорила она четко, отточенными фразами, в меру жестикулировала, приводя в экстаз «революционных» юнцов. Иногда за ее выступлением следовало пояснение Кан Шэна: товарищ Цзян Цин ближе всех к Председателю Мао, знает его мысли и поэтому надо тщательно выполнять ее указания. Все это напоминало хорошо отрепетированный спектакль.

Со временем, особенно после ухода хунвэйби-новщины в прошлое, Цзян Цин изменила и свой облик, и свою манеру поведения. В конце 1972-го или в начале 1973 года, вскоре после приезда в последнюю командировку в Китай, мы с женой отправились на концерт Венского филармонического оркестра, который выступал на крытом стадионе в районе Сицзяо. Дипломатам были отведены места, прилегающие к правительственной трибуне. Вскоре в центре ее появилась величественная и хорошо, по китайским стандартам, одетая дама в нарядной желтой кофточке и с модной прической. Это была Цзян Цин. Однако с дипкорпусом она не общалась.

На роль руководителя партии и государства Цзян Цин явно не тянула. Для этого у нее не хватало ни умения, ни опыта, ни государственного ума. Она была мастерицей повторять чужие лозунги и интриговать. Видимо, к концу своей жизни это понял и Мао Цзэдуна, который предпочел несколько дистанцироваться от нее. В политическом отчете XI съезда КПК Хуа Гофэн приводит его заявление, якобы сделанное на заседании Политбюро 17 июня 1974 г., что Цзян Цин его не представляет, «она представляет только себя».

Цзян Цин привнесла в «культурную революцию», кроме всего прочего, соперничество и сведение счетов с Ван Гуанмэй – миловидной женой Лю Шаоци. Будучи, по существу, «первой леди» Китая, Цзян Цин завидовала черной завистью Ван Гуанмэй, которая после назначения ее мужа Председателем КНР оказалась на виду. Вот, например, что рассказывалось на многочисленных плакатах-листовках, появившихся на какое-

то время на улицах Пекина.

В начале 60-х годов Лю Шаоци как глава государства отправлялся с официальным визитом в Индонезию, причем, следуя всем правилам протокола, он решил взять с собой супругу (это был, пожалуй, первый такой случай со времени образования КНР). Накануне отъезда Ван Гуанмэй зашла к Цзян Цин «посоветоваться», как ей следует одеваться на приемах, которые будут устраиваться по случаю пребывания в этой стране главы китайского государства.

– Ты – жена Председателя КНР, – отвечала Цзян Цин, – и престиж нашего государства требует, чтобы ты была одета в хорошие, нарядные платья.

Однако Цзян Цин в то же время сказала Ван Гуанмэй, что ей не следует уподобляться буржуазным дамам и обвешивать себя драгоценностями.

– Надо, чтобы все видели скромность руководителей Нового Китая и их жен.

Выслушав все эти наставления, Ван Гуанмэй не устояла, однако, перед соблазном нарядиться так, как она считала нужным, не отказала она себе и в украшениях. Тут же на листовках были нарисованы карикатуры, изображавшие танцующих Ван Гуанмэй и Сукарно. Разумеется, их одеяния и позы были прямо противоположны рекомендациям Цзян Цин.

Думаю, что вся эта история (а что-то похожее действительно, видимо, имело место) сыграла в трагической судьбе супруги Председателя КНР не менее роковую роль, чем ее участие в 1966 году в «рабочей группе», которая имела задачей поставить под партийный контроль «культурную революцию» в одном из вузов Пекина. Ван Гуанмэй провела в застенках более 10 лет.

Особый счет имеет основание предъявить к Цзян Цин китайская молодежь. Вместе со своим мужем она приложила много сил, чтобы вовлечь юношей и девушек Китая в это чуждое их интересам движение, вынудить их делать грязную работу за политиканов, прятавшихся за молодыми спинами. Об этом еще недавно много говорилось и писалось. Поэтому коснусь лишь одной стороны дела.

Когда я впервые прибыл в Китай, одно из наиболее глубоких впечатлений произвели на меня трудолюбие и организованность китайской молодежи. Такие качества воспитывались веками жесткой необходимостью выживания. Впечатляющая дисциплина молодых людей в Китае ярко проявлялась и в дни праздников, когда огромные колонны студентов, собиравшиеся на окраинах города, с раннего утра продвигались к центру и ждали своей очереди продефилировать по площади Тяньаньмэнь. Это была многочасовая и, надо сказать, далеко не легкая процедура. Поражало то, что демонстранты не покидали колонны, а оставались каждый на своем месте. Если отлучались, то только на короткое время по надобности. (По традиции, в китайской столице вдоль улиц, запланированных для движения демонстрантов, заранее строятся временные туалеты и водопровод с кранами.)

Трудолюбие и организованность, как и предприимчивость, – замечательные качества китайцев, которые помогают им решать многие свои проблемы. И именно эти качества принялись разрушать организаторы «культурной революции».

Спекулируя на реальных трудностях и невзгодах, выпавших на долю молодых людей, на многочисленных нерешенных социальных проблемах, организаторы «культурной революции» разжигали у молодежи фанатизм, злобу и ожесточение, которые они стремились направлять против своих политических противников. Однако результатом такой «воспитательной» работы были не только расправы над каппутистами, но и проявления анархизма, отлынивание от работы на тех предприятиях, которые еще действовали, жестокие драки между представителями различных организаций хунвэйбинов и цзаофаней. Летом 1967 года мне случилось самому оказаться в эпицентре одной из самых грандиозных драк в Пекине и посмотреть ее, что называется, «изнутри». А было это так.

Я возвращался из южной части города в посольство, находящееся в северо-восточном районе. Пересекая улицу Чананьцзе, прорезающую весь Пекин с востока на запад, я обратил внимание на то, что въезд на известную торговую улицу Ванфуцзин, через которую лежал мой путь, перекрыт цепочкой солдат. Однако, увидев мою машину с дипломатическим номером, они расступились и дали мне проехать. Со всех сторон на улицу и вдоль улицы в одном направлении со мной спешили толпы молодежи. Плотность людей увеличивалась. Подъезжая к универмагу «Байходалоу», я уперся в толпу отчаянно дерущихся людей. На сигнал они не реагировали. Хотел дать задний ход, но обнаружил, что и позади моей машины идет такая же драка. По лозунгам и отдельным выкрикам я понял, что идет борьба за «захват власти» в этом крупнейшем в Пекине универсальном магазине. «Бойцы» были так заняты своим делом, что не обращали на меня никакого внимания, если не считать попыток использовать машину как естественный барьер, одним помогающий нападать, другим – обороняться.

Вдруг я услышал объявление по мегафону: «У нас здесь оказался иностранец, ему надо дать возможность уехать». Я сомневался, что в создавшейся обстановке кто-либо обратит внимание на этот призыв. И все же

сохранившаяся еще привычка молодых китайцев выполнять приказы взяла верх – меня выпустили. Было странно и, признаюсь, забавно наблюдать, как колошматившие друг друга люди прекращали драться и расступались, давая мне дорогу. Стоило, однако, машине проехать, как позади нее дерущиеся вновь вступали в схватку.

Многие дипломаты были потрясены тем, что произошло на площади Тяньаньмэнь 1 октября 1967 г. Кому-то из близких к Мао людей пришла в голову мысль, что на традиционном вечернем праздничном фейерверке по случаю 18-й годовщины образования КНР «великому кормчему» (как называли тогда вождя) следует подниматься на трибуну не по боковой и задней лестницам, а «из масс», то есть проехав и пройдя по середине гигантской площади. В другое время это, может быть, и удалось бы: вся площадь была разбита военными на квадраты, приняты другие меры предосторожности. Не учли только одного: молодой китаец октября 1967 года уже не походил на своего собрата двумя-тремя годами раньше. Как только появились автомашины с Мао и другими руководителями, площадь задвигалась, огромная масса людей, сминая заградительные цепи солдат, покатились в сторону автомашин. Мимо трибуны, выделенной для иностранных дипломатов, понесли раздавленных... От затеи пришлось отказаться.

Впрочем, надо отдать должное китайским функционерам, организовывавшим массовые мероприятия времен «культурной революции». Они делали все возможное в политической обстановке того времени, чтобы с помощью армии как-то удерживать ситуацию под контролем. Их несомненной заслугой является то, что, хотя в столицу приезжали миллионы людей, и она была перегружена сверх всякой меры, в городе не было эпидемий, которые порой казались неизбежными. Летом приезжие хунвэйбины и цзаофани спали прямо на вокзальной площади. Поэтому, чтобы, например, встретить какую-либо делегацию, прибывающую в это неудобное время суток, приходилось осторожно пробираться, перешагивая через спящих людей и вдыхая крепкий запах тысяч немых тел.

ПОСОЛЬСКИЕ БУДНИ ВРЕМЕН «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Развертывание «культурной революции» в Китае поставило перед нами, как и перед другими аккредитованными в этой стране посольствами, вопрос об адекватной информации о ней своих правительств. Для нас важно было разобраться и доложить в Москву о том, в чем состоит суть происходивших событий, к каким переменам в Китае они могут привести и как все это может затронуть интересы Советского Союза. С самого начала нам было ясно, что то, что мы наблюдали, не имело никакого отношения ни к культуре, ни к революции, ни к принятому в марксистско-ленинской теории термину «культурная революция». Не требовались ни бинокли, ни микроскопы, чтобы рассмотреть, что речь шла об очередном, еще более масштабном витке борьбы за власть. Но кто борется, против кого и с какими целями, а главное – к чему это может привести, – оставалось еще загадкой.

Большие трудности для поиска ответов на эти вопросы создавало то, что инициаторы «культурной революции» готовили ее тайно, скрывая и камуфлируя свои замыслы не только от внешних (иностраных) наблюдателей, но и прежде всего от тех сил внутри своей страны, против которых она была направлена. В практическом плане возникло две проблемы. Первая – это сбор и получение первоначальной информации. К началу «культурной революции» наши источники информации были весьма ограниченными. Китайские власти лишили нас прежней привилегии подписываться на местную печать. Советские консульства, ранее имевшиеся в разных точках страны, были закрыты. Из-за недостатка свободно конвертируемой валюты мы были крайне ограничены в возможностях получать гонконгскую и тайваньскую печать, в которой иногда содержалась интересная и более или менее достоверная информация о событиях в континентальном Китае. В нормальных условиях разобраться в обстановке иностранным дипломатам помогают беседы с официальными лицами и представителями общественности страны пребывания. Конечно, нередко при этом имеет место и преднамеренная дезинформация, но это уже дело дипломата разобраться, где правда, а где ложь. Однако в Китае того времени такая возможность для нас была близка к нулю. Когда началась «культурная революция», китайские должностные лица, с которыми мы могли общаться, были так запуганы, что от них трудно было что-либо услышать, кроме общих фраз и лозунгов, заимствованных из последних номеров газеты «Жэньминь жибао». Долгое время они и сами, по-видимому, не могли еще сообразить, что же происходит в их стране и как это надо преподнести иностранцам. Поэтому разговоры с ними приносили мало пользы, хотя иногда и давали возможность составить представление об атмосфере в тех учреждениях, где работали собеседники.

Разговаривать с китайскими представителями было тяжело: они нервничали, постоянно опасались какого-нибудь подвоха, в самом невинном вопросе усматривали потайной смысл. Иногда срывались и переходили на брань в адрес нашей страны. Поэтому, когда к нам на прием приходили китайские должностные лица, мы,

разумеется, не упускали возможности поговорить с ними, однако, как правило, старались не допытывать их излишними расспросами и не ставить таким образом наших гостей в затруднительное положение. Если у них было что сказать (другими словами, если им было разрешено или поручено что-то сказать), они сами не упускали случая это сделать.

В таких условиях мы, что называется, до дыр зачитывали центральные китайские издания, особенно публикуемые в них официальные документы. Ведь часто не только обнародование, но и фальсификация или сокрытие фактов, которые затем становились известными, тоже говорили о многом и позволяли делать определенные выводы.

Когда скоро речь зашла о китайской официальной печати, вспоминается курьезный случай, который произошел летом 1967 года и в какой-то мере характеризует тогдашнюю атмосферу в Пекине. Как-то почтальоны, доставлявшие в посольства прессу, неожиданно вернулись и стали просить, чтобы им возвратили газеты «Жэньминь жибао», взамен которых они предлагали принести новые экземпляры. Разумеется, это вызвало интерес у дипломатов, которые, оставив у себя одну-две газеты и вернув остальные, стали тщательно их прочитывать и сравнивать с вновь принесенными изданиями. Однако найти разницу между новой и старой газетами оказалось очень трудно: «крамола» (о, ужас!) содержалась в многократно повторяемой здравнице в честь Мао Цзэдуна (при чтении газеты такие места ради экономии времени обычно просто пропускались, поэтому, если бы китайцы не потребовали вернуть газеты обратно, никто бы об опечатке так и не знал). В здравнице был заменен один иероглиф, в результате чего пожелание «десяти тысяч лет безграничного долголетия» Председателю превратилось в пожелание противоположного смысла – «безграничного отсутствия долголетия». Остальное неизменно, была ли это случайная опечатка или чья-то провокация, которая в обстановке маниакального возвеличивания вождя могла послужить предлогом для перетряски редакции, издательства и типографии газеты.

В период «культурной революции» в Китае произошло то, что было немислимым со времени образования КНР: появилась «независимая печать» – газеты, издаваемые различными организациями хунвэйбинов и цзаофаней. Конечно, «независимость» эта была, мягко говоря, весьма относительной: каждое издание имело своего закулисного хозяина. Тем не менее, эти издания (или «хунвэйбиновки», как мы их называли) сильно отличались от официальной прессы конкретностью материала и остротой оценок событий и отдельных лиц. В них нередко можно было прочитать, например, о последних высказываниях того или иного деятеля не только на массовом митинге, но и на закрытом заседании Политбюро или «Группы по делам культурной революции». Если принимать происходившее за чистую монету, то получалось, что учащиеся средней школы или студенты вуза, издававшие «хунвэйбиновку», располагали большим объемом внутрипартийной информации, чем редакции официальных органов ЦК КПК. Как бы то ни было, через эту печать мы получали немало сведений, добыть которые иным путем было либо трудно, либо вообще невозможно, в том числе о позиции тех или иных деятелей, о репрессиях в отношении видных членов партии и т.д.

«Хунвэйбиновки» обычно распространялись уличными торговцами с рук. Правда, иногда вводились запреты на их продажу иностранцам, однако обычно эти запреты действовали лишь несколько дней.

Другим важным источником информации служили плакаты и «дацзыбао», вывешиваемые на улицах Пекина. Постепенно мы определили места (например, около западного въезда в Чжуннань-хай), где появлялись плакаты и «дацзыбао», содержавшие наиболее достоверные сведения. Мы их читали, иногда переписывали, если этому не препятствовали находившиеся поблизости китайские представители. Постоянно действующего запрета на чтение этих материалов иностранцами со стороны китайских властей не было. Иногда хунвэйбины даже помогали нашим сотрудникам читать их настенные публикации.

В. Грешных, которому было поручено сделать опись плакатов и «дацзыбао», вывешенных около посольства, рассказывал мне, например, о таком случае: сначала, когда он приступил к выполнению задания, хунвэйбины хотели его прогнать и даже не прочь были побить. Но затем подошли какие-то люди и разъяснили им, что переписывать плакаты и «дацзыбао» – его служебная обязанность, исполнению которой не следует мешать.

К сожалению, не всегда была такая идиллия. Временами дело приобретало неприятный оборот, чтение «дацзыбао» было связано с риском.

Весьма ценными и незаменимыми были личные наблюдения в городе, на протокольных мероприятиях, по телевизору и т.д. Немало сведений и идей приносили беседы с иностранными дипломатами и корреспондентами в Пекине. Среди сотрудников посольств социалистических стран, ряда азиатских государств, в частности Индии, а также Англии, Франции и некоторых других были хорошие знатоки Китая и опытные дипломаты, которые серьезно изучали страну и происходившие в ней процессы. Беседы с ними позволяли проверять правильность наших оценок и выводов, обращать внимание на новые грани «культурной революции», рассматривать их не в плоском, а в стереоскопическом отображении. Хотя

приходилось сталкиваться и со случаями явного подброса отдельными иностранцами дезинформации, рассчитанной на то, чтобы еще более «заклинить» наши и без того тяжелые отношения с Китаем. Вторая проблема, осложнявшая информационную работу, состояла в том, что нередко было трудно сразу понять подлинный смысл тех или иных высказываний, содержащихся в официальных органах пропаганды и иных источниках информации. Дело в том, что Мао Цзэдун и его сторонники в политических разборках со своими противниками постоянно прибегали к эзоповскому языку и к использованию имен персонажей из древних китайских книг, изобретали термины, которые были непонятны для непосвященного человека. Это имело место практически на всех этапах «культурной революции», начиная с заявления о наличии в Китае 60-х годов «буржуазных штабов» (что за «штабы»? Откуда они взялись?) и кончая борьбой против Конфуция, умершего несколько тысячелетий назад, или жаркой дискуссией по поводу старинного романа «Речные заводы».

Такая игра в поэтические термины и искаженные понятия, заимствованные из глубины веков, ставила посольство в сложное положение. Но, даже разобравшись, мы часто сталкивались с другой проблемой: как обо всем этом ясно, понятно и убедительно доложить в Москву? Нам, например, было видно, что, «критикуя Конфуция», авторы материала нападают на Чжоу Эньлая. Но надо было находить еще такую форму доклада, чтобы и в Москве увидели, что это действительно так, а не наша фантазия.

Однажды, например, меня подняли с кровати под утро: из МИД СССР пришел срочный запрос с требованием пояснить, что имеется в виду под словами «четыре модернизации», использованными мною в отправленной вечером шифровке. В то время этот термин, обозначавший идею модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники, употреблялся и в китайских, и в наших документах настолько часто, что я считал его общеизвестным и не стал еще раз пояснять. Но попал документ к дежурному ответработнику-некитаеведу, и оказалось, что для него это был ребус.

Впрочем, подобные проблемы возникали и у других посольств. Однажды, например, британский поверенный в делах г-н Фэн с юмором рассказывал о трудностях, которые он испытывал при подборе заголовка к подготовленной его посольством информации о дискуссии вокруг старинного романа «Речные заводы», являвшейся отражением очередной схватки в китайских верхах.

– По действующим в Форин офис канонам, – говорил англичанин, – я должен был определить тему сообщения кратко, исходя из того, как определяют событие сами его участники. В данном случае наиболее уместным был бы заголовок: «Речные заводы». Но если в Лондоне увидят, что я посылаю телеграмму о романе, написанном сотни лет назад, там сочтут, что у меня что-то случилось с психикой, и, не читая текст дальше, срочно вышлют в Пекин врача. Любой же другой заголовок будет отступлением от принятых правил.

Но шутки шутками, а проблема действительно была, причем достаточно серьезная. Положение усугублялось тем, что большинство наших дипломатов-китаеведов специализировались по современному Китаю и, за редкими исключениями, испытывали большие трудности, когда надо было разбираться в вопросах, касающихся отдаленного прошлого этой страны.

И наконец, последнее в этом контексте замечание – об информационной деятельности посольства времен «культурной революции». Как-то известный российский ученый-китаевед спросил меня: «Когда посольство обнаружило развертывание этой кампании и впервые доложило о ней в Москву?» Ответить на этот вопрос я не смог. Установление посольством факта развертывания в Китае «культурной революции» не было разовой акцией. Ее познание представляло для нас, если позволительно в данном случае употребить известные слова Гегеля, «сам логический и исторический процесс». По мере того как развивались отдельные стороны политической жизни Китая, сливавшиеся постепенно в единый поток «культурной революции», посольство информировало о них Центр без претензий на всеобъемлющее освещение вопроса и знание абсолютной истины. Мы понимали, что Китай переживает один из наиболее ответственных кризисных моментов своей истории, и потому стремились к максимальной объективности в своих оценках, старались не поддаваться эмоциям.

ДИПЛОМАТИЯ ХУНВЭЙБИНОВ. ЭВАКУАЦИЯ СОВЕТСКИХ СЕМЕЙ

С началом «культурной революции» в Китае условия труда и жизни иностранных представителей, и в первую очередь советских людей, в Пекине стали резко ухудшаться. Коммюнике XI пленума ЦК КПК восьмого созыва, опубликованное 12 августа 1966 г., не оставляло сомнений, что во внешнеполитическом плане развертываемая кампания направлена на серьезное обострение советско-китайских отношений и на

вытравливание самой идеи дружбы с северным соседом, пустившей корни в китайском обществе. В развязной форме заявлялось о неприятии нового советского руководства и подтверждалось, что Китай отклоняет идею единства действий в оказании помощи Вьетнаму.

Разумеется, в духе времени все это облекалось в крикливую "антиимпериалистическую" фразеологию и сопровождалось заклинаниями типа: «Наш народ – великий народ. Наша страна – великая страна. Наша армия – великая армия» и т.п.

По существу, готовилась почва для радикальной переориентации позиции Китая на международной арене. Наряду с этим перед внешней политикой страны ставились на ближайший период и сугубо утилитарные задачи: необходимо было обеспечивать текущие потребности «культурной революции», то есть разжигать ксенофобию и шовинизм, отсекал возможность смычки оппозиции с внешним миром, предотвращать или, по крайней мере, сокращать влияние последнего на ход событий в Китае.

Делалось все это грубо, топорно, зачастую принимало форму вульгарных бесчинств в отношении посольств и других иностранных учреждений, их сотрудников и членов семей. Люди, оказавшиеся у руля власти в Китае, принялись демонстрировать свое полное пренебрежение элементарными нормами международного права, их страна стала выглядеть на мировой арене не высокоцивилизованным государством с многовековой культурой, а скорее «слоном в посудной лавке». Не оставалось и намека на тот профессионализм, который стремился привить китайской дипломатии Чжоу Эньлай и который Чэнь И после своего назначения на пост министра иностранных дел еще пытался как-то поддерживать.

«Группа по делам культурной революции» явно не доверяла аппарату МИД КНР. Дело дошло до того, что в начале 1967 года в практику было введено присутствие контролеров-хунвэйбинов на беседах сотрудников китайского внешнеполитического ведомства с иностранными дипломатами.

Бывали даже случаи, когда такие контролеры предпринимали попытки вмешиваться в разговор. Мы (я имею в виду советских дипломатов) вежливо, но твердо их пресекали. Это продолжалось около полугода.

Зато более длительный срок сохранялся запрет работникам МВД (и других китайских учреждений, занимавшихся внешними связями Китая) называть свои должности. В одночасье все они превратились в «ответственных сотрудников соответствующих учреждений», так значилось даже в визитных карточках некоторых из них. Оставалось только гадать, что это за соответствующие учреждения и кем в них является твой собеседник – министром или дворником. Не знаю, какую пользу смог извлечь из этого тот, кто вводил такие смехотворные правила. Но неудобств для общения они создавали множество.

Например, летом 1967 года, будучи поверенным в делах СССР в Китае, я не смог передать по назначению документ советского правительства, адресованный главе китайского правительства. Принявший меня «ответственный сотрудник» МИД КНР отказывался уточнить свою должность и подтвердить наличие у него полномочий получить документ для премьера. Передавать его в таких условиях я счел унижительным для советской стороны и практически нецелесообразным: в МИД КНР хозяйничали хунвэйбины и никто не мог гарантировать на сто процентов, что текст дойдет до адресата неискаженным. Я доложил об этом в МИД СССР, и там было решено передать документ через китайского поверенного в делах в Москве.

Первое наше личное знакомство с хунвэйбинами состоялось 22 августа 1966 г., когда мы с Ю.И.

Раздуховым направились на аэродром для участия в проводах приезжавшего с визитом в Китай вице-президента Замбии, который из Пекина вылетал в Москву.

Едва отъехав от посольства, мы увидели груду камней, на которой возвышался портрет Мао Цзэдуна. Находившаяся рядом группа китайцев стала требовать, чтобы мы вышли из машины (которая, как положено, шла под государственным флагом СССР) и «прошли пешком, склонив головы перед портретом Председателя Мао». Убедившись, что пропускать машину не собираются, мы вернулись в посольство. Посоветовавшись, решили, что я сяду за руль машины и один поеду на аэродром. Это явно не было предусмотрено заготовленным сценарием провокации. После некоторой заминки ее исполнители объявили по радиорепродукторам, что, «поскольку машина ехать без водителя не может», они меня пропускают, и расступились, дав мне возможность проехать.

Прибыв на аэродром, я нашел вьетнамского посла, исполнявшего тогда обязанности дуайена дипломатического корпуса в Пекине, информировал его о случившемся и стал наблюдать за тем, что произойдет дальше. Посол прошел в зону, где находились члены китайского руководства, и поговорил с Чэнь И, который, в свою очередь, подошел к Чжоу Эньлаю и, судя по всему, довел до его сведения сообщение дуайена. Однако никакой реакции не последовало.

Тем временем Ю.И. Раздухов заявил протест в МИД КНР, которое, однако, не только не извинилось, но и взяло под защиту организаторов акции.

За этим последовала серия провокаций в отношении сотрудников посольства, других советских учреждений и членов их семей. 25 января китайские граждане затеяли ссору на Красной площади в Москве, которая

послужила сигналом для начала бесчинств в отношении советских граждан в Пекине.

Перед посольством начались массовые шествия. Ворота, забор и прилегающие здания были обклеены плакатами враждебного нашей стране содержания. Тут же вывешивались чучела советских руководителей, макеты гробов, виселиц и прочие реквизиты. По периметру нашей территории были установлены мощные громкоговорители, которые работали сутки напролет, мешая и трудиться, и отдыхать (причем занимались этим делом, по всей вероятности, профессионалы, знавшие, как использовать сильный звук для разрушения нервной системы людей: ночью репродукторы ревели с интервалами и люди просыпались то от шума, то от внезапно наступавшей тишины, за которой через небольшой промежуток времени вдруг начиналась новая звуковая волна, и т.д.).

Посольство практически было заблокировано: выезд из него и въезд были затруднены, а временами и вообще невозможны. Сотрудники, выезжавшие в город, подвергались нападениям и издевательствам. Их машины нередко обливались клеем, облеплялись листовками и портретами Мао, соломой и т.д., иногда закрывали даже ветровое стекло, так что вести машину было тяжело и опасно: дорогу можно было рассмотреть только в оставшиеся извне щели, а кругом, в том числе перед машиной и по бокам, бегали дети (хорошо, что обошлось без наездов, которые легко могли произойти в таких условиях и которых мы очень опасались). Демонстрируя полное пренебрежение элементарными нормами международного права, китайские власти допускали применение физического насилия даже в отношении лиц, пользовавшихся дипломатическим иммунитетом, в частности 1-го секретаря М.П. Курбацкого, 2-го секретаря Н.Г. Наташина, которым часто приходилось выезжать по служебным делам в город.

Посольство доложило о создавшейся ситуации в Москву. Советское правительство вынуждено было принять решение об эвакуации членов семей служащих советских учреждений. Это была тяжелая операция. Люди должны были собраться в сжатые сроки. Проблемы возникали и с транспортом, и с тарой, и с упаковочным материалом, а главное – нужно было как-то защищаться от хулиганских выходок бесчинствовавшей китайской молодежи у посольства и на аэродроме. Наши люди – а это в основном были женщины и дети – должны были проходить на посадку через узкий коридор из выкрикивавших лозунги и улюлюкавших хунвэйбинов и цзаофаней. На каждом месте багажа тушью делали враждебные нам надписи, при досмотре в чемоданы засовывались антисоветские листовки.

Нам оказали хорошую, порой самоотверженную помощь представители посольств социалистических и других дружественных государств, в том числе западных стран, например Франции, а также (сейчас об этом уже можно сказать вслух) отдельные работники пекинского аэропорта и таможенники, которым было стыдно за то, что творилось там, и что пришлось испытать советским женщинам и детям.

Запомнился такой эпизод. Во время эвакуации членов семей в феврале 1967 года был прислан грузовой самолет для личных вещей отбывавших. И вот, когда загрузка подходила к концу, ко мне подошли наши сотрудники (каждый самолет отправлял кто-то из советников посольства. На этот раз была моя очередь) и сказали, что наши рабочие по ошибке погрузили часть непросмотренного багажа. Назревал скандал. В самолет уже было загружено 8-10 тонн багажа. Таможенные власти могли потребовать его вытащить и заново просмотреть. Время было позднее, и работы хватало бы на всю ночь, а для хунвэйбинов появилась бы дополнительная возможность покуражиться над советскими людьми. Я решил попытаться уговорить таможенников не обращать внимания на случившуюся оплошность. Но этого даже не потребовалось. Едва поняв, что случилось, они объявили таможенный досмотр оконченным и стали кричать, чтобы мы убирали «свои поганые вещи». Хунвэйбины, не разобравшись, в чем дело, тоже стали кричать, чтобы мы убирали «свои поганые вещи». Наши товарищи поспешили завершить погрузку багажа, и все мы вздохнули с облегчением.

Отъезд семей проходил на фоне «забастовки» работавшего в посольстве китайского технического персонала, в руках которого было жизнеобеспечение посольского городка – отопление помещений, питание, транспорт (большинство водителей были китайцы), уборка помещений, ремонт сантехники и т.п. Все это разом застопорилось. Из Москвы нам быстро выслали бригаду молодых рабочих, набранных из военнослужащих. Но до их прилета обязанности по обеспечению жизнедеятельности коллектива приходилось выполнять дипломатам и другим сотрудникам советских учреждений.

Что касается китайского персонала, то нам с ним пришлось расстаться. И мы, и многие из них испытывали чувства сожаления и даже горечи.

Значительная часть этих людей работала с момента открытия посольства в Пекине, причем работала добросовестно и хорошо (правда, китайские органы в последние годы стали все больше присылать к нам работников, не скрывавших своего враждебного отношения к СССР, но их было все же меньшинство).

Надо сказать, что китайские власти не ожидали, что мы пойдем на такой шаг. Когда они увидели, что это серьезно, то мне в Бюро по обслуживанию иностранцев попытались предъявить обвинение в нарушении

посольством Конституции КНР, которая якобы запрещает такое увольнение, причем для убедительности китайский собеседник размахивал ее текстом. Я попросил показать мне статью Конституции, где это записано. Найти что-либо подобное он не смог. После этого разговор перешел в плоскость делового обсуждения условий увольнения, в том числе и размера компенсации увольняемым. Поспорив, мы нашли справедливое решение этого вопроса, которое затем было одобрено Москвой.

В феврале 1967 года МИД КНР передал посольству «важное уведомление» о том, что впредь китайские власти не гарантируют безопасности советских сотрудников вне территории посольства. Это был принципиальный вопрос. МИД СССР сделал по этому поводу заявление, в котором квалифицировал поведение китайских властей как грубое попрание всех международных норм, лишшающее дипломатическое представительство возможности нормально функционировать.

Некоторое время спустя китайским властям потребовалось передать документ посольству, в связи с чем Ю.И. Раздухов был приглашен в МИД КНР. Обсудив создавшуюся ситуацию, мы пришли к выводу, что, пока действует «важное уведомление», ехать поверенному в делах не следует. Но в то же время не надо было и отказываться в прямой форме, поскольку это могло быть использовано для обвинений советского посольства в нежелании выполнять свои функции, что затянуло бы узел еще туже. Поэтому в МИД КНР был дан такой ответ: поверенный в делах придет туда, как только будет восстановлена дипломатическая неприкосновенность персонала посольства. Из МИД КНР нам стали звонить и настаивать, чтобы советский поверенный в делах конкретно ответил, придет он или нет. Но Ю.И. Раздухов проявил твердость, повторяя в разных вариантах суть ранее сделанного заявления. Кончилось дело тем, что из Протокольного отдела МИД КНР официально сообщили, что срок действия «важного уведомления» истек. Мы, конечно, не переоценивали значения этого заявления: признание на словах иммунитета советских дипломатов отнюдь не было гарантией, что он будет соблюдаться. Тем не менее, это был успех, причем не только наш, но и тех здравомыслящих сотрудников китайского МИД, которые отстаивали такое решение.

«ЖАРКОЕ» ЛЕТО 1967 ГОДА

В начале лета Ю.И. Раздухов уехал в отпуск до осени. Обязанности поверенного в делах СССР в КНР были возложены на меня. Будучи всего лишь год назад назначенным на должность советника, я впервые возглавил посольство, причем произошло это в весьма трудное время, когда китайская сторона откровенно вела демонтаж отношений с СССР. Оказавшись в новой роли, я начал с того, что постарался сформулировать для себя задачи, которые вытекали из складывавшейся обстановки.

Анализ внутривластных событий в Китае и эволюции его политики в отношении СССР приводил к выводу, что среди тех, кто оказался у кормила власти после чистки «каппутистов» и приобретения властных функций членами «Группы по делам культурной революции», имеется влиятельная когорта деятелей леворадикального толка (к ним относились Кан Шэн, Чэнь Бода, Цзян Цин и возвращенные под их крылышками молодые политики), которые ради достижения своих целей могли пойти на крайние меры, вплоть до полного разрыва отношений с СССР. Если бы такое случилось, был бы нанесен существенный удар по национальным интересам обеих стран: это сказалось бы на международных позициях Москвы и Пекина, существенно ослабив их, могло бы серьезно повлиять и на ситуацию внутри наших стран.

Для нас разрыв с Китаем был бы и весьма неудачен по времени: шел 1967 год, страна готовилась торжественно отметить свое 50-летие, и такой поворот событий мог оказаться ложкой дегтя в праздничной бочке меда.

Из всего этого вытекало, что усилия посольства необходимо было в первую очередь сосредоточить на том, чтобы всеми имеющимися средствами предотвратить разрыв и содействовать сохранению нашего присутствия в Китае. С этим была связана и другая приоритетная задача – обеспечение безопасности сотрудников советских учреждений в Пекине и поддержание на должном уровне их морального состояния. Наряду с этим, естественно, полностью сохраняло свою актуальность и оперативное информирование Москвы по вопросам внутривластной обстановки в КНР и о ее внешнеполитической деятельности. Все это, разумеется, не исключало выполнение и других свойственных посольству функций.

Свои размышления я перепроверял в беседах с руководящим составом посольства и других советских учреждений. Коллеги делились своими мыслями и соображениями. Это содействовало укреплению столь необходимой в тех условиях сплоченности советского коллектива. В связи с этим я с особой благодарностью вспоминаю советника по экономическим вопросам П.Н. Лысова, совмещавшего в то время свой пост с обязанностями секретаря объединенного парткома, советника Ю.И. Дроздова, старших сотрудников торгпредства, аппарата военного атташе, ТАСС. Немало полезных идей исходило и от рядовых сотрудников не только оперативно-дипломатического, но и технического состава.

Поскольку «культурная революция» продолжала набирать темпы, мы в посольстве ожидали, что летом 1967 года китайцы предпримут новые шаги, направленные на дальнейшее усиление напряженности в отношениях с СССР. К сожалению, этот пессимистический прогноз оправдался. Объектами провокаций все чаще становились принадлежащие Советскому Союзу транспортные средства, в особенности безоружные гражданские суда («Гидрограф», «Свирск» и др.). Однако главной мишенью по-прежнему оставалось посольство, как политический орган, представлявший Советское государство. Защитить его физически было невозможно. Именно по нему мог быть нанесен удар, роковой для наших отношений. Начавшиеся в январе бесчинства в отношении советского дипломатического представительства волна за волной продолжались до конца лета.

Какую же тактику следовало противопоставить действиям китайской стороны? До меня доходили слухи, что в Москве имеются две точки зрения по этому вопросу. Одни считали наиболее эффективным методом действовать (прошу прощения у читателя за частое использование китайской терминологии) по любимому Мао Цзэдуному принципу «острием против острия», то есть на каждую враждебную нам позицию отвечать аналогичным или даже более сильным ударом по больным местам китайской стороны. Кстати, такие настроения были одно время и у определенной части нашего коллектива, главным образом у молодежи. Я считал такую точку зрения несостоятельной: приняв ее, можно было лишь помочь тем силам в китайском руководстве и обществе, которые рассчитывали с помощью оголтелого антисоветизма решить свои внутривластные проблемы. А главное, такой образ действий не имел перспектив. К тому же он вряд ли нашел бы одобрение у мировой общественности, порадовав лишь наших заведомых противников. Более разумным мне представлялось проведение взвешенной линии, сочетающей в себе неотвратимое и жесткое реагирование дипломатическими средствами на враждебные выпады китайской стороны с демонстрацией нашего неуклонного желания иметь нормальные отношения с КНР. В ажио было нашим поведением развеивать в

Китае настроения безысходности в советско-китайских отношениях, показывать, что происходившие в них негативные процессы являются временными, не носят необратимого характера.

Исходя из этих соображений, я счел мудрым шагом советского руководства направление 5 августа 1967 г. Центральным Комитетом КПСС, Президиумом Верховного Совета и Советом Министров СССР приглашения китайской делегации на празднование 50-летия Октябрьской революции. Китайская сторона, как и следовало ожидать, свою делегацию в Москву не послала. Однако это не смогло принизить политический резонанс советской акции, продемонстрировавшей, что наш курс на нормализацию отношений и восстановление добрососедства остается неизменным, его не поколебали ни «большая полемика», ни хунвэйбиновская уголовщина.

Нет ничего удивительного в том, что в ответ на наш дружеский жест китайские экстремисты стали еще более настойчиво вести линию на эскалацию напряженности в отношениях с СССР. Однако для того, чтобы предпринимать новые враждебные акции, им нужны были предлоги. Поэтому август был особо урожайным на провокации против посольства. Здесь и жестокое избиение советского дипломата Ю.Н. Неманежина, и подбрасывание подметных писем в автомашины советских работников (в августе в Пекине жарко, кондиционеров в машинах не было, поэтому приходилось ездить с открытыми окнами, чем пользовались «доброжелатели») с «заманчивыми» предложениями наладить тайные связи и т.п. По радиорепродукторам, установленным вокруг посольства, выдвигались, например, наглые требования «революционных масс» к поверенному в делах

СССР извиниться за публикацию в «Литературной газете» нелюбезной статьи о Цзян Цин.

Вне Пекина наиболее крупная провокация была предпринята числа 10-го августа в связи с заходом в китайский порт Далянь советского судна «Свирск». На борт ворвались китайские власти, которые захватили и увезли капитана Коржова. Одновременно толпа китайских граждан попыталась расправиться с членами экипажа. Судно было исписано и обклеено оскорбительными для нашей страны лозунгами.

Капитан «Свирска» позвонил мне в посольство, подробно проинформировал о случившемся, подчеркнув, что команда судна не дала поводов для подобных действий китайских властей и граждан. Я как мог постарался приободрить его и команду, заверил, что Советское правительство своих моряков в беде не оставит и примет все меры для их освобождения.

Между тем меня насторожило такое обстоятельство: измываясь над Коржовым и его командой, китайские власти в то же время с готовностью предоставляли ему добротную связь с посольством (Коржов звонил не один раз). Невольно возникал вопрос: а не хотят ли они втянуть каким-то образом в эту провокацию посольство и тем самым заручиться поводом для новых акций против него? Хотя документальных доказательств у нас, разумеется, никаких не было, мы, тем не менее, обсудив этот вопрос, пришли к выводу, что считаться с такой возможностью необходимо.

Едва мы поговорили на эту тему, как приходит указание из Москвы направить в Далянь консульского работника для урегулирования вопроса о «Свирске». Мне и моим коллегам было абсолютно ясно, что эта поездка в лучшем случае ничего не даст, а скорее всего лишь поможет провокаторам запутать концы и переложить ответственность за случившееся на посольство. До тех пор пока китайские власти противостоят команде «Свирска», всем ясно, кто на кого напал и кто несет ответственность за случившееся. Хочешь не хочешь, а китайцам все равно пришлось бы отпустить «Свирск». Здесь они сталкивались не только с командой советского теплохода, но и со всей мореплавающей братией мира. Если же в дело вмешалось бы посольство, картина оказалась бы смазанной и для многих не очевидной. Это позволило бы провокаторам надолго задержать судно и выдвигать всякого рода надуманные обвинения в наш адрес.

Мне, конечно, было известно, как не любят на Смоленской площади отказы выполнять поручения. Тем не менее, учитывая возможные последствия, я счел необходимым доложить ситуацию, как она видится посольству, и просить согласия не направлять в Далянь нашего консульского работника. В Москве с моими доводами согласились.

Судно было освобождено после личного обращения А.Н. Косыгина к Чжоу Эньлаю.

Между тем обстановка вокруг посольства продолжала накаляться. В этих условиях мы стремились еще более скрупулезно фиксировать каждый факт враждебных действий против советских учреждений и их служащих. В целях повышения оперативности я иногда заявлял протесты в МИД КНР по факту, не запрашивая специального указания МИД СССР. В таких случаях посольство докладывало в Москву сразу и о случившемся, и о заявленном протесте.

В МИД КНР меня принимали без задержек, вскоре же после обращения. Обычно я излагал суть произошедшего, давал ему надлежащую оценку, заявлял протест и требовал, чтобы китайские власти обеспечивали в отношении советских учреждений и персонала соблюдение общепринятых норм международного права. Что бы ни случилось, китайский собеседник брал под защиту действия «революционных масс», нередко используя вместо аргументов грубые выпады в адрес нашей страны и руководства. Я, в свою очередь, на фактах показывал несостоятельность высказываемой им версии событий, опротестовывал использование в официальной беседе антисоветской брани и покидал здание МИД КНР. Так повторялось неоднократно.

При всей кажущейся тривиальности наших демаршей они были полезными, дополняя заявления Советского правительства и ноты, направляемые Пекину МИД СССР. Тем самым на китайскую сторону оказывалось систематическое политическое давление, игравшее определенную сдерживающую роль.

Представления посольства отличались тем, что, будучи непосредственными участниками событий, мы имели возможность конкретно показывать и доказывать, как возникал и развивался тот или иной инцидент, кто несет за него ответственность. В ходе визитов в МИД КНР я убеждался, что организаторы провокаций – а ими были, несомненно, структуры, подчиненные «Группе по делам культурной революции», и канцэновские спецслужбы – не спешили информировать внешнеполитическое ведомство и другие китайские инстанции о проводимых ими «мероприятиях» или же распространяли заведомо ложные сведения, рассчитанные на то, чтобы перекладывать ответственность за случившееся на советскую сторону. Не переоценивая значения наших заявлений, думаю, что они все же создавали определенные препятствия для такой дезинформации и подрывали доверие к китайским официальным версиям событий.

Что касается брани в отношении нашей страны, к которой практически постоянно прибегало принимавшее меня «ответственное лицо» китайского МИД, то формально у меня было основание ответить ему тем же. Но я на этот путь никогда не становился, считая перебранку ниже достоинства советского дипломата и не желая того, чтобы мои слова истолковывались как проявление неуважения к китайской нации или желание нанести личную обиду собеседнику. В моем понимании в обязанности дипломата входит поддержание по мере необходимости контактов с представителями различных, в том числе недружественных, стран и общественных сил. А брань в этом деле не помощница. Она способна лишь нанести вред выполнению дипломатом своего служебного долга.

Интересно, что это обстоятельство не осталось незамеченным некоторыми работниками МИД КНР. В конце 80-х годов один из них сказал моему сыну, работавшему тогда в советском посольстве в Пекине: «Я помню, что твой отец умел находить неоскорбительные для нас, китайцев, слова при обсуждении очень острых вопросов в трудное время». Уверен, что такая линия поведения отвечала интересам решения задач, стоявших перед нами в области советско-китайских отношений.

Нарастание напряженности вокруг посольства и враждебности по отношению к советским людям требовало активизации работы с коллективом. Еще в самом начале «культурной революции» Ю.И. Раздухов ввел в практику проведение кроме регулярных совещаний оперативно-дипломатического состава общих собраний коллективов посольства и других советских учреждений, на которых разъяснялась обстановка и вытекавшие

из нее задачи, давались ответы на возникавшие вопросы, обсуждались предложения, вносившиеся участниками таких собраний. Встречи, на которых присутствовали практически все советские сотрудники, не занятые неотложными делами, уже сами по себе позволяли людям лучше ощущать локоть друг друга. Будучи к тому же достаточно полно информированными об обстановке, они чувствовали себя увереннее и спокойнее.

Я продолжил практику проведения таких собраний, и это вполне себя оправдало, в частности и в тяжелые августовские дни. Одно из них я посвятил разъяснению политического смысла приглашения китайской делегации на празднование 50-летия Октябрьской революции, поскольку оно вызвало неоднозначную реакцию в коллективе, ежеминутно сталкивавшемся с враждебными действиями китайских властей. За время, прошедшее с момента начала хунвэйбиновских акций против посольства, мы сумели изучить многие их повадки. Если, например, вокруг посольства стояли шум и гам, то, как правило, это не предвещало для нас каких-либо крупных неприятностей. И наоборот, когда становилось тихо, надо было быть начеку: именно в такой момент мог быть нанесен какой-нибудь неожиданный удар. Летом мы знали, в какие часы хунвэйбины уходят и когда появляются и т.д. С учетом этого мы давали рекомендации нашим товарищам, в какое время им можно сравнительно безопасно выходить или выезжать за ворота посольства, в том числе по личным надобностям, как себя вести в случае захвата или блокирования автомашины и т.п. Кстати, отдельные «проколы» (к счастью, небольшие), которые имели место в летний период, были связаны именно с отступлениями от этих рекомендаций.

Советские люди, оставшиеся в Пекине после эвакуации семей (вместе с семьями уехали и некоторые сотрудники, которые были сокращены или попросили их отправить по различным причинам в СССР), вели себя мужественно, не поддавались запугиваниям и шантажу. Не помню случая, чтобы кто-либо из дипломатов или технического персонала отказался выполнить какое-либо поручение, связанное с выездом в город в беспокойное время. Меня больше беспокоила возможность того, что кто-нибудь, например, из молодых людей, прибывших на смену китайскому техперсоналу, применит силу против зарвавшихся хунвэйбинов. Поэтому на общих собраниях и в доверительных беседах с ними приходилось разъяснять, что героизм состоит не в бездумном размахивании кулаками, а в расчетливых, невзирая на все трудности и опасности, действиях, направленных на решение поставленных задач. Проведенная работа дала результаты: даже во время налета на посольство, о котором речь пойдет впереди, срывов не было, хотя у каждого нервы были напряжены до крайности (лишь раз пришлось остудить горячие головы группы молодых рабочих, которые, вооружившись латунными трубами, готовы были броситься в драку с ворвавшимися на территорию посольства китайцами).

Могу только благодарить судьбу за то, что в это трудное время мне довелось работать с таким патриотически настроенным, сознательным коллективом, глубоко понимавшим свою ответственность перед Родиной. Все эти лучшие качества наших людей в полной мере проявились в тяжелые августовские дни. Особо подчеркну в связи с этим, что главное неотъемлемое качество любого работника заграничной службы – от посла до разнорабочего – патриотизм. В этом вопросе, по моему глубокому убеждению, не может быть никакой идеологизации, никакого плюрализма мнений.

К середине месяца подъезд к посольству, его ограда, стены прилегающих домов вновь были обезображены враждебными нашей стране лозунгами, плакатами, карикатурами. По репродукторам стали повторяться всякого рода проклятия. В городе была сожжена принадлежавшая посольству автомашина «Волга». Действия «революционных масс» в отношении посольства строго контролировались китайскими военными, число которых заметно возрастало. Дороги и переулки, ведущие к нашей территории, были перекрыты солдатами, причем перед воротами обычно стояли три цепочки. Однажды наши сотрудники видели, как солдаты избивали хунвэйбинов, пытавшихся по своей инициативе пробраться к посольству без указания властей.

Однако, когда 14 августа хунвэйбины поехали по периметру территории посольства на грузовике, наполненном булыжниками, которыми они выбивали окна служебных и жилых помещений, китайская охрана им не препятствовала: эти действия явно были санкционированы (всего в этот день у нас было выбито две сотни стекол).

Так же вели себя солдаты и 17 августа: они почтительно расступились и пропустили организованную толпу, которая, самочинно открыв ворота, вторглась на территорию посольства.

Как только начался налет, сотрудник посольства Д.А. Байдильдин от моего имени позвонил в МИД КНР, проинформировал о происшествии, передал официальный протест посольства и мое требование о незамедлительном принятии мер для прекращения бесчинств и удалении с территории посольства налетчиков. Поскольку китайские официальные власти никаких мер по защите посольства не принимали, периодически я поручал ему вновь и вновь звонить в МИД КНР. В ответ Байдильдин слышал одну и ту же

фразу: «Не провоцируйте революционные массы». Бравший трубку отказывался назвать свое имя, но по голосу можно было узнать одного из крупных китайских дипломатов, специалиста по советско-китайским отношениям. Не знаю, какой смысл он вкладывал в свои слова, но для меня они звучали как предупреждение: главное в тот момент состояло в том, чтобы не дать поводов для расширения акции. Нападавшие вели себя демонстративно вызывающе. Однако их поведение свидетельствовало, что они имели инструкции не переступить без видимого повода определенные, заранее очерченные им границы и не вторгаться в главное здание посольства. Чтобы пойти на это, им нужен был предлог. Они махали руками, галдели, били стекла, кое-где уцелевшие после 14 августа, ворвались в здание Консульского отдела, вытащили оттуда документы, радиоприемники, мебель и стали их жечь на кострах, разведенных во дворе посольства. На центральной клумбе против главного здания посольства был водружен портрет Мао Цзэдуна. Эти и другие подобные действия явно были рассчитаны на то, чтобы спровоцировать драку. Однако, сколько ни старались нападавшие, никакой «зацепки» они так и не получили. Убедившись в этом, налетчики строем покинули территорию посольства. Находившиеся за воротами резервы были разочарованы. Во время нападения наши товарищи вели себя достойно, строго следовали заранее разработанному плану, что, собственно, и предопределило провал провокации. Среди наиболее отличившихся был молодой рабочий Мордыхин, дежуривший в тот день у ворот посольства. В будку, где он находился, летел град камней и кусков битума. Мордыхин не терял самообладания, действовал строго в соответствии с инструкцией. Укрывшись за выступом в стене, он по телефону докладывал обстановку вплоть до того момента, пока его грубо не вытолкали из будки. Покидая свой пост, он сумел унести с собой документы и ключи. Когда я доложил о его поведении, из Москвы пришло сообщение, что за проявленное мужество и выдержку он удостоен правительственной награды. Это было с удовлетворением встречено коллективом, и особенно его коллегами – молодыми рабочими.

Хорошо сработала в тот день группа водителей во главе с начальником гаража Пимкиным. Китайские налетчики намотали на горловины бензобаков двух автомашин тряпки и подожгли их. Однако задерживаться у этих факелов не стали, так как побоялись взрыва. Этим воспользовались наши товарищи, которые не без риска для себя сорвали горящие тряпки и спасли таким образом обе автомашины. Много добрых слов можно сказать и о других наших сотрудниках, переживших события 17 августа.

Подводя итоги состоявшегося нападения, мы не сомневались, что за ним должна последовать какая-то масштабная акция. Спрашивается, что реально получили от налета на посольство 17 августа его организаторы? Я пытался мысленно поставить себя на их место и проанализировать, каков, по их понятиям, мог быть выигрыш, чего они достигли в результате этой акции. Сколько я ни просчитывал вариантов, выходило одно: это была чистой воды провокация, рассчитанная либо на срыв с нашей стороны в посольстве, либо на ответную акцию против китайского посольства в Москве. Другими словами, организаторы налета искали повода для крупной диверсии в отношениях с СССР. Однако они его не получили.

Может быть, китайские историки когда-нибудь доберутся до документов того времени и дадут более точный ответ на этот вопрос. Но тогда нам было не до истории. Мы подводили итоги наших действий, обдумывали, как вести себя в ходе возможного более серьезного налета. Позднее в Москве мне говорили, что кое-кто в руководстве МИД до 17 августа усматривал в тревожных сообщениях посольства излишний «алармизм», однако последующие события заставили сторонников этой точки зрения прикусить язык.

На всех, разумеется, произвело впечатление то, что произошло через несколько дней с британским посольством в Пекине, возглавлявшимся тогда поверенным в делах г-ном Хопкинсом. Через день-два после налета на наше посольство он мне позвонил и сказал, что хотел бы нанести визит. Поскольку мы еще не успели привести в порядок после налета парадный въезд в посольство (а продемонстрировать англичанину последствия погрома мне не хотелось), я принял его в здании нашего торгпредства. Хопкинс сообщил, что получил назначение на должность британского посла в одну из стран Латинской Америки и в ближайшее время покинет Пекин. Он выразил сочувствие по поводу нападения на наше посольство и с присутствующим многим англичанам апломбом заявил: «Вот с нами, британцами, этого никогда не произойдет».

Однако через пару дней, отправляясь на очередное протокольное мероприятие, я обратил внимание на то, что несколько сот китайских солдат из числа тех, которые постоянно концентрировались вокруг нашего посольства, бросились к грузовикам и стали спешно в них запрыгивать. Первая мысль, которая у меня появилась: а не начнется ли в мое отсутствие новое нападение на наше посольство и не стоит ли мне поскорее возвращаться? Но, убедившись, что грузовики с солдатами куда-то уезжают от посольства, я понял, что что-то происходит в другом месте. Прибыв на протокольное мероприятие, от дипломатов, проживавших в дипломатическом квартале «Вайцзяо далоу», я узнал, что китайские «революционные массы» только что сожгли дотла здание находившегося там британского посольства. Г-н Хопкинс оказался под, своего рода,

домашним арестом: покидать место жительства ему разрешалось только в сопровождении многочисленной китайской вооруженной охраны, а для посещения других посольств он должен был за два дня спрашивать разрешения у МИД КНР.

Впрочем, юмор не покидал англичанина и в этой обстановке. На приемах он шутил, обращаясь к главам других посольств: «Ни у одного из вас нет гарантии личной безопасности, а меня сопровождает целый отряд защитников».

Приблизительно в это же время состоялось нападение на монгольское посольство.

Нарастание актов вандализма в отношении иностранных представительств, естественно, стало все больше беспокоить дипломатический корпус. Налет на наше посольство слишком острой реакции в нем не вызвал: все знали, что советско-китайские отношения находятся на пределе, некоторые считали, что неприятности между нами и китайцами – в порядке вещей. Однако то, что произошло с англичанами, показывало, что никто не застрахован от подобной участи.

Вскоре после сожжения британского посольства ко мне неожиданно приехал советник-посланник посольства Франции П. Серль. Он предложил устроить коллективный демарш дипкорпуса в Пекине с осуждением действий китайских властей по отношению к иностранным представительством. Причем сделать это, говорил он, надо сегодня, поскольку на следующий день мог вернуться в Пекин дуайен дипкорпуса посол Камбоджи, который наверняка откажется от осуществления демарша и таким образом предотвратит его. От меня требовался немедленный ответ.

Обдумав ситуацию, я отклонил это предложение, сославшись на то, что советская сторона уже опротестовала действия китайцев на более высоком уровне. Я был убежден, что протест дипкорпуса положительных результатов не даст, но может быть использован для разжигания ксенофобии китайскими экстремистами. Другое дело, если бы своим демаршем мы могли поддержать какие-то трезво мыслящие силы в китайском руководстве. Но было не меньше (а скорее даже больше) шансов на то, что мы им только навредим. Не исключено, что если бы я поддержал предложение П. Серля, то последующие события в советско-китайских отношениях приняли бы более зловещий оборот.

К тому времени ксенофобия превратилась чуть ли не в официальную идеологию в Китае, ее лишь прикрывали, как фиговым листком, красными тряпками хунвэйбиновских и цзаофаневских повязок.

Поэтому тут необходимо было проявлять максимальную осторожность и осмотрительность.

Коль скоро речь зашла о ксенофобии китайцев и их враждебности к нашей стране, считаю, однако, долгом, к чести лучших представителей китайской нации, сказать, что нередко тут многое преувеличивается.

Не отрицая известных фактов о зараженности значительных слоев китайского общества дурманом вражды к северному соседу и другим народам, в то же время на основании личного опыта могу засвидетельствовать, что этот дурман не был всеобщим даже в годы «культурной революции», когда ее инициаторы апеллировали к самым низменным чувствам нации, которая на протяжении многих столетий была задавлена тяжелым покрывалом феодализма.

Конечно, общался я преимущественно с китайским чиновничеством и интеллигенцией. Показателем их настроений было не только то, что они говорили, но и то, как они себя вели. Кстати, несколько раз мне доводилось слышать комплименты совершенно незнакомых китайцев в адрес нашей страны. Например, в первой половине 60-х годов в пекинском универмаге ко мне подошел сравнительно молодой китаец и, убедившись, что я советский гражданин, сказал: «Я знаю, как много помогала нам ваша страна в развитии геологии. Передайте благодарность от нас, китайцев, Советскому правительству». Произнес он все это быстро, негромко и тут же исчез. Такие случаи были не единичны.

Что касается рабочих и крестьян, то с ними мне беседовать приходилось немного. Об их настроениях я больше узнавал из печати, косвенных источников. Но были и личные наблюдения. Когда, например, рабочих пекинских предприятий приводили к посольству демонстрировать свой гнев «советским ревизионистам», они у наших ворот, подчиняясь командам, кричали, неистовствовали, размахивали лозунгами. Но стоило им отойти на некоторое расстояние – и картина менялась: пропуская машину с советским флагом, они не только не проявляли никакой враждебности, но и нередко вели себя дружелюбно, улыбались, помахивали руками в знак приветствия.

Можно сказать, что эти и подобные им наблюдения носят случайный характер, что они вряд ли могут стать базой даже мало-мальски серьезного социологического исследования. Безусловно, это так. Но, с другой стороны, нельзя списывать со счета те факты, примеры которых здесь приведены, особенно если учесть, что они были на протяжении ряда лет неременной составной частью китайского политического пейзажа.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОГРОМ

Каковы бы ни были истинные настроения китайских трудящихся, не они в 1967 году определяли характер и накал акций, которые планировали и проводили заправилы «культурной революции». Мы в посольстве исходили из того, что за налетом 17 августа последует более серьезная акция. Знали точно и дату, когда она должна последовать, – 29 августа. В Китае эта дата еще ранее была объявлена «днем борьбы с ревизионизмом».

Организаторы предстоящей акции готовились к ней открыто, на этот раз даже не пытались маскировать свои намерения. В дополнение к обычному «оформлению» наших ворот и прилегающих к посольству домов и заборов (новые лозунги, «дацзыбао» и пр.) в противоположном конце переулочка, ведущего к посольству, был сооружен большой деревянный помост, который, судя по всему, должен был служить Голгофой для нас, «представителей современного ревизионизма». Особо настораживало, что подтягивались дополнительные подразделения китайских солдат. Было ясно, что на этот раз дело не ограничится сожжением мебели и документов Консульского отдела, водружением на клумбе портрета Мао и попыткой поджога двух автомашин. Вернее всего, планировались действия, по своей дикости, масштабности и политическому звучанию намного превосходящие акцию против англичан. Во всяком случае, мы к такому исходу все, что могли, подготовили.

Вечером 28 августа китайцы все еще трудились не покладая рук. Ближе к полуночи мне доложили (в те дни я ночевал в кабинете, чтобы иметь в любой момент доступ к линиям связи и возможность управлять ходом событий), что прибыли какие-то легковые автомашины, и все затихло. Но вскоре работа вновь закипела. Потом опять пауза. Все свидетельствовало о том, что произошел какой-то сбой, видимо стали поступать противоречивые указания. Наконец к рассвету стало ясно, что планы организаторов изменились. К ранее развернутому непосредственно у посольства заслону военнослужащих прибавился еще один заслон из солдат – в 50–100 метрах от посольства. Когда повалили многотысячные «революционные массы», которые, видимо, еще не успели предупредить об отмене акции, этот выдвинутый вперед второй заслон военнослужащих их не пропускал, а направлял в проулок, ведущий в сторону от посольства. Те из демонстрантов, которые предвкушали увидеть грандиозное представление и, видимо, собирались принять в нем участие, явно были раздосадованы, грозили кулаками, но перед лицом военных ничего поделать не могли. Им пришлось идти туда, куда им приказывали. Наконец в середине дня шествие хунвэйбинов окончилось и из дворов, домов, закоулков стали выходить и строиться военнослужащие. Мы были удивлены их огромным количеством: они уходили и уходили колоннами, одна за другой.

Итак, погром советского посольства не состоялся. Интуиция подсказывала, что речь шла не о переносе сроков, а об его отмене. Спустя какое-то время помост разобрали, так и не использовав его по назначению. Что же произошло? Что помешало всесильной «Группе по делам культурной революции» осуществить задуманное? В поисках ответов мы в дополнение к имевшейся информации собирали материалы из официальной и хунвэйбиновской печати, зарубежные публикации, беседовали с наиболее информированными иностранцами в Пекине.

Складывалась такая картина. В 1967 году в «Группе по делам культурной революции» сформировалось крыло «лево»-экстремистского толка в составе Ван Ли, Гуань Фэна и Ци Бэньюя, за которыми стояли Кан Шэн, Цзян Цин и Чэнь Бода. Эта группа контролировала известную тогда в китайской столице цзаофаневскую организацию «16 мая», которая служила ее орудием.

Среди деятелей, против которых Ван Ли и К^о направляли свои главные удары, был министр иностранных дел Чэнь И, который был не из тех, кто мог только поддакивать. Он заслуженно считал себя таким же ветераном, как и Мао Цзэдун, мог позволить себе недостаточно почтительные высказывания о нем. Чэнь И неодобрительно относился к бесчинствам хунвэйбинов и цзаофаней, выступал против вовлечения в «культурную революцию» армии. Неудивительно, что он был репрессирован одним из первых, причем вместе со всей своей семьей.

Группа Ван Ли, Гуань Фэна и Ци Бэньюя с помощью хунвэйбинов и цзаофаней захватила власть в МИД КНР и оттуда руководила враждебными мероприятиями против иностранных посольств. Одновременно она предприняла действия, резко настроившие против нее военных. Дело дошло до того, что в июле при посещении Ухани Ван Ли был арестован командующим местным военным округом Чэнь Цзайдао за подстрекательство и поддержку нападавших на него хунвэйбинов. Ван Ли не без труда был вызволен Чжоу Эньлаем, которому Мао Цзэдун поручил уладить инцидент.

Столкновение «революционеров» с военными сильно обеспокоило «великого кормчего». Он лично посетил Ухань, а по возвращении оттуда в последние дни августа распорядился репрессировать Ван Ли, Гуань Фэна и Ци Бэньюя. По слухам, на таком решении настаивали, каждый по своим соображениям, Чжоу Эньлай и Линь Бяо.

В первые дни сентября я был приглашен Чжоу Эньлаем на обед, устроенный им в честь именитого

иностранного гостя. Во время традиционного представления дипломатов главе китайского правительства (а с ним к тому времени мы были знакомы более 10 лет, еще со времен работы в Пекине посла П.Ф. Юдина) он задержал мою руку и стал с интересом молча рассматривать меня, как бы спрашивая: «Ну и как? Обошлось?» Мы слегка улыбнулись друг другу. После небольшой паузы, во время которой за нами пристально наблюдали все присутствовавшие, заведующий протоколом представил Чжоу Эньлао следующего дипломата.

После устранения из «Группы по делам культурной революции» Ван Ли, Гуань Фэна и Ци Бэньюя, о чем было объявлено официально, жизнь дипломатов в Пекине стала более спокойной. Если против них и предпринимались какие-то акции, то они проводились в более цивилизованной форме.

В октябре в Пекин вернулся Ю.И. Раздухов, а я в конце года получил разрешение выехать домой.

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ГРАНИЦЕ

По возвращении в Москву мне предложили занять должность эксперта-консультанта в Отделе печати МИД СССР. Круг моих обязанностей был определен таким образом, что в него входили и китайские дела, и целый ряд других вопросов. Такой вариант меня весьма устраивал, поскольку у меня не прерывалась ставшая профессиональной связь с Китаем, и в то же время значительно расширился кругозор, появлялась возможность посмотреть на мир в целом, предметнее ознакомиться с практикой приема высоких иностранных делегаций, с работой с советскими и иностранными корреспондентами и т.д.

И все же китайские дела надолго меня не отпустили, причем на этот раз они обернулись для меня пограничной проблемой.

Испокон веков вопрос о прохождении линии границы часто становился игрушкой в руках нечестных политиканов, рвущихся к власти или теряющих ее в силу своей некомпетентности. Используя пограничные проблемы, они дурачат малоискушенных в политике людей, манипулируют общественным мнением, выдают себя за истинных поборников национальных интересов, а своих оппонентов – за их противников и на этом основании требуют себе максимальной власти. Попутно они добиваются выгодного для себя решения практических вопросов – дополнительных ассигнований, льгот и т.п.

Испокон веков за все эти художества расплачиваться приходилось кровью и потом простому народу – мирным жителям, солдатам, честно служащим своей Родине и свято выполняющим свой долг.

Почему приходится повторять эти банальные истины?

Да потому, что без напоминания о них нельзя понять того, что произошло на реке Уссури 2 марта 1969 г. Я знаю об этих событиях не только по материалам СМИ, но и по личным беседам с их непосредственными участниками.

Утром 2 марта группа советских пограничников, которая несла охрану государственной границы в районе погранпункта Нижне-Михайловка, продвигалась на бронетранспортере по реке Уссури. Увидев на острове Даманском (китайское название – Чжэньбао дао) китайских военнослужащих, часть пограничников во главе с офицером сошла на лед и направилась к острову заявить протест и потребовать, чтобы нарушители покинули советскую территорию. В прошлом это уже бывало не раз. Китайские пограничники обычно отвечали аналогичным требованием к нашим людям. Разговор часто шел на высоких тонах, но к оружию или к угрозе его применения ни та, ни другая сторона не прибегали. Однако на этот раз, подпустив к себе советских пограничников, китайские военнослужащие неожиданно в упор их расстреляли.

Увидев это, сержант Бабанский, оставшийся за старшего на бронетранспортере, приказал открыть по нападавшим пулеметный огонь. При поддержке бойцов, прибывших на подмогу с соседней заставы, наши пограничники изгнали китайцев. Спустя 12 дней несколько сотен китайских военнослужащих вновь вышли на Даманский, однако получили отпор с советской стороны и покинули остров, понеся значительные потери. Убитые и раненые были и у советской стороны, которая потеряла, в частности, один танк.

Естественно, в пропаганде обеих стран, как и в мировой печати, поднялся большой шум. Не перечисляя и тем более не пересказывая публикации того времени, отмечу лишь, что китайцы пытались изобразить дело так, будто события на Даманском – результат унаследованной от прошлого территориальной проблемы между нашими странами. В советской же печати говорилось о том, что происшедшее – проявление притязаний Китая на советские территории.

Возьму на себя смелость утверждать, что существо дела было ни в том и ни в другом. С точки зрения территориального размежевания о Даманский не представлял никакого интереса. Как свидетельствуют документы, опубликованные в китайской печати, его судьба была predeterminedена еще в ходе советско-китайских консультаций по уточнению линии границы 1964 года. Тогда было достигнуто взаимопонимание,

что при окончательном размежевании этот остров, расположенный вблизи китайского берега, отойдет к Китаю (в одном пакете с договоренностью по другим участкам). Стало быть, согласно всем существующим юридическим канонам, до этого он оставался под контролем советской стороны. Строго говоря, предмета спора уже не было, оставался лишь вопрос времени. Поэтому корень происшедшего – не в территориальном вопросе, а в жестоком расстреле советских пограничников.

Был и остаюсь убежденным в том, что истинные причины военных действий в районе Даманского состояли в стремлении их организаторов создать благоприятный, с их точки зрения, климат для проталкивания на проходившем весной 1969 года IX съезде КПК решений, закреплявших за министром обороны Линь Бяо положение ближайшего соратника, заместителя и наследника Мао, а за военными – особую роль в жизни страны. Именно поэтому и Линь Бяо, и близким к нему военным требовалось найти случай зарекомендовать себя беззаветными защитниками китайской нации и ее интересов, а заодно вновь взвинтить напряженность в советско-китайских отношениях. Разумеется, такое решение принималось не без ведома Мао Цзэдуна.

Место для такой операции было выбрано весьма продуманно: ее инициаторы могли быть заранее уверенными, что Советский Союз не начнет большую войну из-за острова, который уже намечался для передачи китайской стороне. К тому же опубликование китайцами материалов пограничных консультаций 1964 года, относящихся к Даманскому, сбивало с толку многих иностранных наблюдателей, которые не могли понять, из-за чего же тогда разгорелся весь сыр-бор.

Такими представляются мне истоки и суть трагедии, разыгравшейся в марте 1969 года на р. Уссури. Желанием сохранять накал в отношениях с СССР и еще раз продемонстрировать роль возглавляемой Линь Бяо армии как защитницы китайской нации, по-видимому, объяснялись и инциденты, произошедшие летом того же года в районе р. Тасты и поселка Жаланашколь (Семипалатинская область). Причем, как мне рассказывали знакомые советские пограничники, действия китайских военнослужащих – нарушителей выглядели удивительно неграмотными в военном отношении: они действовали так, будто их кто-то специально подставлял под огонь советских пулеметов на открытой местности.

1967–1969 годы вошли в историю отношений между СССР и КНР как самые темные страницы.

Враждебность достигла своего апогея. Дальше была бездна. Необходимо было, говоря словами китайской поговорки, «осадить коня на краю пропасти».

ГЛАВА III

ПОИСКИ НОРМАЛИЗАЦИИ

По мере разрастания советско-китайского конфликта и в Москве, и в советском посольстве в Пекине стали задумываться над тем, каким образом вернуть советско-китайские отношения в нормальное русло. Вначале ссора казалась настолько немислимой, что лишь немногие могли себе представить, как далеко могут завести небольшие, на первый взгляд, разногласия по частным, тем более теоретическим вопросам. Во всяком случае, ни у меня, ни у моих коллег – товарищей по посольству не возникало серьезных опасений на этот счет. Мы не допускали такой мысли, считая происходящее скорее занимательным недоразумением, которое само по себе исчезнет вслед за окончанием явно неудачных китайских экономических экспериментов. На более высоких этажах дипломатической службы наверняка испытывали большее беспокойство по поводу происшедшего, но и там, видимо, надеялись, что обстановку удастся удержать под контролем. Судя по доходившим до нас разговорам, там рассчитывали, что, столкнувшись с печальными результатами собственных ошибок, китайцы сами найдут способ исправить положение. Такие рассуждения базировались на предпосылке, что в принципе взаимоотношения строятся правильно, и у китайцев нет более достойного выбора, чем поддержание союзнических отношений с СССР и получение от нашей страны необходимой помощи в строительстве современной экономики.

Однако последующий ход событий показал, что те, кто разделял подобного рода рассуждения, глубоко заблуждались. Первая половина 60-х годов характеризовалась кризисом в наших межпартийных отношениях, которые КПК порвала по своей инициативе. Во вторую половину того же десятилетия встал вопрос о выводе из кризиса уже наших межгосударственных отношений. Этот кризис серьезно угрожал нашим национальным интересам.

ОТЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Затягивание конфликта привело к тому, что на вопросы, вызывавшие разногласия по существу, стали наслаиваться дополнительные обстоятельства, еще более загонявшие дело в тупик.

Главным среди таких обстоятельств было, по моему мнению, усилившееся переплетение внутривнутриполитической борьбы в КПК с политикой партии в отношении КПСС и Советского Союза. Несогласие со «скачком», «малой металлургией», коммунами и прочими экспериментами стало истолковываться в КПК как проявление «иностранный», то бишь советского, влияния, просоветской ориентации. Доброе отношение к нашей стране могло, особенно после лушаньского пленума ЦК КПК, дать основание подозревать всякого, у кого оно проявлялось, в нелояльности по отношению к Председателю ЦК КПК. Этот узел, блокировавший любое мало-мальски серьезное продвижение вперед в отношениях Пекина с КПСС и Советским Союзом, так и остался не разрубленным вплоть до смерти Мао Цзэдуна.

Существенную роль сыграло и другое обстоятельство. Перечитывая сегодня наши письма, заявления, обращения к ЦК КПК, нетрудно убедиться в их строгой ортодоксальности. Все они исходили из борьбы двух лагерей (двух систем) как основы послевоенного построения системы международных отношений. Четко обозначалась и общепринятая среди коммунистов структура социалистического лагеря. Все рассуждения базировались на уже известных догматах о партийности внешней политики социалистических стран, об идеологическом единстве как основе их сплоченности и т.д. Никаких принципиально новых подходов не предлагалось. Иными словами, болезнь рекомендовалось лечить теми же лекарствами, с приема которых она началась. К глубоким поискам и освоению новых средств стороны еще не были готовы.

Затяжной характер советско-китайского конфликта вел к постепенной перестройке на антикитайский лад деятельности советских партийных, государственных и общественных организаций. Тон задавал Отдел ЦК КПСС, занимавшийся связями с коммунистическими партиями социалистических стран. В начале 60-х годов кадровый состав Китаеведов Отдела ЦК значительно обновился с учетом потребностей времени. Не вдаваясь в личные характеристики и мотивы поведения отдельных работников, необходимо подчеркнуть, что их функциональные обязанности предусматривали защиту линии партии, выработанной на XX–XXII съездах, и оказание надлежащего отпора всем ее противникам. А поскольку главные оппоненты этой линии находились в Чжуннаньхае, то, вполне естественно, важнейшим мериллом эффективности работы Отдела была результативность полемики с китайскими идеологами. Поэтому не вызывало удивления стремление Отдела добиваться максимально возможного на этом направлении, привлекать к этой работе другие организации, собирать, где только возможно, аргументы и факты, необходимые для полемики.

Однако со временем в работе Китаеведов Отдела ЦК стал ощущаться все более явный пережест. Я это стал замечать во время посещений Отдела в 60-е и особенно в 70-е годы, когда бывал в отпуске. Сообщения о том, что в действительности происходит в Китае, и размышления о путях урегулирования отношений с КПК и КНР в аппарате мало кого интересовали. От меня лишь требовали присылать больше негативных материалов о КПК, КНР и их лидерах. Когда же я по собственной инициативе поднимал вопрос о поисках путей к нормализации положения, мне говорили, что для посольства это, дескать, неактуально, что если в поведении китайцев появится что-то позитивное, то это и так будет замечено в Москве, а задача посольства – предупреждать об опасностях, исходящих из Китая, для нашей партии и страны. Для пущей убедительности один раз мне было полушутя указано на мощный сейф в начальственном кабинете и сказано, что у китайцев сейфы не меньше и в них могут храниться очень страшные для нас вещи.

Из всего этого приходилось делать печальный вывод, что в сложившейся обстановке это важное подразделение аппарата ЦК КПСС не стало тем штабом, который вырабатывал бы рекомендации для руководства партии и страны о принципиальных направлениях и средствах нормализации советско-китайских отношений и в конечном счете нашей борьбы за Китай. А именно такого штаба, по моему убеждению, нам не хватало для координации работы в стране и за рубежом по претворению в жизнь партийных решений, неоднократных заявлений руководителей КПСС и Советского правительства о желании улучшить отношения с КПК и Китаем.

Есть еще одна тонкость, о которой здесь необходимо сказать, чтобы все было ясным для современного читателя, возможно уже позабывшего или вообще плохо себе представляющего реальности тех, теперь уже довольно далеких, лет. Говоря о борьбе за Китай, мы непременно добавляли или подразумевали: «за социалистический Китай». Однако наши с китайцами представления о социализме расходились, и обе стороны давали резко негативные оценки политическим режимам друг друга (у меня нет ни необходимости, ни желания воспроизводить здесь оскорбительные выражения, которые для этого использовались).

Взаимные выпады переносились и на их взаимоотношения, содействуя созданию тупиковой ситуации. Время, однако, сняло этот вопрос: теперь ни китайцы, ни мы не пытаемся учить друг друга, как надо жить. В итоге устранено серьезное препятствие на пути к нормализации советско-китайских отношений.

Обо всем этом надо помнить не только для понимания прошлого, но прежде всего для того, чтобы извлекать уроки на будущее.

«А МЫ И ЕСТЬ СВЕРХДЕРЖАВА...»

Что нам мешало восстановить дружественные связи с Китаем? Из перечня ответов на этот вопрос, которым была заполнена наша пресса, часто выделялся такой: «великоханьский шовинизм»! И в этом была правда. Но когда критикуешь другого, будь откровенен и перед самим собой. А разве у нас, в то время грозной страны-гиганта, не было аналогичного недостатка? Уж если вспоминать те времена, то можно, не кривя душой, сказать: мы потому и разорили свою страну, что нам нравилось сначала стучать ботинком по трибуне ООН, а затем предупреждать весь мир, что без участия СССР не может быть решена ни одна мировая проблема... Ну и, конечно, подкреплять эти заявления раздуванием военной мощи, посылкой войск в другие страны, наполнением нашими деньгами чужих карманов с дырками и т.д.

Китайцы, разумеется, это бахвальство быстро засекли и пустили в ход тезис о том, что СССР превратился во вторую «сверхдержаву» и намерен вместе с США вмешиваться в дела других народов, третировать их и т.д. и т.п. Ярлык «сверхдержава» стал на нас навешиваться в Китае изо дня в день. Наши средства массовой информации стали вырабатывать ответную линию.

Случилось так, что я в это время был в Москве и влиятельный еженедельник «За рубежом» обратился ко мне с предложением (в годы работы в Москве я довольно часто выступал в СМИ под разными псевдонимами) написать статью, опровергающую такие нападки пекинской пропаганды.

Статья была написана, редактор, заказавший мне ее, сообщил, что она ему понравилась, уже набрана и будет помещена в одном из ближайших номеров. Но... этого не произошло. Друзья потом мне рассказали, что то ли главный редактор, то ли его заместитель решили перестраховаться и «посоветоваться» по этому вопросу с одним из руководителей нашей внешней политики. В ответ он услышал: «А мы и есть сверхдержава». Вот так! Говори теперь, что китайцы возводят на нас напраслину!

Спрашивающий не пояснил, как китайская пропаганда интерпретирует этот термин и с какими издержками это связано для нас, а отвечавший не счел нужным пояснить, какой смысл вкладывает он в это понятие.

Само собой разумеется, что ни о каком объяснении с китайской стороны, ни о внесении коррективов в нашу позицию тогда не могло быть и речи. Это не имело никакого смысла: целью пропагандистской войны Пекина было не выяснение истины, а демонстрация нам, китайскому народу и не в последнюю очередь США, Японии и западноевропейским странам непримиримости в отношении КПСС и Советского Союза.

НАЧАЛО ПЕРЕГОВОРОВ ПО ПОГРАНИЧНОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ

В сложный период, когда словесные баталии и провокационные наскоки на посольство и другие советские учреждения дополнились пограничными конфликтами с применением оружия, советское руководство сохраняло выдержку и проявляло политическую мудрость. Давая адекватный в целом отпор полемическим и вооруженным нападениям, оно в то же время настойчиво, вновь и вновь, как это уже было в 1954, 1965 и 1966 годах, призывало китайскую сторону пойти на проведение двусторонней встречи на высоком уровне. На переговорах представителей правительств СССР и КНР предлагалось, оставляя в стороне идеологические разногласия, рассмотреть принципиальные проблемы отношений двух стран по государственной линии, обменяться мнениями о путях ослабления напряженности, обсудить вопросы торгового, экономического, научно-технического и культурного сотрудничества.

Последнее такое предложение было сделано Советом Министров СССР Государственному совету КНР в конце июля 1969 года. Неизвестно, сколько бы времени китайцы протянули с ответом и вообще стали бы они отвечать на него, но тут скончался вьетнамский лидер Хо Ши Мин и участвовавший в его похоронах Председатель Совмина СССР А.Н. Косыгин дал знать китайской стороне, что на обратном пути из Ханоя он хотел бы залететь в Пекин для того, чтобы встретиться и поговорить с главой китайского правительства. Такое предложение, видимо, вызвало споры в китайских верхах, и ответ от них долгое время не поступал. А.Н. Косыгину ничего не оставалось, как возвратиться домой. Он решил лететь через Индию. Лишь когда он уже был в пути, пришло известие о согласии китайского премьера встретиться с главой Советского правительства.

Встреча состоялась 11 сентября 1969 г. на пекинском аэродроме. На этот раз она оказалась результативной. Было достигнуто согласие о некоторых шагах, направленных на снижение напряженности и нормализацию межгосударственных связей. Одна из наиболее важных договоренностей предусматривала принятие мер по оздоровлению обстановки на границе и начало переговоров по пограничному урегулированию.

Сразу же после встречи А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая на пекинском аэродроме обе стороны стали активно готовить необходимые для переговоров документы. У нас, разумеется, этой работой занимались, прежде всего, дальневосточники, но им помогали и другие подразделения МИД, в том числе Отдел печати, где я

тогда работал.

Как-то в первой половине октября 1969 года заведующий отделом поручил мне подготовить материалы, которые могли потребоваться для печати в связи с предстоящим отлетом в Пекин советской правительственной делегации, главой которой был назначен первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов. Когда проекты были готовы, я отнес их в секретариат В.В. Кузнецова, но его помощник Э.Н. Зверев сказал, чтобы я показал ему их сам.

В.В. Кузнецов, посмотрев и утвердив проекты, вдруг спросил меня: «А как получилось, что тебя не оказалось в списке делегации?» Я ответил, что при формировании делегации, насколько мне известно, речь обо мне вообще не шла, поскольку я сменил направление своей деятельности. «Это недосмотр, – сказал заместитель министра. – Собирайся и через неделю полетим вместе в Пекин». И действительно, вскоре мне объявили, что я прикомандирован к делегации в качестве ее советника, а еще через пару месяцев был официально включен в число членов правительственной делегации.

Переговоры, о которых идет речь, в определенном смысле были призваны стать заключительным этапом договорно-правового оформления территориального размежевания между Россией и Китаем, произошедшего в последние столетия. Китайские и советские историки по-разному оценивают характер документов, заключенных в прошлом веке Российской и Китайской империями. Тем не менее, обе стороны в принципе признают юридическую силу определенной ими границы.

Жизнь убедительно показала, что конкретное прохождение линии границы на ряде участков требует уточнения в целях приведения ее в соответствие с нормами современного международного права, с современными топографическими картами, с произошедшими природными изменениями и т.д. За этим должны были последовать (что, в конечном счете, и произошло, но только позднее, чем могло бы случиться при более благоприятных условиях) демаркация границы и установка пограничных столбов. Это было необходимо не только для создания условий, способствующих хозяйственному использованию речных и сухопутных участков границы, но и в первую очередь для того, чтобы снять напряженность, предотвратить новые столкновения и инциденты, обеспечить добрососедство, лишив всякого рода авантюристов и провокаторов предлогов ссорить народы наших стран с помощью так называемого «территориального вопроса».

Последний раз до этого стороны обсуждали прохождение линии границы в ходе консультаций, проходивших в 1964 году. Тогда советскую делегацию возглавлял командующий погранвойсками СССР П.И. Зырянов. Была проделана большая работа, однако она не завершилась подписанием какого-либо совместного документа, причем, как мне говорили участники переговоров, это произошло по вине не только китайской стороны. Позднее советская сторона неоднократно высказывалась за возобновление консультаций, однако до встречи глав правительств СССР и КНР это не находило поддержки у китайской стороны.

В тревожной обстановке 1969 года, когда, образно говоря, еще гремело эхо перестрелки на советско-китайской границе, трудно было рассчитывать, что китайская сторона легко пойдет на закрытие территориального вопроса. Влиятельные силы в Пекине были заинтересованы в том, чтобы сохранять участки, на которых было бы удобно при необходимости устроить новые локальные кровопролития, и чтобы внушать китайскому населению мысль о «захвате» Россией китайских земель и незавершенности по этой причине территориального размежевания.

Перед отлетом в Пекин мы кратко обсуждали эту проблему с бывшим послом С.Г. Лапиным, с которым я продолжал поддерживать отношения. Улыбаясь, он полушутя-полусерьезно высказал следующую пророческую мысль: «А знаете, что будет самым трудным на переговорах? Уговорить китайцев забрать те острова и участки, на которые они имеют все права. До поры до времени нынешнему руководству в Пекине выгодно, чтобы такие участки оставались у нас и мы не знали бы, что с ними делать, а они обладали бы свободой рук и могли делать все, что им захочется».

Открытие переговоров состоялось 20 октября 1969 г. в особняке МИД КНР в Пекине. С самого начала они приняли тяжелый, затяжной характер. Сказывались и общая обостренность атмосферы в советско-китайских отношениях, и сложность внутривосточной обстановки в Китае, и накопившееся недоверие сторон друг к другу.

Предсказание С.Г. Лапина, к сожалению, сбывалось. Китайская делегация – а ее возглавлял один из наиболее опытных китайских дипломатов, заместитель министра иностранных дел Цяо Гуаньхуа – напрочь отвергала советское предложение взять быка за рога и приступить к рассмотрению прохождения линии границы, по ходу дела решая, какой участок должен отойти к СССР, какой – к Китаю. Вместо этого она стала настаивать, чтобы все участки, по которым имеются расхождения в понимании того, где должна проходить линия границы, были признаны «спорными» и чтобы на них был установлен особый режим, включающий вывод войск.

Для нас такой вариант был неприемлем главным образом потому, что признание «спорным» того или иного пограничного участка или острова априори, без рассмотрения документов и аргументов сторон, давало нашим партнерам по переговорам возможность ставить под сомнение принадлежность любого участка границы вне зависимости от того, является ли он в действительности «спорным» или нет. Добившись признания таковыми значительного числа участков границы, они могли под влиянием каких-то причин или по умыслу прервать переговоры, оставив всю границу «в дырках» так надолго, насколько это им захочется. В иной обстановке предлагавшийся китайской стороной метод, возможно, и мог бы быть применим, но при том взаимном недоверии, которое тогда существовало, он был для нас совершенно непригоден. Китайцы стояли на своей позиции твердо. На все наши официальные и неофициальные предложения отвечали решительным отказом, настойчиво давая понять, что путь к соглашению может лежать только через признание «спорных районов».

Кого-либо другого такая позиция, может быть, и смутила бы или обескуражила. Но не В.В. Кузнецова. Не только в советском МИД, но и далеко за пределами нашей страны он пользовался репутацией мастера ведения переговоров. У него органически сочетались твердость в отстаивании позиций с поиском новых подходов и вариантов решения проблем. Не терпел он одного – рассуждений о заведомой обреченности и бесплодности переговоров.

В.В. Кузнецов был убежден, что разумное решение, в конце концов, пробьет себе дорогу, если только проявлять настойчивость и в то же время с пониманием относиться к законным интересам другой стороны. Будучи человеком широкого кругозора и большого государственного ума, он верил во взаимную заинтересованность СССР и Китая в прочном пограничном урегулировании и нормализации межгосударственных отношений.

Высокие гражданские и профессиональные качества В.В. Кузнецова как дипломата производили впечатление и на китайцев. Интересно и в какой-то мере забавно было наблюдать, как глава китайской делегации, сам будучи одаренным переговорщиком, перенимал опыт у своего советского партнера. Он нередко использовал приемы и методы, к которым на предшествующих встречах прибегал глава советской делегации.

В свою очередь, китайскую делегацию, видимо, немало забавлял звукозащитный метод, к которому мы вынуждены были прибегать. Когда глава делегации хотел ввести в свое выступление какой-то новый, заранее не обсужденный элемент, он предлагал провести краткий перерыв, выходил на середину зала, подзывая к себе заинтересованных лиц (обычно это были заместители главы делегации генерал В.А. Матросов, юрист-международник В.В. Насиновский и автор этих строк). Затем все остальные брали нас в кольцо, начинали рассказывать анекдоты и, главное, громко смеяться. Особенно умел заражать смехом пограничник Ю.Г. Ницын, человек жизнерадостный и хороший рассказчик. Метод глушения, конечно, был примитивен и со стороны выглядел, вероятно, очень смешно, но какую-то пользу он наверняка приносил.

По неписаному распределению обязанностей, сложившемуся в делегации, на меня было возложено составление проектов речей главы делегации на пленарных заседаниях, а также участие в подготовке информации и предложений для Москвы. Регулярные беседы с В.В. Кузнецовым были весьма поучительными. Каждую новую идею, которая ему предлагалась, даже если поначалу она ему почему-либо и не очень нравилась, он внимательно выслушивал, обдумывал, стараясь найти в ней рациональное зерно. Василий Васильевич не знал отдыха: казалось, что его мозг работал и когда он находился за рабочим столом, и когда «отдыхал», то бишь купался в бассейне или гулял по посольскому парку. Среди тем, обсуждавшихся с ним во время прогулок, наиболее часто фигурировали ссылки китайцев на мнимую советскую «военную угрозу». Китайцы даже делали такие заявления: вот мы сидим с вами за столом переговоров, а над столом незримо висит ваша атомная бомба. Если принять во внимание военное преимущество СССР над Китаем того времени, а главное – неустойчивое положение внутри КНР, то такого рода заявления могли производить определенное впечатление как внутри КНР, так и кое-где за ее пределами. Китайская делегация явно рассматривала тезис о «советской угрозе» как свой важный козырь и стремилась всячески его разыгрывать. Никакие аргументы советской стороны, опровергавшие этот вымысел, они не воспринимали.

В связи с этим следует отметить, что не только в ходе пограничных переговоров, но и при обсуждении других вопросов советско-китайских отношений китайские дипломаты весьма часто прибегали к излюбленному приему: изображать себя в качестве якобы в чем-то ущемленной или пострадавшей стороны. Это давало им повод настаивать на удовлетворении их требований «во имя восстановления справедливости». Так обстояло дело и с атомной бомбой, висевшей, дескать, над столом переговоров. По логике наших партнеров, советская делегация для того, чтобы доказать, что она не использует «военную угрозу», должна всего-навсего лишь принять все условия, которые выдвигает китайская сторона.

Мы, конечно, видели эту незамысловатую уловку. Необходимо было найти какое-то противоядие. Не помню,

кто первый выступил с этой идеей, но в любом случае с ранней весны 1970 года в ходе наших внутренних обсуждений все чаще стала фигурировать мысль о крупной советской инициативе, которая выбивала бы почву из-под китайских спекуляций. Особенно активную позицию по этому вопросу занимал Е.Н. Насиновский, которого я всемерно поддерживал. Вначале В.В. Кузнецов только слушал, задавал уточняющие вопросы относительно возможной формы этой инициативы, но своего мнения не высказывал. У меня складывалось впечатление, что глава делегации по каким-то причинам опасался негативной реакции Москвы на такое наше предложение. Тем не менее, он не возражал против включения в тексты направляемых в Москву информационных материалов положений, подводящих к пониманию необходимости таких шагов. Эти идеи Кузнецов, видимо, проговаривал и «наверху», когда бывал в Москве.

Во всяком случае, такие идеи постепенно стали находить свое отражение и воплощение в конкретных шагах советской стороны. 14 марта 1970 г. было опубликовано заявление ТАСС, опровергавшее провокационные слухи о якобы готовившемся нападении СССР на КНР. Вслед за тем 21 апреля в докладе, посвященном 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев дал резкую отповедь утверждениям о вымышленной угрозе Китаю со стороны Советского Союза.

В аргументации китайской стороны образовалась брешь, которую наша делегация стремилась расширять и использовать. Сопrotивляясь этому, делегация КНР продолжала изображать Китай жертвой военной угрозы со стороны СССР.

К лету у нашей делегации сформировалась идея о том, чтобы предложить Пекину заключить договор о неприменении силы. Побродив еще какое-то время в коридорах власти в Москве, эта мысль, в конце концов, материализовалась в проекте договора между СССР и КНР о неприменении силы, который 15 января 1971 г. был официально вручен советским послом заместителю министра иностранных дел КНР.

Продолжая эту линию, советская сторона предложила также Китаю заключить договор о ненападении, проект которого министр иностранных дел СССР А.А. Громько 14 июля 1973 г. передал китайскому послу Лю Синьцюаню. Сильной стороной этой акции было не только содержание проекта, который предусматривал обязательство не совершать нападения друг на друга с применением любых видов оружия на суше, на море и в воздухе, а также не угрожать такими нападениями. Важна была и ненавязчивая форма советской инициативы: выражалась, в частности, готовность провести по этому вопросу переговоры в Советском Союзе или Пекине по выбору китайской стороны, если, разумеется, для китайской стороны приемлема сама идея заключения такого договора. Это, пожалуй, был тот случай, о котором говорят, что в дипломатии зачастую именно тон делает музыку. Хотя наше предложение не было принято, оно, несомненно, работало на нас, причем как на историю, так и на перспективные интересы советско-китайских отношений.

Но все это происходило позже, когда я работал уже не в делегации, а в посольстве.

Что же касается неформальных бесед с В.В. Кузнецовым в бытность мою в составе делегации, то помню, что иногда в них затрагивался и такой вопрос, временами всплывавший на встречах с членами китайской делегации, как определение характера принципов, на которых должны в будущем строиться советско-китайские отношения. Китайская сторона соглашалась вести речь только принципах мирного сосуществования. Мы же доктринерски настаивали на том, чтобы в основу были положены принципы пролетарского, или социалистического, интернационализма. Последнее перечеркивало бы тезис китайской официальной пропаганды о том, что СССР более не является социалистической страной. Настаивая на ограничении наших взаимоотношений принципами мирного сосуществования, китайская сторона отводила от себя обязанность демонстрировать политическую солидарность с нами и «классовую взаимопомощь», которая могла напоминать им о событиях в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году.

Примечательно, что летом 1967 г. «Жэньминь жибао» вдруг с осуждением вспомнила о выступлении Пэн Дэхуая на Лушаньском пленуме ЦК КПК, где он, критикуя Мао Цзэдуна, якобы сказал, что (излагаю по памяти) если положение дел в Китае будет и дальше ухудшаться, то могут возникнуть беспорядки и придется приглашать советские войска.

В.В. Кузнецов слушал наши рассуждения на этот счет, но сам активного участия в них не принимал, ограничиваясь общими фразами. Он явно хотел по возможности обходить эту проблему, не относившуюся в прямой форме к теме переговоров.

К сожалению, летом 1970 года глава советской делегации неожиданно заболел, и ему пришлось вылететь в Москву для лечения. К этому времени стало очевидным, что, хотя китайская сторона и оценила пользу ведения переговоров с СССР, она еще не была готова к серьезному диалогу с выходом на далеко идущие компромиссы ради достижения взаимовыгодных результатов.

В этих условиях возвращать В.В. Кузнецова после лечения в Пекин не было смысла. Советское правительство назначило главой своей делегации заместителя министра иностранных дел СССР

Л.Ф. Ильичева, бывшего партийного работника, специализировавшегося на идеологических вопросах.

ПОСЛЕДНЯЯ КОМАНДИРОВКА В КИТАЙ

В конце 1970 года была удовлетворена моя просьба о возвращении в Москву. Я получил назначение на должность старшего советника Управления по планированию внешнеполитических мероприятий (УПВМ). Это было уникальное подразделение в рамках МИД. В нем сотрудников приучали критически мыслить, поощрялся поиск новых идей, плюрализм мнений.

В УПВМ было собрано много думающих, интересных людей, владеющих широкими познаниями в дипломатической науке и конкретным знанием своих регионов и направлений. Тогда возглавлял его заместитель министра В.С. Семенов, а повседневной работой руководил его первый заместитель И.И. Ильичев. Из китаеведов особо хочу упомянуть известного советского ученого и дипломата академика СЛ. Тихвинского, который тогда заведовал Азиатским отделом, и руководителя китайской группы А.А. Мартынова, посвятившего всю свою жизнь работе в области отношений с Китаем.

Сильные кадры были собраны на американском, европейском, разоруженческом и ближневосточном направлениях. Перед ними ставились большие задачи, и они с энтузиазмом занимались поиском конструктивных решений. Мы, китаеведы, по-хорошему завидовали им, ибо нам приходилось в основном заниматься выработкой оборонительных по своему существу планов мероприятий по противодействию враждебным акциям Пекина против СССР в различных частях мира. Заметный интерес к Китаю мидовское начальство проявляло главным образом лишь тогда, когда действия китайцев мешали осуществлению наших замыслов в отношении западных стран.

Другого от китаеведов УПВМ никто и не ждал. В этом не было ничего удивительного: мало кто задумывался, каким образом выйти из создавшегося положения в области советско-китайских отношений. Многие, как мне казалось, вообще не верили в возможность ослабления напряженности с Китаем в обозримом будущем.

Осенью 1972 года мне вновь предложили поехать в Пекин, на этот раз в качестве советника-посланника советского посольства. В китайскую столицу я прибыл с женой и сыном в последний день октября. 3 ноября корреспондент агентства Франс Пресс Жан Леклерк дю Саблон передал из Пекина сообщение, в котором мое прибытие трактовалось самым невероятным образом. Он утверждал, что советскому послу в Пекине и главе советской правительственной делегации на переговорах по пограничному урегулированию якобы даны инструкции ужесточить позицию в отношении китайской стороны, и что с этим, дескать, связано решение направить нового советника-посланника, дипломата, который был поверенным в делах в Пекине в самый острый период «культурной революции» и пользовался репутацией специалиста по улаживанию конфликтов.

Это был чистейшей воды вымысел. На самом деле все было гораздо проще и будничнее. После встречи А.Н. Косыгина с Чжоу Эньлаем на пекинском аэродроме стороны решили обменяться послами, которые покинули столицы принимавших их стран еще в самом начале «культурной революции». После сентябрьской встречи глав правительств 1969 года советская сторона, демонстрируя серьезность своих намерений, назначила своим послом в Пекин видного партийного и государственного деятеля, руководителя ленинградской парторганизации В.С. Толстикова.

Участник обороны Ленинграда, человек кипучей энергии, строитель по профессии, он со всей ответственностью взялся за выполнение нового поручения, в полной мере сознавая значение Китая в судьбах нашей страны. Ему, однако, в качестве заместителя требовался профессиональный дипломат с опытом работы в Китае. Сначала на эту должность был назначен И.И. Сафронов, но он вскоре уехал. Тогда выбор пал на меня.

Перед отъездом я постарался встретиться с людьми, которые либо непосредственно занимались Китаем в МИД и других советских учреждениях, либо могли поделиться знаниями и опытом более широкого плана. К числу последних относился Л.И. Менделевич, известный советский дипломат, бывший тогда послом по особым поручениям. Мы с ним познакомились, когда я работал в УПВМ. У нас установились добрые отношения, мы стали регулярно, хотя и не часто, встречаться, обсуждая текущие проблемы. Не знаю, в какой мере наши беседы были полезны для него, но меня они весьма обогащали. Особенно глубокое впечатление производили высказывания Л.И. Менделевича о «позитивной дипломатии», за которой, по его мнению, было будущее, в том числе и в наших отношениях с Китаем. Примечательно, что эти свои неординарные взгляды он излагал еще задолго до провозглашения созвучного им «нового мышления» М.С. Горбачева.

Запомнилась мне прощальная беседа с заместителем министра иностранных дел А.Г. Ковалевым,

сменившим В.С. Семенова на посту начальника УПВМ. Он был известен как специалист по европейским делам, а Китаем и вообще Востоком, насколько мне известно, никогда не занимался. С самого начала беседы он стал мне внушать, что конфликт между СССР и КНР не носит идеологического характера, а является выражением враждебного отношения китайского руководства к нашей стране. В этом смысле характеристика политики Пекина как «антисоветской» является неточной, поскольку ее объектом является не советский строй как таковой, а сама наша страна.

В сложном хитросплетении идеологии и политики, которое представлял собой советско-китайский конфликт, это было и правильно, и неправильно. Я, пожалуй, мог бы согласиться с такой постановкой вопроса, если бы речь шла о том, что наводить мосты с тем Китаем, который появится после «культурной революции», надо не путем нового тура идеологических баталий, а через восстановление и развитие взаимовыгодных межгосударственных отношений.

Боюсь, однако, что собеседника волновала не эта сторона дела. Его дальнейшие рассуждения все больше убеждали меня в том, что собеседника скорее интересовало не укрепление наших подорванных позиций в Восточной Азии, а аргументы в пользу более активного развития европейского процесса в качестве противовеса неудачам на китайском направлении. К сожалению, в этом в МИД он был далеко не одинок. Весьма содержательным был разговор с В.В. Кузнецовым. Он поздравил меня с назначением и обратил внимание на ответственность, которая лежит на советнике-посланнике советского посольства в этот тяжелый период наших отношений с Китаем. Далее разговор пошел о перспективах развития внутривластной обстановки в КНР и о ее влиянии на советско-китайские отношения. Китайское руководство, говорил В.В. Кузнецов, явно еще не устоялось, в нем в любой момент могут произойти перемены. Следовательно, политика Китая остается непредсказуемой даже на сравнительно короткий срок. Поэтому посольству надо внимательно следить за всем происходящим, чтобы советская сторона не упустила возможностей, которые могут открыться, или опасностей, которые ее могут подстергать.

В связи с тем, что в ходе беседы упоминался преклонный возраст и болезни ряда китайских руководителей, я спросил у Кузнецова, не будет ли у него каких-либо советов относительно линии поведения посольства в случае ухода кого-либо из них из жизни. Он сказал, что это важный вопрос и что посольству надо будет строго руководствоваться правилами протокола, не отклоняясь ни в ту, ни в другую сторону.

Кстати, в ходе состоявшихся у меня бесед ни от одного должностного лица я не слышал каких-либо высказываний об ужесточении советской политики в отношении Китая, о котором говорилось в сообщении пекинского корреспондента Франс Пресс. Конечно, длительная и острая пропагандистская война, «культурная революция» с враждебными эксцессами и особенно кровопролитные столкновения на советско-китайской границе – все это наложило негативный отпечаток на настроения людей, с которыми приходилось беседовать, их взгляды на Китай и его руководство. В МИД СССР мне не раз приходилось слышать высказывания о том, что, хотя нашим стратегическим противником остается империализм, на определенном этапе, как показали события 1967–1969 годов, серьезных неприятностей можно ожидать скорее от Китая в случае победы в нем идеологии великоханьского национализма.

Встречаясь с разными людьми в МИД СССР и некоторых других организациях, можно было, тем не менее, почувствовать, что, несмотря ни на что, и в те годы не умирала надежда на восстановление добрососедства между народами СССР и Китая. Думающие люди не воспринимали всерьез заказные пророчества отдельных китаеведов с высокими чинами, степенями и званиями, которые уверяли, что перспективы улучшения отношений с Китаем нет в этом столетии и не будет, по крайней мере, в первой четверти XXI века (а такие пророчества в 70-е годы иногда раздавались даже с трибуны актового зала МИД).

Пожалуй, единственным учреждением, где в разговорах не затрагивались перспективы улучшения советско-китайских отношений, был Отдел ЦК КПСС, о котором речь уже шла выше.

Давая согласие вновь поехать в Пекин, я уже имел некоторое представление о после, с которым мне предстояло работать. Познакомились мы с ним еще в период моей работы в делегации по пограничному урегулированию, причем при весьма своеобразных обстоятельствах. Случилось так, что с его приездом в Пекин совпала публикация в «Блокноте агитатора» статьи, резко критикующей китайское руководство. Ее автором был (случаются же такие совпадения!)... «В. Толстиков». Китайцы решили, что статью написал новый советский посол, и стали выражать естественное в таких случаях недовольство. Чтобы ликвидировать недоразумение, было решено, что я, как представитель Отдела печати МИД СССР (а на период моего участия в переговорах этот статус за мной сохранялся), встречу с заведующим Отделом СССР и стран Восточной Европы МИД КНР Юй Чжанем и сделаю ему официальное разъяснение, что посол тут ни при чем и что автором статьи в «Блокноте агитатора» является совершенно другой человек, его однофамилец. Все это я исполнил, и инцидент был исчерпан. Реакция Юй Чжана оставляла впечатление, что такой исход дела его тоже устраивал: одним неприятным вопросом становилось меньше.

В своем новом качестве я довольно быстро сработался с послом. Нас объединяла общая идея: необходимость искать подходы к нормализации советско-китайских отношений и обеспечение на этом пути национальных интересов Советского Союза. Остальное играло подчиненную роль. Если у нас возникали разногласия в оценке тех или иных событий, они не становились камнем преткновения: в ходе дискуссий мы находили взаимоприемлемые оценки и решения, причем делали это – хочу особо подчеркнуть – в тактичной форме, не задевая самолюбия друг друга.

Я откровенно высказывал В.С. Толстикovu свою точку зрения, старался убедить его в своей правоте, но никогда не лукавил с ним, не пытался действовать в обход него, а тем более за его спиной (хотя кое-кто и пытался подтолкнуть меня на этот путь). Вообще на протяжении всей своей дипломатической карьеры, а затем и работы в качестве международного служащего я строго придерживался правила: не угождать, но в то же время быть лояльным по отношению к своему начальству, не участвовать в подковерных играх, весьма распространенных в чиновничьей среде. Посол, как я чувствовал, все это видел, поэтому доверял мне, прислушивался к моему мнению.

К тому же В.С. Толстиков и его ныне покойная супруга оказались приятными в общении людьми, и у нас с женой установились с ними добрые личные отношения. Для полноты картины замечу, что посол пользовался большим уважением в коллективе. Будучи человеком импульсивным, он порой бывал несдержан в выражениях, мог резко отчитать того или иного сотрудника, но мало кто на него обижался за это: все знали, что если он кого-то ругает, то задело, что он незлопамятен, не будет держать камень за пазухой.

ПЕРЕМНЫ В КИТАЕ

Как всегда, 7 ноября посольство устраивало государственный прием по случаю национального праздника – Октябрьской революции. Сразу вслед за тем Толстикovy надолго уезжали в СССР. Дел было очень много. Надо было нанести визиты в МИД КНР и коллегам-дипломатам, предстояло познакомиться с теми сотрудниками посольства и советских учреждений, с которыми раньше мы не встречались, посмотреть, в каком состоянии находится посольское хозяйство (надо отдать должное В.С. Толстикovu: у него, как у бывшего строителя и хозяйственника, все было в блеске) и т.д.

Но, конечно, главное состояло в том, чтобы повнимательнее разобраться с политическими событиями, произошедшими в Китае за два года моего отсутствия.

В китайских средствах массовой информации продолжалась обычная антисоветская трескотня. Ей отводилась двойная роль: во-первых, это была демонстрация сохранявшейся враждебности к КПСС и СССР, а во-вторых, она служила своего рода словесной завесой, скрывавшей от посторонних глаз важные события, происходившие в стране, разобраться в которых мне помогли советники посольства – китаисты В.Г. Карымов, Н.С. Крюков и Р.Ш. Кудашев, а также ученый-китаевед В.Ф. Гусаров, другие сотрудники посольства. А перемены за эти два года в Китае произошли действительно примечательные.

Прежде всего речь, несомненно, шла об исчезновении с политической арены фигуры номер 2 «культурной революции» – «ближайшего соратника» Мао Цзэдуна министра обороны Линь Бяо, а вместе с ним и большой группы военных.

В 50-е годы, когда, сопровождая посла П.Ф. Юдина на встречах и протокольных мероприятиях, я познакомился со многими партийными и государственными деятелями Китая, однако судьба ни разу не сводила меня с Линь Бяо. Я даже не видел его разговаривающим с другими людьми. Собственно, и его голос я впервые услышал в «культурную революцию».

Осенью 1967 года мне предоставилась было возможность сделать уникальный снимок на площади Тяньаньмэнь: Мао и Линь Бяо стоя едут в джипе. Но стоявший за мной человек (видимо, сотрудник охраны) так сильно ударил меня по плечу, закричав при этом: «Да здравствует Мао Цзэдун!», что в результате снимок получился смазанным. Впрочем, я продолжаю хранить его как реликвию.

Во всяком случае, до самой «культурной революции» к Линь Бяо у меня не было никакой предвзятости – ни симпатии, ни антипатии, хотя его нельзя не корить за соучастие в «культурной революции».

Как говорят, ссора произошла из-за поста Председателя КНР – сохранять этот пост или нет. Мао был против, Линь Бяо при поддержке Чэнь Бода – за. На этой почве якобы они и рассорились. Я не очень в этом уверен: если бы дело действительно сводилось только к вопросу о должности Председателя, то китайцы сумели бы как-то его уладить. Равным образом я не придаю значения различиям в версиях гибели Линя: то ли действительно самолет разбился по каким-то техническим причинам, то ли в нем была заложена бомба, то ли еще что... Важен результат: Линь Бяо исчез с политической арены, причем исчез как политический противник режима Мао Цзэдуна.

В самом факте исчезновения Линь Бяо не было ничего удивительного. При трезвом анализе событий он и

сам мог бы увидеть, что его феерический взлет, назначение сначала вторым лицом в реальном государстве, а затем – первым в некоем загадочном государстве, которое якобы оставит ему в виде наследства Мао (Линь официально был провозглашен «преемником» Мао Цзэдуна), – все это было игрой, заведомой авантюрой. Не знаю, конечно, какие планы были в голове у Линь Бяо. Суть же дела в моем понимании состояла в том, что в определенный период «культурной революции» Мао Цзэдуну и его «левым» сторонникам остро требовались лояльность и поддержка армии. Это и обеспечивал Линь Бяо. Когда же такая потребность ослабла, он стал не только не нужен, но и опасен, так как, сохраняя контроль над вооруженными силами, он перекрывал «левым» путь к высшей власти. Мао Цзэдун, по-видимому, предвидел подобную ситуацию и загодя таким образом расставил высшие фигуры, что, как и в случае с Лю Шаоци, влиятельный премьер Чжоу оказался на одной стороне с Председателем ЦК КПК. Дело в том, что Чжоу Эньлай, государственный и партийный деятель более крупного калибра, был поставлен под Линь Бяо, что обрекало их на такое же соперничество, которое в свое время существовало между Чжоу Эньлаем и Лю Шаоци. Главным последствием устранения Линь Бяо стало ускорение процесса перестановки сил в правящей верхушке. Более быстрыми темпами пошла их поляризация. Одним центром тяготения стали Чжоу Эньлай и реабилитированный весной 1973 года Дэн Сяопин. Оба были сторонниками «четырёх модернизаций» (напомним, что это означало модернизацию сельского хозяйства, обороны, промышленности, науки и техники). В этом лозунге как бы аккумулировалась китайская национальная идея: сделать страну современной высокоразвитой державой. Неудивительно, что он находил в Китае много сторонников. Принимали меры для консолидации своих сил и «левые», которые явно спешили, понимая, что шанс овладеть властью у них есть, только пока жив Мао. Однако они были не в состоянии выдвинуть позитивную программу, открывающую перспективу социально-экономического развития страны, повести за собой партию, армию, народ. Поэтому главным своим оружием они сделали развертывание всякого рода идейно-политических кампаний: «критика Линь Бяо и Конфуция», борьба «за изучение теории диктатуры пролетариата» и т.п. Однако все эти кампании были эффективны лишь в той мере, в какой их поддерживал Мао Цзэдун. Собственные позиции «левых» не укреплялись, а скорее, в отличие от второй половины 60-х годов, подвергались коррозии.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ПРЕМЬЕРОМ

В начале 1973 года на проводах приехавшего в КНР высокого иностранного гостя я имел возможность встретиться с премьером Чжоу Эньлаем, которого не видел уже несколько лет. Шла официальная церемония представления дипломатов главе правительства. Но мы с Чжоу Эньлаем встретились глазами несколько раньше, чем протоколист успел назвать мою страну, имя и титул. «А, – сказал премьер, – вы опять приехали. Приветствую Вас, приветствую. А где посол? Наверное, опять заседает в Москве». Поблагодарил премьера за приветствие. Мы обменялись с ним еще несколькими общими фразами.

Тогда я не знал, что это был мой последний разговор с Чжоу Эньлаем. Выглядел он неважно, но держался бодро. Затем его здоровье стало быстро ухудшаться. Однажды я видел, как его, уже совсем немощного, провезли мимо какой-то делегации, которую он должен был встретить. А потом он вообще перестал появляться на подобных мероприятиях.

Двумя днями позже у меня состоялась аналогичная встреча с министром иностранных дел Цяо Гуаньхуа. Мы разговаривали с венгерским поверенным в делах Ласло Иваном в приемном зале Международного клуба. Неожиданно к нам подошел со своей свитой Цяо Гуаньхуа. поприветствовав мой очередной приезд, он принялся рассуждать, кто из нас потолстел, а кто похудел за прошедшее время (мы не виделись более двух лет). Беседа с Цяо Гуаньхуа, как и с Чжоу Эньлаем, продолжалась не более трех-четырёх минут и не несла никакой политической нагрузки.

Тем не менее, некоторые иностранные дипломаты (кстати, никто из присутствовавших, кроме нас с Л. Иваном, китайского языка не знал и поэтому не ведал, о чем шла речь) стали строить предположения, догадки и домыслы по поводу двух вышеописанных встреч. У меня порой складывалось впечатление, что их больше интересуют отношения Пекина с Москвой, чем со столицами посланных их государств.

ДЭН ПОКАЗЫВАЕТ ХАРАКТЕР

Вслед за падением Линь Бяо и пристроившегося к нему Чэнь Бода, бывшего секретаря Мао Цзэдуна и одного из лидеров «культурной революции», на пекинской политической арене вновь стали появляться уцелевшие ветераны партии, известные кадровые работники, которые были как воздух необходимы для приведения страны в порядок.

О реабилитации китайских деятелей специально обычно не сообщалось. Узнавали об этом мы тогда, когда они появлялись на приемах или других массовых мероприятиях. На следующий день после этого в центральной печати помещались списки участников, после чего уже не было сомнений, что упомянутые в них деятели действительно реабилитированы.

Работники внутривластной группы посольства вели специальные таблицы, на которых с верхней до нижней строчки перечислялись имена известных деятелей, а слева направо – названия мероприятий. Поскольку подобные сообщения служили ориентиром для местных руководителей и кадровых работников, власти строго следили, чтобы сообщения были точными, не содержали ошибок. Мы же таким образом получали своего рода матрицы, наложение которых на происходившие в стране события и газетные публикации давало нам достаточно достоверную и конкретную картину политической и кадровой ситуации в стране.

Особое значение имела реабилитация Дэн Сяопина. У него, как, кстати, и у премьера Чжоу Эньлая, были грозные противники, которые организовывали против него мощные контрнаступления в форме идейно-политических кампаний. В начале 1976 года Дэн даже исчез, и некоторые китайские деятели уже думали, что на этот раз – навсегда. (В этом ошибся, в частности, такой опытный политик, как Цяо Гуаньхуа, который однажды вывел возглавляемый им МВД на демонстрацию против Дэна, о чем наверняка потом весьма сожалел.) Но спустя некоторое время Дэн Сяопин появился вновь.

И не случайно: Дэн Сяопин – это не та фигура, с которой легко можно было справиться. В нем таилась какая-то внутренняя сила. Уже будучи в весьма пожилом возрасте, он продолжал излучать необычно мощный заряд энергии. Когда у Чжоу Эньлая обнаружилась неизлечимая болезнь, Дэн занял лидирующее положение среди ветеранов. С самого начала после своей реабилитации в 1973 году он показывал, что возвращается не как провинившийся школьник, а как лидер, имеющий свои взгляды, за которые готов бороться до конца.

Мне довелось быть свидетелем демонстрации, которую устроил Дэн на дипломатическом приеме в гостинице «Пекин» в начале 1973 года, вскоре после окончания своей опалы. Китайский протокол решил отвести для руководства сцену, а всех остальных, включая дипломатов, разместить в зале. На сцене в первом ряду были доставлены стулья, в том числе два рядом – для Дэн Сяопина и для одного из «зачинателей» «культурной революции» Яо Вэньюаня. Увидев это, Дэн решительно подошел к своему стулу и развернул его на 90° так, что его спинка уперлась в стул Яо Вэньюаня. Дэн уселся и весь вечер проговорил со своими соседями, оставаясь спиной к Яо. Последний крутился и так и сяк, но у него ничего не получалось: стулья стояли плотно и все они были заняты. Зал пристально следил за происходящим, кое-кто потихоньку посмеивался. Для Яо это была настоящая публичная порка, которая продолжалась полтора часа, пока не окончился прием.

КОНЕЦ «ДВУХПОЛЮСНОГО» МИРА

В области внешней политики принципиально новым для КНР явилось подписание в конце февраля 1972 года Шанхайского коммюнике с США по итогам визита в Китай президента Р. Никсона. Этот шаг Пекин заранее сбалансировал открытием пограничных переговоров с СССР, которые давали ему возможность жестче торговаться с американцами. Китайско-американский прорыв приводил в восторг и Вашингтон, и Пекин, хотя конкретные результаты прошедших переговоров оказались достаточно скромными.

Политически важен был сам факт визита.

Американцы, несомненно, рассчитывали, что китайский вояж Р. Никсона облегчит им дипломатическую игру в ходе предстоявшего визита Р. Никсона в Москву. Киссинджер даже не удержался и пошутил, что они, американцы, «не прочь научиться есть русскую икру с помощью китайских палочек».

Оценивая итоги февральского визита Р. Никсона в Китай, советский посол в Вашингтоне А.Ф. Добрынин с полным основанием писал: «Это было началом «трехсторонней» дипломатии (США, СССР, Китай), а не двусторонней, как было прежде». Зная настроения китайцев, наш посол, может быть, не удивился бы и тому, как далеко зашел, по его мнению, американский президент в желании потрафить китайцам. К восторгу последних, он заявил, что его визит «изменил мир».

Между тем в этой фразе был определенный смысл, хотя она и звучала тогда как гипербола. Судя по моим многолетним наблюдениям, «двухполюсная» конфигурация международных отношений не приводила китайцев в чрезмерный восторг, поскольку она ограничивала возможности Китая как великой державы вести самостоятельную игру на международной арене. Для китайцев деление мира на две системы было приемлемо лишь некоторое время.

Примечательно, что еще во второй половине 50-х годов китайские авторы не раз возвращались к теме наступления «эпохи колоссальных потрясений на мировой арене» («да дундан шидай»). Когда я спрашивал работников МИД КНР о том, что имеется в виду, они обычно ссылались на ленинские высказывания о широком выходе на международную арену бывших колониальных и зависимых народов, что должно привести новое качество в современные международные отношения. От более конкретных разъяснений, каким должен быть, по их мнению, «перетрясенный» мир, они уходили. Ортодоксия здесь явно приходила в противоречие с интересами китайской дипломатии. Теперь Никсон разрубил этот узел, не забыв похвалить себя за такое «изменение мира».

ОТНОШЕНИЯ ПОСОЛЬСТВА С МИССИЕЙ СВЯЗИ США

В соответствии с китайско-американской договоренностью, достигнутой в 1973 году в Пекине и Вашингтоне, каждая из сторон открыла свою миссию связи. Их отличие от посольств было чисто формальным, связанным с трудностями подыскания подходящей формулы по тайваньскому вопросу (сторонам, видимо, требовалось время, чтобы закамуфлировать компромисс и продемонстрировать «твердость» в отстаивании своих позиций). Полные дипломатические отношения они установили в 1979 году.

В Пекине миссия связи США проявляла готовность поддерживать доброжелательные отношения с советским посольством, на что мы отвечали взаимностью. Кстати, во время очередного отпуска, встречаясь с В.В. Кузнецовым, я советовался с ним по этому вопросу. Он рекомендовал, не навязываясь, поддерживать с американцами добрые стабильные отношения, не пряча их от китайцев.

Особенно врезалась в память незаурядная личность главы миссии связи, будущего президента США Джорджа Буша. Он вел себя подчеркнуто дружелюбно с Толстиковыми, а также со мной и женой, поскольку мы оба говорили по-английски, и у нас не было языкового барьера.

Буш нередко прибегал к театральным жестам: похлопыванию по спине и т.п. Входя в обеденный зал Международного клуба и заведя нас, он иногда громко кричал: «Привет, Брежнев!» Мы отвечали. Естественно, это фиксировалось всеми присутствовавшими, включая «случайно оказавшихся» там людей в штатском.

Для чего он это делал?

Я думаю, его идея состояла в том, чтобы, активно работая над развитием американо-китайских отношений, в то же время предостерегать китайцев от попыток разыгрывать против США советскую карту. В тех условиях это не противоречило и нашим интересам.

Как-то во второй половине 1975 года Буши пригласили В.С. и Е.А. Толстиковых и меня с женой к ним в гости. «Гвоздем программы» был видеофильм о второй мировой войне на Тихом океане, где воевал Буш. Он знал, что В.С. Толстиков тоже был на фронте, и решил сделать ему приятное, напомнив об их боевом братстве.

К сожалению, у нашего посла не было не только аналогичного фильма, но и вообще какой-либо видеотехники. Мы думали, как ответить. Но вопрос решился сам собой. Пришло сообщение о назначении Дж. Буша директором ЦРУ. В.С. Тол-стиков решил по случаю отъезда Джорджа и Барбары Бушей устроить прощальный ланч в «Красной фанцзе» – одном из двух старинных домиков, сохранившихся с тех пор, когда нынешняя территория посольства принадлежала Российской духовной миссии. Старинная китайская обстановка произвела приятное впечатление на гостей.

Мне запомнился обмен тостами. Посол Толстиков выдержал свою краткую речь в строго протокольных рамках, не забыв выразить надежду, что на своем новом влиятельном посту, при всей его специфике, г-н Буш будет содействовать поддержанию добрых отношений между нашими двумя странами.

В ответ я ожидал услышать столь же гладкую протокольную речь с формальной ссылкой на улучшающиеся отношения между США и СССР. Но услышал нечто большее – раздумья высокопоставленного американского деятеля о наших отношениях. Буш сказал (воспроизвожу, естественно, это так, как запомнил), что он, конечно, хотел бы видеть наши отношения как можно более лучшими. Но он – реалист и видит, что на пути к их развитию существуют препятствия, в том числе пока непреодолимые. В то же время имеются области, где возможны и необходимы практические действия, – это снижение уровня военного

противостояния и предотвращение вооруженного столкновения. И этому действительно стоит посвятить все усилия.

Должен сказать, что тост произвел на меня большое впечатление своей откровенностью, прямотой и американским прагматизмом, если можно так выразиться. Может быть, правда, на такое восприятие слов Буша повлияла моя многолетняя служба на Востоке, где я привык к совершенно другим тостам.

В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН

Итак, заканчивалась первая половина 70-х годов. Что нового она принесла Китаю и советско-китайским отношениям?

Напряженность в стране, может, несколько и спала, но неопределенность сохранялась. Ветераны старели, но их позиции не ослабевали. Складывалось впечатление, что Мао постепенно убеждался в слабости «левых», на которых он делал ставку, и начинал более активно искать поддержку провинциальных деятелей. В любом случае борьба за власть продолжалась.

На международной арене, начав переговоры с СССР по пограничному урегулированию и подписав Шанхайское коммюнике, КНР укрепила свои позиции. Накатила новая волна установления дипломатических отношений с Китаем.

Состояние советско-китайских отношений оставалось сложным. Пограничные переговоры топтались на месте: видимо, с точки зрения китайских внутривластных дел время для пограничных вопросов еще не наступило. Китайская делегация продолжала требовать создания спорных районов, ссылаясь на «советскую угрозу», и в то же время по-прежнему уходила от принятия таких обычных в международном праве инструментов защиты от агрессии, как договоры о ненападении и о неприменении силы, советские проекты которых лежали у нее на столе.

Впрочем, оба эти документа по своей важности далеко выходили за рамки пограничных переговоров, они имели и будут иметь значение как для истории, так и для будущего.

Неизменной оставалась враждебная нашей стране пропаганда. Редкий дипломатический прием в зале Всекитайского Собрания Народных Представителей, где чествовали приезжавших в Пекин глав государств и правительств, оканчивался без того, что главный китайский оратор не выругался бы в адрес СССР. В.С. и Е.А. Толстиковым (или, когда их не было, нам с женой) приходилось вставать из-за стола и в знак протеста уходить из зала. В порядке солидарности то же делали послы и поверенные в делах братских стран.

Процедура была не из приятных, но, как говорится, положение обязывало.

Пожалуй, единственной сферой, где тяжело, со скрипом, но все же происходили некоторые позитивные сдвиги, было решение некоторых практических вопросов. Регулярно подписывались ежегодные Соглашения о торговле и платежах, причем объем торговли поднялся в 1976 году до 314,4 млн. рублей. Хотя эта цифра была, конечно, ничтожной для наших двух стран, она, тем не менее, в восемь с лишним раз превосходила уровень 1970 года.

Возникали и обсуждались проблемы прохода китайских судов у Хабаровска. Китайская сторона возвратила советских вертолетчиков, непреднамеренно залетевших на китайскую территорию. Советская сторона оказала помощь китайским пограничникам, отрезанным от своей базы в горах обильным снегопадом, и т.д. При всей фрагментарности и порой мелкомасштабности подобного рода событий мы придавали им большое значение. Во-первых, потому, что они прокладывали путь для спокойного решения таких вопросов, неизбежно возникающих у стран с протяженной границей. Во-вторых, успешное их разрешение снимало искусственно создаваемую политическую остроту там, где ее и не должно было быть. А самое главное – это была приоткрывавшаяся форточка, через которую начинал поступать свежий воздух.

Реально взвешивая обстановку внутри Китая и вокруг него, нельзя было не видеть, что перемены назревают, хотя перемены нескорые, на которые уйдут, по крайней мере, годы. Но думать о них и готовиться к ним надо было начинать уже тогда. Задача состояла в том, чтобы ждать и наблюдать, в каком направлении будут развиваться внутренняя обстановка в Китае и его внешняя политика.

Наиболее богатым на события в Пекине оказался 1976 год, начало которого ознаменовалось смертью премьера Государственного совета Чжоу Эньлая, пожалуй наиболее авторитетного в Китае лидера, пользовавшегося большим влиянием в стране. Летом умер другой ветеран китайской революции – Председатель Постоянного комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей, маршал Чжу Дэ. В сентябре скончался Председатель ЦК КПК Мао Цзэдун, а месяц спустя была арестована так называемая «банда четырех»: организаторы «культурной революции» Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь и жена

Мао Цзэдуна Цзян Цин (Кан Шэн умер раньше). Все это привело к серьезной перестановке сил в руководстве партии и страны... Но прежде, чем продолжить эту тему, коротко скажу о двух событиях того же 1976 года, которые серьезно осложнили нашу работу.

29 апреля около 2 часов дня к китайским охранникам, стоявшим у ворот посольства, подошли двое китайцев, мужчина и женщина, с каким-то мешком и начали с ними разговаривать. Вдруг в начале третьего прогремел взрыв, причем такой силы, что осколки взрывного устройства перелетели на нашу территорию, пробили толстые двойные стекла приемного Белого зала посольства и отбили кусок противоположной стены из искусственного мрамора (и это при том, что посольство находится на значительном расстоянии от ворот). По счастливой случайности никто из советских людей не пострадал: обычно в это время сотрудники возвращались с обеда, но в тот день они прошли на несколько минут раньше, поскольку было заранее объявлено, что ровно в 2 часа начнется собрание. А вот все находившиеся там китайцы погибли. Их разорвало буквально на куски. У центральной клумбы валялась голова одного из охранников.

На 5 часов мы с послом были приглашены в посольство Японии на прием по случаю национального праздника. Решили, что я поеду один и извинюсь за отсутствие В.С. Толстикова «по не зависящим от него причинам». Спустя несколько дней японский посол спросил меня, почему я не сказал ему о взрыве. Ответ был прост: не хотел портить ему и его гостям праздник. Японский дипломат, как мне показалось, оценил это и поблагодарил.

Что касается МИД КНР, то его реакция была какой-то вялой и сводилась к тому, чтобы побыстрее «закрыть вопрос». Дней через десять после взрыва меня пригласил заведующий Отделом СССР и стран Восточной Европы МИД КНР Юй Хунлиан (позднее посол КНР в Москве) и информировал, что, как показало расследование, террористический акт «был совершен контрреволюционером». Однако, поскольку после взрыва никого в живых не осталось, ничего другого установить не удалось. Я выразил неудовлетворение таким объяснением, подчеркнув, что МИД КНР ушел от ответа на вопрос о том, кто направлял террористов. Впрочем, другого от заведующего отделом ожидать не приходилось. Поэтому я не стал продолжать дискуссию, ограничившись подтверждением оценки произошедшему, которая была дана китайской стороне послом Толстиковым сразу после взрыва.

Другим трагическим событием года было землетрясение. Оно случилось в летней предрассветной мгле. Эпицентр был в районе Таншаня (приблизительно в 150 километрах от Пекина), где сила землетрясения достигала 8 баллов. В Пекине она составила 6 баллов. Хотя здания у нас были достаточно крепкие, пришлось всех жителей посольского городка на некоторое время выселять на улицу, точнее – в наш парк. Надо отдать должное Москве: как только посольство направило сообщение о случившемся, сразу же самолетом были высланы палатки и средства от комаров, которые особенно требовались для детей. Подавляющее большинство посольств в эти дни закрылись и перебрались кто в Гонконг, кто к себе на родину.

Посол Толстиков находился тогда в СССР. Мне предстояло решить, нужно ли ставить перед Москвой вопрос об эвакуации советского коллектива или, как минимум, женщин и детей. Посоветовавшись с общественными организациями, взвесив все обстоятельства, я пришел к выводу, что этого делать не следует. Летняя погода, парк, полученные палатки позволяли пережить наиболее опасный период. Коллектив положительно воспринял такое решение: эвакуация неизбежно создала бы немало проблем каждой семье. Конечно, никому не возбранялось вылететь в СССР в индивидуальном порядке, но, насколько я помню, никто этим правом не воспользовался.

По моей просьбе сотрудник делегации по пограничному урегулированию, картограф В.Е. Масиброда, наиболее компетентный среди нас в этих делах, прочитал лекции о землетрясениях, которые, с одной стороны, несколько успокаивали коллектив, а с другой – ориентировали на сохранение бдительности, поскольку китайские власти нас ежедневно предупреждали о возможности повторения землетрясения. У нас пострадал ни один человек. Лишь в одном старом помещении рухнула стена из тяжелых камней. К счастью, люди, жившие там, уехали оттуда за две недели до землетрясения.

Был, правда, момент, когда я не на шутку испугался. Приходит ко мне однажды посольский врач и докладывает: у одного ребенка появились все признаки дизентерии. Что делать? Китайские госпитали забиты до отказа ранеными. Наши люди живут, по существу, на улице. Если болезнь распространится... По правилам, с рейсовыми самолетами инфекционных больных отправлять нельзя. Но выхода у меня не было, решаю поговорить с командиром корабля. Разговор был нелегким. Но мой собеседник оказался человечным. Мы договорились, что я сообщаю в Центр об отправке больного ребенка и беру всю ответственность на себя. На борту самолета были приняты рекомендуемые врачом меры, начиная с выделения ребенку отдельного туалета и отгораживания части салона (благо самолет не был забит).

Каким было облегчением получить через два дня телеграмму, сообщавшую, что диагноз не подтвердился!

В связи с землетрясением должен отметить жест китайской стороны: посольство посетил Юй Хунлянь и от имени МИД КНР выразил чувства симпатии советским людям, находившимся в Пекине во время землетрясения. Демарш Юй Хунляня мы истолковали как желание несколько смягчить подпорченные в прошлом отношения китайских властей с посольством и другими советскими учреждениями. Учитывая это, я пригласил на встречу с ним советников посольства и руководителей других советских учреждений. Выслушав Юй Хунляня и поблагодарив его и МИД КНР, я, в свою очередь, от имени отсутствовавшего посла, всех своих коллег и от себя лично выразил наше сочувствие и соболезнование по поводу страданий и гибели от стихийного бедствия китайских граждан.

Попутно замечу, что я всегда стремился содействовать поддержанию корректных отношений между посольством и МИД КНР и устранению, когда это было возможно, возникавших порой трений.

Вспоминается в связи с этим такой эпизод. Однажды нам пришлось срочно отправлять в Москву для лечения заболевшего сотрудника. Учитывая состояние его здоровья, я счел необходимым обратиться к китайским властям с просьбой упростить оформление его вылета, с тем, чтобы он мог без задержек проследовать через аэровокзал к самолету. МИД КНР пошел нам навстречу. Однако по пути на аэродром состояние больного ухудшилось, и сопровождавшие сотрудники самовольно выехали на летное поле, чтобы ускорить его посадку в самолет. Соблюдая договоренность, власти аэропорта препятствий не чинили, но выражали возмущение самоуправством наших товарищей.

Когда мне доложили о случившемся, я поручил 1-му секретарю Ю.И. Родиченкову поехать в МИД КНР, поблагодарить за содействие и выразить сожаление по поводу произошедшей накладки. Едва мы с ним успели обсудить содержание заявления, как его попросили приехать в МИД. Тогда я ему рекомендовал по прибытии туда, сославшись на мою срочную просьбу, сначала сделать составленное нами заявление, а затем выразить готовность обсудить имеющиеся у китайской стороны вопросы. Он так и сделал. Выслушав, сотрудник МИД сказал, что он пригласил представителя посольства как раз для того, чтобы поговорить о произошедшем на аэродроме. Он имел в виду обратить внимание на то, что такие действия советских сотрудников могут в будущем затруднить сотрудничество между МИД и посольством. В связи с этим китаец выразил удовлетворение по поводу заявления, сделанного советским дипломатом по поручению поверенного в делах СССР.

Читатель вправе спросить: а почему автор столь подробно рассказывает о посольстве, его взаимоотношениях с китайским МИД, трудностях, возникавших при решении частных вопросов, и т.д.? С такой постановкой вопроса можно было бы согласиться, если бы все это не происходило в условиях острой конфронтации между нашими странами, когда любая мелочь могла неожиданно стать трудноразрешимым препятствием или даже перерасти в крупную политическую проблему. Поэтому, чтобы посольство могло играть отведенную ему роль одного из инструментов проведения внешней политики своего государства, оно должно было уделять повышенное внимание «рутинным» вопросам своего существования и функционирования при столь необычных обстоятельствах.

ПОХОРОНЫ ЧЖОУ ЭНЬЛАЯ И МАО ЦЗЭДУНА

Но вернемся к «большой политике».

Уход из жизни ведущих китайских лидеров сопровождался ожесточенной борьбой в китайских верхах. Это отчетливо проявилось в период их похорон.

Подлинную скорбь народа вызвала смерть Чжоу Эньлая. Фактически его хоронили два раза.

Неудовлетворенные официальными похоронами, население Пекина наполовину спонтанно устроило его вторые похороны, приурочив их к дням «Цин-мин» (начало апреля, когда поминают усопших). На центральной площади Тяньаньмэнь стало скапливаться большое количество народа с венками, портретами Чжоу. Все это доставляло немало хлопот китайским правоохранительным органам. Вся площадь была заполнена лозунгами, плакатами и просто беленькими бумажечками, приколотыми к кустарникам и деревьям, обрамлявшим площадку, с изложением сокровенных мыслей и чувств. Кто-то запустил воздушный шар с подветренной стороны так, что он оказался висящим над Чжуннаньхаем, где должен был находиться Мао Цзэдун.

К шару был прикреплен лозунг, говоривший о Чжоу как о «самом великом революционере Китая». Это был прямой вызов Мао Цзэдуну.

3 апреля мы с женой, проезжая площадь, притормозили на минуту. Нам довелось наблюдать немую сцену. Как раз перед нами тоже приостановилась автомашина. Сидевший в ней мужчина (по виду чиновник не ниже заместителя министра) вышел, поклонился Памятнику погибших героев, где ставили портреты Чжоу Эньлая, затем нырнул в машину и быстро уехал: задерживаться было неблагоприятно. Вечером пошел

простой народ, и там, как рассказывали, было столкновение. Обращало на себя внимание: идя на похороны Чжоу, люди не проявляли страха, хотя и знали, что это – несанкционированное мероприятие, причем явно направленное если и не против самого Мао, то против его «левых» друзей.

Впрочем, Мао сам доживал свои последние месяцы. О его смерти было объявлено днем 10 сентября.

Накануне вечером мы с женой были на официальном обеде у Хуа Гофэна, бывшего тогда главой китайского правительства. Было начало осени, когда большинство послов еще не вернулись из летних отпусков, а среди поверенных в делах я был одним из старших. Поэтому мы оказались сравнительно недалеко от хозяина (через один стол) и имели возможность его наблюдать. Кто-кто, а он наверняка хорошо знал о том, в каком состоянии пребывает Председатель ЦК КПК. Но Хуа не подавал и вида, что вообще что-то происходит. Он, как радушный хозяин, слегка улыбался, пожимая гостям руки. За столом сидел спокойно, как обычно. Для меня, разумеется, не было новостью умение китайцев владеть своим лицом. Но, согласитесь, ситуация была экстремальной.

На похоронах Мао Цзэдуна было все, как положено в таких случаях: и штатные плакальщики, и плакаты с выражением скорби, и венки и пр. Не чувствовалось только той искренней скорби, с которой провожают близких в последний путь.

Как и на похороны Чжоу Эньлая, зарубежные делегации не приглашались. С нашей стороны все требования протокола были соблюдены. Более того, в связи со смертью высшего китайского руководителя В.С. Толстикова прервал лечение, которое он проходил в СССР, и на несколько дней прилетел в Пекин. По приглашению Протокольного отдела МИД КНР в траурной церемонии кроме посла и меня приняли участие все советники посольства и руководители советских учреждений в Китае. Учитывая крайне враждебное отношение Цзян Цин к нашей стране, посол решил, что для выражения ей соболезнования достаточно одной советской женщины, в то же время полное их отсутствие могло бы быть истолковано как демонстративное выражение неуважения к родственникам покойного. Ввиду отсутствия в Пекине В.А. Толстиковой в похоронах участвовала моя жена Э.И. Брежнева.

Впрочем, демонстрацию, только иного рода, устроила сама Цзян Цин. Когда в назначенное время иностранные дипломаты прибыли в холл здания Всекитайского Собрания Народных Представителей, где был установлен постамент с телом Мао Цзэдуна, ее там не оказалось. Она решила всем показать, что ее место – не среди теперь уже ничего не значивших родственников покойного, а в рядах правителей постмаоистского Китая, вместе с которыми она на другой день стояла в почетном карауле. На ленте венка, который возложила Цзян Цин, не содержалось и намека на супружеские узы, связывавшие ее с Мао, подпись же выдавала далеко идущие амбиции: «соратница и ученица». Это было ярким контрастом тому, как по-семейному трогательно незадолго перед тем просталась с мужем вдова Чжоу Эньлая Дэн Инчао, которая, кстати, в отличие от Цзян Цин, имела серьезные заслуги перед освободительным движением Китая. На своем венке вдова премьера поставила краткую, но выразительную подпись: от «маленькой Чао» (видимо, так ласково при жизни называл ее супруг).

Такие детали не могли ускользнуть от внимательного взора китайцев, традиционно почитающих семью. Выходки Цзян Цин ей дорого обошлись. Я убежден, что если бы она повела себя как жена скончавшегося Председателя, то ее политические противники десять раз подумали бы, прежде чем ее арестовывать вместе с другими членами «банды четырех».

КУДА ПОЙДЕТ КИТАЙ?

В ходе этих больших и важных событий нас в первую очередь интересовали три основных вопроса:

– Куда пойдет Китай в своем внутреннем развитии?

– Кто будет им править?

– Какова будет внешнеполитическая ориентация КНР, и в каком направлении будут развиваться советско-китайские отношения?

Не выдам большого секрета, если скажу, что за всеми этими вопросами скрывался главный и определяющий: что можно сделать (да и можно ли?), чтобы использовать новую ситуацию, связанную с неизбежными переменами в составе руководства

КПК, в целях поворота советско-китайских отношений в сторону добрососедства?

Для каждого, наблюдавшего за жизнью китайского народа в течение нескольких лет, было ясно, что жить так, как жил Китай до сих пор, он уже не сможет. Либо Китай должен внести коррективы в свою политику, либо наступит крах. Реальный выход давала знаменитая формула Дэн Сяопина: «Неважно, какого цвета кошка, – важно, чтобы она мышей ловила». Другими словами, спасти Китай могли только прагматические решения. Китайскому руководству срочно нужно было принимать меры к ослаблению антагонизмов,

разьедавших общество на протяжении последних десятилетий, особенно в период «культурной революции». Сразу после смерти Мао и Чжоу бразды правления взял в свои руки Хуа Гофэн, который еще в апреле был назначен премьером Государственного совета (главой правительства) КНР, а в конце октября – Председателем ЦК КПК. Официальная пропаганда уверяла, что Мао еще при жизни сам указал на него как на своего преемника. Повсюду и везде – на стенах домов, на газетных и журнальных полосах – красовались стандартные плакаты, на которых изображалась передача Мао Цзэдуном написанной им «дацзыбао» Хуа Гофэну: «Раз дело в твоих руках, я спокоен». В попытке Мао Цзэдуна поставить во главе партии и государства провинциального лидера была своя логика. Мао мог рассчитывать, что провинциальные руководители, в отличие от столичных интеллигентов, будут больше чтить его память, окажут поддержку Хуа Гофэну, который будет более лоялен по отношению к «левым».

Однако, оказавшись перед выбором, Хуа сам принял участие в аресте «банды четырех»: она вызвала настолько сильные антипатии кадров и населения, что поддерживать ее было бы самоубийством для политического деятеля. Главное же, Хуа Гофэн и его окружение под влиянием обстоятельств осознали, что Китаю требуется общенациональный лидер, способный не допустить междоусобной борьбы и вывести его на нормальный путь развития. Хуа была уготовлена роль переходной фигуры, и он с ней отлично справился. Что касается внешнеполитической ориентации постмаоистского Китая, то нам представлялось, что он будет проявлять больше прагматизма и умеренности, постепенно выходя на курс равной удаленности от СССР и от западных стран – без резких поворотов в ту или другую сторону. Это, как тогда казалось, открывало определенные возможности для нормализации советско-китайских отношений с перспективой продвижения к добрососедству.

Исходя из этих соображений, посольство в разных документах выдвигало на рассмотрение Москвы свои предложения. «Наверху» они воспринимались благожелательно. Однажды, поздней осенью 1977 года, после того, как мы отправили в Москву очередную такую бумагу, позвонил секретарь ЦК КПСС К.В. Русаков (поскольку посла не было, с ним разговаривал я), который сказал, что, по мнению руководства партии, посольство правильно делает, ведя поиск путей к нормализации отношений с Китаем, и что ему следует продолжать это делать и впредь.

Однако некоторые высокопоставленные чиновники партийного аппарата, сделавшие карьеру на ухудшении отношений с Китаем, думали иначе. Они упорно стремились во что бы то ни стало доказать, что улучшение советско-китайских отношений невозможно. И вскоре я ощутил это, как говорят, на собственной спине. Весной 1978 года, когда посол находился длительное время в СССР, в китайских газетах заметно изменилась направленность публикаций по Советскому Союзу: исчезли личные выпады в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС, по существу, прекратилась критика нашей внутренней политики, а вся антисоветская брань сосредоточилась в материалах о внешней политике СССР.

Было очевидно, что китайцы поступают так неспроста. Лишь осенью стало ясно, что в этот период шла подготовка к судьбоносному для страны пленуму ЦК КПК, который закрепил лидерство Дэн Сяопина и одобрил предложенный им курс. Однако нам тогда об этом ничего не было известно. Поэтому я в своих информационных мог лишь констатировать сам факт изменений в направленности китайской пропаганды и рекомендовать понаблюдать за дальнейшим ходом событий, чтобы выяснить, что за этим скрывается. Реакция Москвы была скоропалительной и жесткой. Вместо того чтобы поразмыслить о происходящем в Китае и возможных наших действиях, чиновники аппарата ЦК КПСС и МИД СССР принялись метать копыя в мой адрес. Во-первых, требовали подтвердить, что все это действительно так. Во-вторых, мне предложили возвращаться в Москву (срок командировки у меня уже был солидный).

Прибывший из Москвы посол ознакомился с материалами и, будучи человеком принципиальным, сообщил в Центр, что моя информация достоверна. Однако в Москве об этом и слышать не хотели.

Значительно прояснить дело мог бы находившийся в Пекине заместитель министра иностранных дел Л.Ф. Ильичев. С ним я не только советовался о целесообразности информирования МИД по этому вопросу (он полностью одобрил такую идею), но и перед отправкой показывал ему проекты, в один из которых он внес пару стилистических правок собственной рукой. Однако, когда грянул гром, Ильичев поспешил отмежеваться. Свою позицию он оправдывал тем, что, коль скоро московскому начальству информация не понравилась, благоразумно признать ее ошибочной (как бы дело ни обстояло в действительности) и повиниться. Я счел это неприемлемым.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ. БЕСЕДА С М.С. КАПИЦЕЙ

По возвращении в Москву у меня состоялся разговор с заведующим I Дальневосточным отделом МИД СССР М.С. Капицей. Он заявил, что моя информация об освещении Советского Союза китайской прессой является

якобы неправильной, искажает действительность. Однако, когда я попросил его привести хотя бы один конкретный пример такого «искажения», он не смог этого сделать, а стал ссылаться на мнение Отдела ЦК, сводившееся к тому, что позитивная информация о Китае сейчас не нужна.

Продолжая рассуждать в этом же ключе, М.С. Капица принялся критиковать посольство за неоднократное внесение после смерти Мао и ареста «банды четырех» предложений по улучшению отношений с Китаем. Особое недовольство он выражал по поводу нашего предложения приостановить в советской печати критику маоизма.

Поскольку большинство таких предложений (особенно когда они направлялись лично Л.И. Брежневу) шли за подписью посла, я во избежание кривотолков сразу же заявил, что принимал непосредственное участие в их подготовке, считаю их правильными и готов нести за них ответственность наряду с послом. Переходя к сути дела, я подчеркнул, что Китай объективно вступает в полосу перемен и история не простит нам, если мы не попытаемся воспользоваться этим в целях нормализации отношений с ним. Что касается маоизма, то надо смотреть правде в глаза: при любом развитии событий в ближайшие годы и десятилетия Китай сохранит имя Мао Цзэдуна как знамя, и все наши попытки помешать этому не принесут успеха. Другой вопрос, каким реальным содержанием китайское руководство будет наполнять «идеи Мао Цзэдуна» на практике. Вернее всего, речь будет идти об установках, направленных на экономическое развитие страны и на решение социальных вопросов. В итоге может получиться, что у нас не останется предмета для спора либо выявится его новое направление, открывающее путь к компромиссу. Поэтому посольство и предлагает подождать, посмотреть, а потом уже решать, что делать дальше.

Наша беседа, можно сказать, окончилась ничем: каждый остался при своем мнении. На меня она произвела тяжелое впечатление. Явно выполняя поручение, Капица в полуприказном тоне излагал мне то, что прямо противоречило указаниям, полученным мной для посольства от К.В. Русакова. Вывод напрашивался сам собой: в данный момент на каких-то уровнях бюрократической лестницы победила антикитайская линия. Это, кстати, несколькими годами позже подтвердил А.М. Александров-Агентов, внешнеполитический помощник Л.И. Брежнева: «Мне, например, – писал он в своих мемуарах, – не раз приходилось быть свидетелем того, как отдельные попытки (Генерального секретаря. – А.Б.) Брежнева уже в послемаоистский период найти какие-то пути к оздоровлению отношений с Китаем пресекались нашими «китаеводами» из аппаратов ЦК и МИД, которые длительное время специализировались на разоблачениях китайской политики и другого представить себе не могли».

Такая «победа» над Генеральным секретарем не могла, разумеется, кардинально изменить положение, хотя, вероятно, и оттянула на какое-то время нормализацию наших отношений с Китаем.

Постепенно советское высшее руководство стало проявлять все большее желание разобраться, что же на самом деле происходит в Китае. В 1980 году А.А. Громыко послал М.С. Капицу в качестве гостя советского посла в Пекине для ознакомления с положением дел на месте. Мне не довелось увидеть его доклад. Знаю лишь, что по прочтении его высокопоставленный работник Отдела ЦК КПСС злобно буркнул: «Капица продался китайцам». Но шел не 1978-й, а 1980 год. Времена были уже не те, когда приходилось преодолевать сильное давление и, что называется, грудью отстаивать каждую объективную информацию о положении в Китае.

«Теперь, – пишет М.С. Капица в своих мемуарах, – А.А. Громыко думал по-другому, думали по-другому и в высшем ареопаге: все-таки подул ободряющий зефир».

Впрочем, «зефиром» дело, как известно, не ограничилось. Произошли изменения в руководстве партии, а затем и в составе руководства Отдела ЦК, что позволило позитивным переменам, происходившим в Китае, проявиться и в области советско-китайских отношений. Наступил период конструктивной работы по восстановлению и развитию советско-китайских связей, чего так долго ждали не только дипломаты, но и все наше общество.

Не буду описывать события этого периода не только в силу того, что их хорошо помнит нынешнее поколение россиян. Мне, к сожалению, не пришлось принимать участия в этой благодатной деятельности, ибо расхождения с Отделом ЦК вынудили меня сначала уйти с оперативной работы по Китаю, а затем и вообще сменить направление. Последним моим вкладом в дело укрепления дружеских уз между нашими народами было проведение исторического исследования «Россия и крестьянская война тайпинов в Китае», в котором я на оригинальных архивных документах показал несостоятельность утверждений некоторых политически ангажированных авторов о «причастности России к подавлению тайпинов». Эта работа была опубликована на русском, а также на английском и французском языках и, как я надеюсь, сыграет определенную роль в научной разработке темы позитивных традиций в истории российско-китайских отношений, которые в памяти людской не должны заслоняться негативными явлениями.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С тех пор минуло около двадцати лет. События этого периода не только подтвердили, но и в значительной мере превзошли те оптимистические оценки, которые высказывало посольство после смерти Мао Цзэдуна и ареста «банды четырех». Добрососедство России и Китая, тогда еще многим казавшееся немыслимым, стало свершившимся фактом. Более того, подписаны исторические соглашения по границе, завершившие в основном почти четырехвековой процесс территориального размежевания между нашими странами. Руководители России и Китая нашли оптимальную в нынешних условиях формулу уз, соединяющих оба государства: отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Эта формула открывает широкие возможности для взаимовыгодного сотрудничества и в то же время реалистически устанавливает его пределы, а главное – указывает позитивное направление взаимодействия наших стран на длительную перспективу. Конечно, на пути российско-китайских отношений будут встречаться и трудности, возникать проблемы, связанные, например, с разной степенью хозяйственного освоения Сибири и прилегающих к ней китайских земель, с различной плотностью населения, проживающего по обе стороны границы, и др. В этом, однако, нет никакой трагедии: во взаимоотношениях практически всех соседствующих стран появляются подобные вопросы, но при наличии обоюдной доброй воли они находят приемлемые для обеих сторон решения.

Я и здесь остаюсь оптимистом, ибо знаю, как сильно связывают российский и китайский народы общие или параллельные цели и интересы.

И россияне, и китайцы хотят жить в обстановке мира, стабильности, обеспечения территориальной целостности и укрепления суверенитета своих стран. Оба народа стремятся преодолеть отставание и вывести свои страны на передовые рубежи в экономике, культуре (в том числе политической), науке и технике. Важнейшая цель обоих государств – обеспечить качественное повышение уровня жизни и социального обеспечения своих граждан. А без мира и сотрудничества между нашими странами решение всех этих поистине насущных задач становится весьма проблематичным, а точнее – нереальным. Особо значимым обстоятельством, диктующим необходимость поддержания дружественных отношений между Россией и Китаем, остается их уникальное геополитическое положение. Оно, с одной стороны, делает бессмысленными войны между ними, а с другой – многократно усиливает оборонительный потенциал каждой из сторон при условии поддержания мира и стабильности на их границе. Поэтому отнюдь не случайно, что, хотя в истории отношений России и Китая, как и в их взаимоотношениях с другими странами, имелись и свои темные страницы, оба государства не вели крупномасштабных войн друг против друга. В отличие от западных государств, Россия не участвовала ни в «опиумных войнах», ни в подавлении тайпинского восстания. Наши страны были по одну сторону баррикад во второй мировой войне. Советский Союз поддерживал китайский народ в его борьбе против японской агрессии, апофеозом чего явился разгром советскими войсками японской армии, оккупировавшей Северо-Восток Китая.

В настоящее время сотрудничество наших стран на международной арене приобретает особое значение в связи с начавшимся процессом перехода от биполярного к многополярному мироустройству. Россия и Китай не имеют намерения становиться на путь создания военных союзов и провоцировать создание новых противостоящих им блоков. Они заинтересованы в том, чтобы совместно с другими государствами содействовать начавшейся перестройке международных отношений, цель которой – сближение народов, укрепление их равноправия, упрочение мира и безопасности на нашей планете.

В заключение хочу подчеркнуть: как бы ни развивались события внутри наших стран и в мире в целом, насущно необходимо оберегать и сохранять установившееся добрососедство России и Китая. Мы не вправе забывать, что конфронтация дорого обходится нашим народам, а путь к ее устранению – долгий и тернистый. Собственно, в этом и состоит та основная мысль, к которой автор хотел бы привлечь внимание читателя

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия: обстоятельства времени 7

Глава I. ССОРА	13
Об авторе	13
Первое знакомство с Китаем. Народный университет	16
Посольство	22
Посол П.Ф. Юдин	28
Досадные неприятности	35
Мины замедленного действия	42
XX съезд КПСС и советско-китайские отношения	47
Неудачная встреча на высшем уровне 1958 года.	
Стрельба в Тайваньском проливе	52
«Большой скачок» и отзыв советских специалистов	59
Перестрелка в Гималаях	68
Глава II. СХВАТКА ГИГАНТОВ	73
Другой Пекин	75
Встреча Мао Цзэдуна с советским послом 23 февраля 1963 г. «Большая полемика»	77
Октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 года и визит китайской делегации в Москву	87
Встреча А.Н. Косыгина с Мао Цзэдуном	99
Назначение в Пекин нового советского посла...	104
Несбывшиеся надежды ПО	
Начало «культурной революции»	119
Посольские будни времен «культурной революции»	137
Дипломатия хунвэйбинов. Эвакуация советских семей	145
«Жаркое» лето 1967 года	153
Несостоявшийся погром	171
Вооруженные конфликты на границе	175
Глава III. ПОИСКИ НОРМАЛИЗАЦИИ	179
Отягчающие обстоятельства	180
«А мы и есть сверхдержава...»	184
Начало переговоров по пограничному урегулированию	185
Последняя командировка в Китай	197
Перемены в Китае	204
Последняя встреча с премьером	208
Дэн показывает характер	209
Конец «двухполюсного» мира	212
Отношения посольства с миссией связи США ..	213
В ожидании перемен	216
Похороны Чжоу Эньлая и Мао Цзэдуна	224
Куда пойдет Китай?	227
Возвращение в Москву. Беседа с М.С. Капицей ..	231
Послесловие	235

мемуары

Алексей Аркадьевич Брежнев

**КИТАЙ:
тернистый путь к добрососедству**

Воспоминания и размышления

Редактор А.Н. Ермонский Оформление художника А. С. Александрова Художественный редактор А. С. Скороход Технический редактор Г. В. Лазарева Корректор Л. Ф. Крылова Компьютерная верстка Л.А. Кривошеиной

ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 18.05.98 г. Формат 84 x 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура 'Тайме'. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6 + 0,84 вкл. Уч.-изд. л. 10,27. Тираж 1000 экз. Заказ №2336 . Цена договорная
Издательство «Международные отношения» 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

ПРИМЕЧАНИЯ

Цит. по *Шеварднадзе Э.* Мой выбор. М.: Новости, 1991. С. 267-268.

Французский язык я начал изучать факультативно года за полтора до окончания института после замечания, полученного от академика Е.В. Тарле, который читал у нас курс лекций по истории внешней политики и с которым я был знаком. Как-то, узнав, что я не владею этим языком, он по-профессорски деликатно покриковал меня: «Вы собираетесь стать историком-международником или дипломатом. В любом случае, чтобы быть полноценным работником, Вам просто необходимо овладеть хотя бы азами французского языка». Я прислушался к этому совету и, хотя и с запозданием, начал учить французский. Е.В. Тарле оказался прав: впоследствии знание этого языка весьма пригодилось, и мне даже пришлось доучивать его.

ВДШ (Высшая дипломатическая школа) — так тогда называлась Дипломатическая академия МИД РФ. Моя фамилия по-китайски транскрибировалась так, чтобы ее легче было запомнить китайцам: Бу Лежэнь. Так я значился в китайских официальных документах, а позднее — и в сообщениях китайских средств массовой информации.

Статья 14 Положения о Посольстве Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 28 октября 1996 г., устанавливает, что в Посольстве не могут образовываться структуры политических партий, религиозных, общественных объединений, за исключением профессиональных союзов (Дипломатический вестник МИД РФ. 1996. №11. С. 7). На мой взгляд, эта статья оставляет, однако, неясным вопрос о допустимости создания, особенно в странах, где находятся сотни тысяч наших людей, женских советов, спортивных секций, клубов по интересам и тому подобных общественных организаций, не имеющих политического или идеологического характера.

Лобода И.Г. Москва-Пекин. Что дальше? М.: Инфра-М, 1995. С. 198.

Капица М.С. На разных параллелях. М.: Книга и бизнес, 1996. С. 61.

Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997. С. 329-330.

Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 330. Хрущев высказывает мысль, что если бы Сталин прожил дольше, то разрыв с Китаем произошел раньше. Эта мысль в достаточной степени не аргументируется, а история, как известно, сослагательных наклонений не принимает, особенно если при этом не приводятся убедительные доказательства.

Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 354.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1956. С. 38-39.

Лю Шикуню тяжело пришлось в годы «культурной революции». Одно время ходили даже слухи, что ему перебили руки, чтобы он не смог больше играть. Как-то знакомый сотрудник МИД КНР в застольной беседе, по собственной инициативе затронув эту тему, заявил, что это неправда. Когда же я спросил его, что произошло с Лю Шикунем на самом деле, он почему-то ушел от ответа. Тем не менее мой собеседник, к счастью, в общем оказался прав. Учитывая известность Лю Шикуня, в первой половине 70-х годов китайцы организовали его концерт для дипкорпуса, чтобы показать, что он жив и продолжает играть. С той же поры пианист стал появляться на приемах в советском посольстве. Все это производило благоприятное впечатление.

Цит. по Известия. 1956. 2 нояб.

Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Т. 1. Документы. Пекин: изд-во «Литература на иностранных языках». 1956. С. 197.

Примечательно, например, что, когда СССР неожиданно для КНР поддержал Индию в кашмирском вопросе, Китай, к явному удовлетворению Пакистана, не высказал своего одобрения этому шагу советского лидера.

Ли Чжисуй. Мао Цзэдун. Записки личного врача. Кн. I. М.: Интер-Дайджест, 1996. С. 318-319.

По возвращении в Советский Союз в мае или июне 1959 года я имел беседу с М.В. Зимяниным, который, видимо, хотел поглубже «прощупать» нового сотрудника (раньше мы были знакомы лишь чисто формально). Его интересовало, как я оцениваю происходящее в Китае. Отвечая на его вопросы, я, без ссылки на посла, упомянул, что в посольстве обсуждался вопрос о правильности перевода термина «большой скачок» на русский язык и все пришли к выводу, что перевод точный. М.В. Зимянин со свойственной ему быстротой реакции заметил: «А почему возник такой вопрос? Китайцы точно сформулировали то, чего они хотят: выпрыгнуть из отсталости. Для этого они и совершали революцию. Тут не должно быть сомнений или возражений. Другое дело — как и какими методами это осуществлять».

Объединение государственных книжно-журнальных издательств, существовавшее с 1930 по 1949 год. «Линия Мак-Магона» была предложена представителем Великобритании на англо-китайско-тибетской конференции в Симле в 1914 году в качестве границы между Тибетом и Британской Индией от Бирмы до Бутана.

Эпизодически Российская духовная миссия неофициально выполняла и отдельные функции дипломатического характера, содействовала развитию торгового обмена и культурному общению двух стран. Причем все это происходило в то время, когда ни одна европейская держава еще не имела в Пекине своих постоянных представителей. Официальная дипломатическая миссия России была открыта в Китае в 1861 году, когда туда прибыл российский посланник Л.Ф. Баллюзек.

Ли Чжисуй. Указ. соч. Кн. I. С. 134-138. «Встречей с К. Марксом» Мао Цзэдун обычно называл свой предстоящий уход из жизни, когда имел в качестве своих собеседников коммунистов или близких им по взглядам людей.

Китайский эквивалент известного приема советской пропаганды, когда важное заявление одновременно передавалось «всеми радиостанциями Советского Союза».

Речь, по существу, шла о тех положениях Программы, в которых закреплялась линия XX съезда КПСС.

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. С. 169.

Спасибо.

Большое (спасибо). О том, что Мао Цзэдун учит английский язык, нам и дипломатам некоторых других стран к тому времени уже не раз приходилось слышать от китайских должностных лиц. Говорят, он даже как-то сказал, что вокруг него много людей говорит по-русски, а он, Мао, решил выучить английский. См. *Косыгин А.Н.* Избранные речи и статьи. М., 1974. С. 207-208.

В связи с этим мне вспоминается работавший в то время в Пекине цейлонский дипломат Сеневератне, который говорил, что нормализация советско-китайских отношений должна начаться с «соглашения не соглашаться» («agree to disagree»). Тогда, по его словам, легче будет находить общий язык и приходиться к единой точке зрения. Этому простому и правильному положению китайская дипломатия противопоставляла (по крайней мере, применительно к СССР) принцип: «Кто не с нами, тот против нас»: мы или Индия, мы или США и т.д.

Так тогда еще именовалась должность лидера партии.

См. *Александров-Агентов А.М.* Указ. соч. С. 130, 162.

В те годы в составе посольства постоянно находился сотрудник одного из институтов АН СССР, специализировавшихся на изучении экономики КНР. Кроме того, на штатные дипломатические должности в посольство приглашались китаеведы — специалисты по истории, философии, литературе Китая. Такой союз дипломатии и науки был весьма плодотворен. Ученые помогали дипломатам глубже осмысливать и точнее оценивать обстановку, вырабатывать оптимальные решения. В то же время они получали возможность осваивать основы дипломатической службы, собирать на месте материалы по интересующим их проблемам, что способствовало их профессиональному росту. Среди тех, кто успешно трудился на стыке дипломатии и науки, можно назвать ленинградского ученого В.Ф. Гусарова, долгие годы бывшего 1-м секретарем, а затем советником посольства, В.И. Шабалина, ставшего позднее послом в одной из азиатских стран, М.Л. Титаренко, нынешнего директора Института Дальнего Востока РАН.

Смысл этой акции не разгадал Н.С. Хрущев, который в своих мемуарах расхваливает ее как «разумный шаг», полностью абстрагируясь от того исторического контекста, в котором она была предпринята.

Еще во времена обучения в Народном университете мне доводилось слышать восторженные рассказы студентов о личной жизни премьера. В частности, приводились его слова о том, что Дэн Инчао — идеальная жена, хотя у них и нет собственных детей. В этом контексте в положительном плане упоминалась и Сунь Вэйши.

Эту традицию китайцы педантично соблюдали и во время «культурной революции». В зависимости от того, где строились туалеты и куда прокладывался водопровод, можно было со стопроцентной гарантией заранее знать о планируемых (якобы «спонтанных») демонстрациях, в том числе направленных против посольств. Приходится только сожалеть, что в нашей дипломатической службе практически исчез институт драгоманов. Речь идет о входивших ранее в состав наших посольств в странах Востока высококлассных специалистах в области языка, истории, литературы, обычаев и традиций страны пребывания. Они являлись одновременно и официальными переводчиками, и ближайшими советниками посла по всем этим вопросам. Посольство СССР в Пекине. Построено в 1959 г. на месте, где в течение двух с половиной столетий находилась Российская духовная миссия, которая вплоть до открытия официального представительства России при необходимости выполняла дипломатические функции, а также содействовала развитию с Китаем торговых и культурных связей (снимок сделан автором в 1977 г.).

Это подтверждает в своих мемуарах и М.С. Капица, который рассказывает, что после одного из налетов на советское посольство у нас нашлись горячие головы, которые предложили в ответ «пощекотать» китайское посольство в Москве. Однако эта идея в МИД СССР была отвергнута (см. *Капица М.С.* На разных параллелях. М.: «Книга и бизнес», 1996. С. 79).

Весьма острой критике работу Отдела ЦК КПСС по китайскому вопросу подвергает в своих воспоминаниях бывший начальник информационно-аналитического управления ПГУ (внешней разведки) КГБ СССР генерал Леонов. См. *Леонов Н.С.* Лихолетье. М.: Международные отношения, 1995.

Заявления ТАСС были в советский период широко применявшейся формой доведения официальной точки зрения СССР до советской и иностранной общественности.

Переговоры долгое время буксовали на месте. Лишь в новой исторической обстановке первой половины 90-х годов были заключены Соглашения о границе, снявшие спорные вопросы ее прохождения. Соглашения ратифицировали парламенты обеих стран. Была создана Совместная российско-китайская демаркационная комиссия, российскую делегацию в которой возглавил посол по особым поручениям МИД РФ Г.В. Киреев. Комиссия провела демаркацию, составила описание границы и установила пограничные столбы. Таким образом, впервые за всю историю наших взаимоотношений российско-китайская граница получила полное юридическое оформление.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). М.:

«Автор», 1966. С. 226.

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. С. 171.

Капица М.С. На разных параллелях. М.: «Бизнес и книга», 1996. С. 111.

Приблизительно в это же время я неожиданно получаю от М.С. Капицы, с которым после 1978 года наши отношения были чисто формальными, подарок — книгу с надписью: «по-дружески». Сначала я удивился, но затем, когда узнал о поездке и реакции на нее в Отделе ЦК КПСС, мне все стало ясно.